

Изъ Кіевскихъ воспоминаній

(1917—1921 гг.)

А. А. Гольденвейзера

I. Эпоха Временнаго Правительства

(февраль—октябрь 1917 года)

Наканунѣ. — Первые дни. — Организациа мѣстной власти. — Еврейская общественность. — Праздникъ равноправія. — Первый украинскій съѣздъ. — «Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій». — Кіевскій Исполнительный Комитетъ и его члены. — Пресса. — Приѣздъ А. Ф. Керенскаго. — Нашъ конфликтъ съ украинцами. — Приѣздъ Церетели. — Соглашеніе съ украинцами и вступленіе «меньшинствъ» въ Центральную Раду. — Областное еврейское совѣщаніе и агитація Рафеса. — Нѣсколько словъ о пропорціональныхъ выборахъ. — Выборы въ Кіевскую Городскую Думу. — Національно-политическія размышленія. — Корниловщина. — Новая Дума. — Наканунѣ новыхъ событій.

Въ концѣ февраля 1917 года въ Кіевѣ ничто не предвѣщало великихъ событій, на самомъ порогѣ которыхъ мы находились.

Убіиство Распутина, повидимому, не произвело у насъ того впечатлѣнія, которое мнѣ пришлось наблюдать въ Петроградѣ, гдѣ я какъ разъ въ эти дни былъ. Послѣдовавшія затѣмъ предсмертныя судороги реакціи — премьерство кн. Голицына, увольненіе министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатьева, двухкратное отсрочиваніе Думской сессіи. — все это было воспринято, какъ очередной поворотъ вправо, какъ политическій эпизодъ, которыхъ было и которыхъ будетъ еще такъ много...

На фронтѣ было зимнее затишье, продовольственное положеніе не обострялось и жизнь текла своимъ чередомъ. Наша провинціальная общественность концентрировалась главнымъ образомъ вокругъ трехъ военно-общественныхъ организацій: Земскаго Союза, Союза Городовъ и Военно-Промышленнаго Комитета. Руководящіе органы всѣхъ этихъ учрежденій состояли сплошь изъ прогрессивныхъ элементовъ — земцевъ, городскихъ дѣятелей и промышленниковъ. Во главѣ областного комитета Земсоюза стоялъ С. П. Шликевичъ, во главѣ Согора — баронъ Ф. Р. Штейнгейль, председателемъ Военно-промышленнаго комитета былъ съ самаго его основанія Михаилъ Ивановичъ Терещенко — баловень судьбы, обладавшій колоссальнымъ богатствомъ и пользовавшійся исключительными симпатіями въ торгово-промышленныхъ и общественныхъ кругахъ. Всѣ проникавшія къ намъ частныя свѣдѣнія о неурядкахъ

въ дѣлѣ снабженія армій, о тлетворномъ вліяніи Ставки, объ антагонизмѣ между отдѣльными военачальниками — все это обычно шло черезъ эти комитеты. Въ ихъ же канцеляріяхъ перепечатывались на машинкахъ и оттуда распространялись безчисленные списки со знаменитыхъ рѣчей Милскова, Шульгина и Маклакова въ засѣданіяхъ Государственной Думы 1-го и 3-го ноября 1916 года.

Партиійныя и національныя организаціи, хотя и существовали у насъ съ самаго 1905 года, но работали довольно вяло. Лѣвыя партіи работали въ подпольѣ. Изъ полу-легальныхъ политическихъ организацій былъ замѣтенъ пожалуй только областной комитетъ партіи Народной Свободы, во главѣ котораго, послѣ смерти Е. Г. Шольна, стоялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и уважаемыхъ кіевскихъ дѣятелей — Д. Н. Григоровичъ-Барскій. Въ качествѣ суррогата еврейской національной организаціи существовала нѣкая «Комиссія общихъ дѣлъ», числившаяся при суррогатѣ еврейской общинной организаціи — «Представительствѣ по дѣламъ еврейской благотворительности при кіевской городской управѣ». Дѣло же помощи многочисленнымъ еврейскимъ бѣженцамъ и выселенцамъ изъ прифронтной полосы сосредоточивалось въ такъ-называемомъ КОПЕ — «Кіевскомъ обществѣ помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій». Въ обоихъ учрежденіяхъ преобладали политически-умѣренные элементы еврейства — сіонисты, кадеты, крупные торгово-промышленники — и оба подвергались систематическимъ нападкамъ со стороны евреевъ-соціалистовъ, взгляды которыхъ выражалъ въ печати талантливый сотрудникъ «Кіевской Мысли» М. Лировъ.

Повторяю: къ концу февраля 1917 года наша кіевская атмосфера не была сгущена болѣе, чѣмъ обыкновенно, и ничто не предвѣщало близкой грозы. Напротивъ, барометръ общественныхъ настроеній — биржа — реагировала на послѣднія политическія событія бѣшеной hausse'ой. Курсы всѣхъ бумагъ (валютой тогда еще не интересовались) неслись неудержимо вверхъ, а публика все покупала и покупала; мѣстные банки не успѣвали выполнить всѣхъ порученій на Петроградъ, которыми ихъ ежедневно заваливала биржа. И любопытно, что именно биржевой бюллетень петроградскаго телеграфнаго агентства былъ для Кіева первымъ вѣстникомъ петроградскихъ событій. 25 или 26 февраля кіевляне нашли въ своей газетѣ, вмѣсто ожидаемыхъ свѣдѣній о послѣдней котировкѣ въ Петроградѣ, — пустое мѣсто. Биржи не было — что бы это могло означать?

Естественно было привести это въ связь съ тѣми безпорядками на почвѣ недостатка продовольствія, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ Кіевъ. За серьезность этихъ безпорядковъ говорило то, что правительство, видимо, нервничало: намъ сообщали о созывѣ какого-то совѣщанія изъ представителей министерствъ и законодательныхъ учреждений и это совѣщаніе, чуть ли ни подъ предсѣдательствомъ самого Щегловитова, высказалось за передачу продовольственнаго дѣла въ руки городскихъ управленій. Это былъ явный поворотъ курса, явное поражение Протопопова и его политики, состоявшей въ захватѣ всего и вся въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ . . .

Однако, никакихъ прямыхъ свѣдѣній о размѣрѣ движенія и о позиціи правительства въ Кіевѣ не было. Газеты печатали официальные и официозныя сообщенія, сквозь которыя и не проглядывалъ истинный характеръ происходившихъ событій. И только биржа подозрительно и упорно бездѣйствовала.

Но вотъ однажды вечеромъ — должно быть, это было 28 февраля или 1 марта — получила въ Кіевѣ знаменитая телеграмма за подписью Бубли-

кства, назначеннаго комиссаромъ Комитета Государственной Думы въ Министер-ство Путей Сообщенія. Телеграмма эта съ быстротой электрической искры распространилась по городу. Всѣ были въ этотъ вечеръ у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не зналъ, кто такой Бубликовъ; стали справляться по стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы и пришлось удовлетвориться тѣмъ, что онъ депутатъ, инженеръ и, если не ошибаюсь, членъ партіи прогрессистовъ. Ни въ подлинности телеграммы, ни въ рѣшающемъ значеніи происшедшаго переворота не могло быть сомнѣній; порукой служилъ включенный въ телеграмму текстъ воззванія Родзянко къ населенію. Опасались только одного: какъ бы ходъ событій не повернулъ обратно. Уже послѣ отреченія Царя одна дама призналась мнѣ, что въ эти дни она каждое утро просыпалась съ мыслью, что вотъ ей подадутъ газету и она на первой страницѣ увидитъ опять слова: «а посему признали Мы за благо»...

Всѣ въ эти дни ждали извѣстій, жаждали узнать подробности. Получаемыя въ редакціяхъ газетъ телеграммы переписывались и распространялись по городу — чаще всего въ перепутанномъ и невразумительномъ видѣ. А по утрамъ мы выбѣгали на улицу и часами простаивали въ очередяхъ у газетныхъ кіосковъ.

Настроеніе было праздничное. Да и какъ было не радоваться? Грандіозный переворотъ, осуществленіе вѣковой нашей мечты мы получили какъ бы въ подарокъ, безъ борьбы и усилій, безъ крови и стоновъ...

Это чувство восторга по поводу происшедшаго съ Россіей феерическаго превращенія сохранилось еще долгу. Въ письмѣ моемъ, писаномъ черезъ пять мѣсяцевъ, въ августѣ 1917 года, я нахожу слѣдующія строки:

«Трудно себѣ представить глубину пропасти, отдѣляющей насъ отъ Россіи 26 февраля 1917 года. Большаго контраста, большей разительности въ перемѣнѣ и придумать невозможно. Вѣдь именно того, чего прежде такъ не доставало, теперь больше всего — столько, что его не замѣчаешь, не цѣнишь и не знаешь, куда дѣть. Старый строй болѣе всего ощущался скованностью личности, приводившей и къ бѣдности политической жизни, и къ неравенству, и къ деспотической власти монарха съ его кастой бюрократовъ; теперь — столько свободы и такъ мало власти, что это уже перестало радовать, равенство же пришло такъ само собой, самотекомъ, что послѣ минутнаго торжества его и не замѣчаешь»...

Въ первые дни революціи эти чувства были всеобщими.

Были, вѣроятно, сожалѣющіе о старомъ режимѣ, были, можетъ быть, и встревоженные за свою собственность, — но они терялись въ общей массѣ. Разумѣется, эта масса радующихся и торжествующихъ не была однородна. Съ первыхъ же дней можно было провести демаркаціонную черту между сторонниками «углубленія революціи» и болѣе умѣренными элементами. Это отразилось прежде всего на различномъ отношеніи отдѣльныхъ группъ къ актамъ отреченія Николая II и Михаила Александровича. Отреченіе Николая было, впрочемъ, встрѣчено всѣми, какъ что-то естественное и неизбежное. Но еще до 3 марта населеніе Кіева ознакомилось съ рѣчью Милокова, въ которой онъ говорилъ о регентствѣ, и многіе ждали именно такого выхода изъ положенія. Личность Михаила Александровича внушала довѣріе; онъ слылъ англоманомъ и многихъ вполне удовлетворяла перспектива имѣть его въ качествѣ «царствующаго, но не управляющаго» монарха. Опасались, какъ бы переходъ къ

совершенно новой власти не былъ воспринять широкими массами, какъ переходъ къ безвластью; и думали, что сохраненіе въ этотъ моментъ монархіи способству-етъ развитію у народа чувства преемственности власти и поможетъ предотвратить анархію. Поэтому, повторяю, къ отреченію Великаго Князя стнеслись различно; не всѣ въ эти первые дни радовались этому отреченію.

Нельзя, однако, не признать, что въ этомъ вопросѣ умѣренные были въ ничтожномъ меньшинствѣ и что правы оказались тѣ, которые говорили: «вотъ вы увидите — въ Россіи черезъ двѣ недѣли не будетъ больше монархистовъ» . . .

Второй вопросъ, въ одѣикѣ котораго разошлись мнѣнія «углубителей»* и умѣренныхъ, это былъ составъ Временнаго Правительства. Противъ большинства назначеній, впрочемъ, ничего нельзя было возразить. Нѣсколько уди-влялъ Некрасовъ въ качествѣ министра путей сообщенія — мы тогда еще не привыкли къ парламентаризму и къ замѣщенію техническихъ постовъ профанами; никто не ожидалъ увидѣть Терещенко министромъ финансовъ. Но наибольшей неожиданностью было, несомнѣнно, назначеніе Керенскаго. Никто не сомнѣвался въ томъ, что министромъ юстиціи будетъ В. А. Маклаковъ. И замѣнъ его Керенскимъ радовались тогда только самые ярые «углубители». Впрочемъ, бы-стро возрастающая популярность Керенскаго, его пламенные рѣчи, и роль, которую онъ, какъ затѣмъ выяснилось, сыгралъ въ событіяхъ, скоро примирили всѣхъ съ передачей такому молодому и экспансивному депутату поста Генераль-Прокурора Россійской Державы.

Такъ, въ приподнятомъ, радостномъ настроеніи и при почти полномъ един-ствѣ мыслей и чувствъ провелъ Кіевъ медовый мѣсяць революціи. Свое виѣшнее выраженіе этотъ подъѣмъ и это торжество получили въ организованномъ 16 марта «Праздникѣ революціи». Въ этотъ день грандіозныя шествія войскъ и гражданъ проходили по главнымъ улицамъ, съ красными знаменами, подъ звуки Марсе-льезы. Съ думскаго балкона, памятнаго кіевлянамъ съ 18 октября 1905 года, происходились пригѣтственные рѣчи. Весь городъ былъ на улицѣ, у оконъ, на балконахъ. Это было настоящее всенародное торжество . . .

Какъ организовалась въ Кіевѣ первая революціонная власть? Организаціон-нымъ центромъ оказалась Городская Дума — впрочемъ, въ большей мѣрѣ дум-ское зданіе, чѣмъ личный составъ Городской управы или гласныхъ. Октябрист-ское большинство Думы, политически безцвѣтную управу и городского голову Ф. С. Бурчака тотчасъ же перегнали и обошли событія. Но въ залахъ Думы стали собираться представители организацій и партій, къ которымъ перешла власть, и изъ числа гласныхъ были взяты лица, ставшія во главѣ ея. Это отчасти придало организаціи новой власти такой характеръ, какъ будто она исходитъ отъ Городской Думы.

Въ образованіи органовъ были представлены всѣ существовавшія въ Кіевѣ общественныя, культурныя, просвѣтительныя и національныя организа-ціи; а также представители возникшихъ сейчасъ же Совѣтовъ Рабочихъ и Воен-ныхъ Депутатовъ. Это импровизированное представительство организованной

* Я хочу здѣсь же оговориться, что употребляю это слово отнюдь не въ ирониче-скомъ, или насмѣшливомъ смыслѣ. Надъ этими людьми уже достаточно зло посмѣялась дѣйствительность. «Углубителями революціи» я называю тѣхъ, кто не довольствовался одной перемѣной политическихъ формъ и желалъ увидѣть результатомъ переворота немедленное повышеніе благосостоянія и счастья массъ. Цѣль ихъ была болѣе, чѣмъ симпатичная, и заслуживала полного сочувствія. Но только эти люди не хотѣли или не умѣли понять, что эта цѣль неосуществима революціонными средствами и въ ре-волюціонномъ темпѣ.

кіевской общественности вылилось въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева». Однако, этотъ органъ сейчасъ же оказался слишкомъ громоздкимъ, и изъ его состава былъ выдѣленъ «Исполнительный Комитетъ», къ которому фактически и перешла вся власть. Въ первый составъ Исполнительнаго Комитета вошли представители Городской Думы (Н. Ф. Страдомскій, Д. Н. Григоровичъ-Барскій), Земскаго Союза (С. П. Шликевичъ), Городскаго Союза (бар. Э. Р. Штейнгейль), Военно-Промышленнаго Комитета (проф. Ю. Н. Вагнеръ), украинскихъ организацій (А. В. Никовскій), еврейскихъ организацій (И. Фруминъ), рабочихъ (П. И. Незлобинъ, А. В. Доротовъ), военныхъ (офицеръ Карумъ, солдатъ Зайцевъ) и др. Этотъ «Исполнительный Комитетъ» (никто тогда не чувствовалъ потребности сокращать это наименованіе въ «Исполкомъ») и сталъ въ первые полгода революціи представителемъ власти Временнаго Правительства въ городѣ Кіевѣ*.

Я ближе познакомился съ этимъ учрежденіемъ, когда (въ концѣ апрѣля) вступилъ въ число его членовъ. Въ первые же два мѣсяца революціи моя общественная работа ограничивалась участіемъ въ еврейскихъ національныхъ организаціяхъ. Къ нимъ-то и относятся поэтому мои первыя наблюденія и воспоминанія.

Кіевская еврейская общественность была впервые поставлена въ необходимость реагировать на происходящія событія, когда, въ первые же дни послѣ революціи, предъ нею сталъ вопросъ о представительствѣ еврейства въ органахъ новой власти. Уже въ самыхъ первыхъ числахъ марта было создано соединенное засѣданіе упомянутыхъ выше двухъ еврейскихъ организацій — Комиссіи общихъ дѣлъ и КОПЕ. Я присутствовалъ на этомъ засѣданіи въ качествѣ секретаря Комиссіи общихъ дѣлъ. Настроеніе было довольно растерянное.

Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено созвать на 5 марта большое собраніе изъ представителей всѣхъ существующихъ въ городѣ Кіевѣ еврейскихъ общественныхъ организацій. На этомъ собраніи предполагалось избрать делегатовъ въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева» и его «Исполнительный Комитетъ», а также создать временный органъ, который являлся бы національно-политическимъ представительствомъ кіевского еврейства.

5 марта это собраніе состоялось въ самомъ большомъ концертномъ залѣ города (въ Купеческомъ клубѣ). Зрѣлище было довольно импозантное, чувствовалось вѣяніе духа новыхъ временъ. Въ городѣ, откуда евреевъ постоянно выселяли, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только «для лѣченія минеральными водами» и «для воспитанія дѣтей», гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о дѣлѣ Бейлиса, — въ этомъ городѣ, впервые за его тысячелѣтнюю исторію, состоялось

* По примѣру Исполнительнаго Комитета Госуд. Думы, нашъ Исп. Ком. назначилъ своихъ комиссаровъ въ отдѣльныя городскія учрежденія; впоследствии большинство изъ назначенныхъ комиссаровъ стали начальниками этихъ учреждений. Такъ комиссаръ судебной палаты, комиссаръ военнаго округа К. Оберучевъ — начальникомъ округа, комиссаръ почты и телеграфа А. Н. Зарубинъ — начальникомъ почт.-тел. округа. Кромѣ названныхъ, были еще назначены: комиссаръ учебнаго округа Архимовичъ, комиссаръ духовной консисторіи о. Постолювскій. Губернскимъ комиссаромъ, согласно общему распоряженію Вр. Правительства, сдѣлался предсѣдатель губ. земск. управы М. А. Суковкинъ. При немъ былъ свой губернский Исп. Комитетъ и свой Губернскій Совѣтъ общ. орг. Эти губернскіе органы, представлявшіе всѣ уѣзды безъ гор. Кіева, съ самаго начала были окрашены въ украинскій цвѣтъ.

открытое и гласное собраніе представителей еврейства. И открывая его, председательствовавшій С. Л. Франкфуртъ въ приличествующей случаю торжественной формѣ привѣтствовалъ «первое свободное собраніе евреевъ — свободныхъ гражданъ».

Послѣ продолжительныхъ преній, которыя уже не всецѣло оказались на соотвѣтственной моменту высотѣ, были произведены выборы пяти еврейскихъ представителей въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій» и десяти членовъ организаціонной комиссіи, которой было поручено провести выборы въ еврейскій представительный органъ.*

Часовъ въ пять утра, взволнованные и уставшіе, возвращались мы изъ Купеческаго собранія. Шелъ густой снѣгъ. «Природа не благопріятствуетъ русской революціи, — сказала д-ръ Фруминъ, мандатъ котораго, несмотря на всѣ старанія конкурентовъ-сіонистовъ, былъ все-таки подтвержденъ. — Того и гляди, заносы приостановятъ транспортъ»...

Организаціонная Комиссія, въ составъ которой вошелъ и я, послѣ десяти дней лихорадочной работы сорганизовала и провела выборы въ центральный органъ, долженствовавшій представлять все организованное еврейство гор. Кіева — общественныя, культурныя, филантропическія организаціи, политическія партіи, кооперативы, больницы, профессиональные союзы и, наконецъ, синагоги и молитвенные дома. И 16 марта состоялось открытіе «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева». А черезъ пять дней, 21 марта, депутація отъ Совѣта могла привѣтствовать органы мѣстной революціонной власти по поводу провозглашенной Временнымъ Правительствомъ отмѣны всѣхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.**

Въ качествѣ участника депутаціи я впервые могъ присмотрѣться ближе къ этимъ самопроизвольно зародившимся органамъ — «Исполнительному Комитету», Ссвѣту рабочихъ депутатовъ и Совѣту военныхъ депутатовъ. Они помѣщались тогда въ Дворянскомъ домѣ, на Думской площади.

Чего-чего только не видѣлъ за эти годы въ своихъ стѣнахъ этотъ сѣрый домъ, въ которомъ до 1917 года засѣдали одни только сонные генералы изъ Дворянской опеки и Дворянскаго депутатскаго собранія! Въ 1917 году — Исполнительный Комитетъ, а затѣмъ (послѣ его переѣзда во Дворецъ) — Совѣтъ профессиональныхъ союзовъ; въ 1918 году — нѣмецкая комендатура, военно-полевой судъ и пр. армейскія учрежденія; въ 1919 году — Совнархозъ; въ 1920—1921 годахъ — клубъ какой-то красноармейской части...

Въ мартѣ 1917 года зданіе и мебель еще не были потрепаны и помѣщеніе производило довольно эффектное впечатлѣніе. Исполнительный Комитетъ стоя

---

* Делегатами отъ еврейскаго населенія въ «Совѣтъ» оказались д-ръ Г. Б. Быховскій, пр. пов. М. С. Мазоръ, магистръ агрономіи С. Л. Франкфуртъ, д-ръ И. О. Фруминъ и д-ръ С. И. Флейшманъ. Изъ нихъ двое (Быховскій и Франкфуртъ) были кадетами, одинъ (Мазоръ) сіонистомъ, одинъ (Фруминъ) — эсэромъ и одинъ (Флейшманъ) — эсдэкомъ (меньшевикомъ). Всѣ пять были черезъ нѣсколько дней кооптированы Городской Думою въ составъ гласныхъ.

** Было также принято рѣшеніе ознаменовать этотъ день какимъ-либо вѣчнымъ памятникомъ. Вопросъ долго обсуждался и, въ концѣ концовъ, остановились на мысли воздвигнуть на собранныя среди евреевъ средства зданіе для Народнаго Университета. Для сбора денегъ была организована особая комиссія. Всего успѣли собрать около милліона рублей, которые съ тѣхъ поръ и числятся на текущемъ счету въ одномъ изъ кіевскихъ банковъ.

выслушать наше привѣтствіе, на которое въ теплыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ его предсѣдатель Н. Ф. Страдомскій.

То была — въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи, — эпоха привѣтствій, и я тогда уже отъ души жалѣлъ предсѣдателей всѣхъ этихъ привѣтствуемыхъ учрежденій и искренно удивлялся ихъ долготерпѣнію. Вѣдь каждый изъ насъ — членовъ депутаціи — приходилъ по одному разу; но каково было имъ всѣхъ насъ выслушивать и каждому отвѣчать!.. Кіевскій «Исполнительный Комитетъ» буквально осаждался желавшими его привѣтствовать. И особенно любопытно было наблюдать, какъ самыя благонамѣренныя правительственныя учрежденія — губерпское правленіе, консисторія, судъ, учебный округъ и т. д. — одно за другимъ извлекали изъ своей среды своего самаго либеральнаго, а потому наиболѣе затертаго сочлена и его устами выражали предъ Исполнительнымъ Комитетомъ свой восторгъ по поводу совершившагося переворота. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такія депутаціи являлись почти каждый день; говорились рѣчи и затѣмъ члены Исполнительнаго Комитета поднимались съ мѣсть, пожимали руки депутатамъ и благодарили ихъ...

Изъ президіума Совѣта рабочихъ депутатовъ насъ встрѣтилъ одинъ только товарищъ предсѣдателя А. В. Доротовъ. Наболѣе торжественнымъ оказалось посѣщеніе Военнаго Совѣта. Въ тотъ день въ театрѣ Бергонье было общее собраніе офицеровъ кіевскаго гарнизона. Мы рѣшили передать ему наше привѣтствіе и посѣтили это собраніе. Я помню, какъ, стоя за кулисами и ожидая своей очереди, мы слушали, одно за другимъ, выступленія офицеровъ. Всѣ выступавшіе какъ будто искренно желали служить новому строю. Но всѣ были въ ужасѣ отъ начинавшейся дезорганизаціи среди солдатъ, въ ужасѣ отъ своего трагическаго безсилія. Помню, рѣчь шла объ организаціи охраны тюрьмы*. Никто не хотѣлъ браться за командованіе предназначенной для этого частью. Положеніе становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. По просьбѣ предсѣдателя выступилъ полковникъ К. Оберучевъ. — сотрудникъ «Кіевской Мысли», назначенный тогда Комиссаромъ, а вскорѣ затѣмъ Начальникомъ Кіевскаго Военнаго Округа. Онъ прочелъ собравшимся цѣлую лекцію объ организаціи службы и дисциплинѣ въ деморализированной арміи. Его рѣчь нѣсколько подняла настроеніе и, наконецъ, среди собравшихся нашелся смѣльчакъ, взявшій на себя миссію охранять губерпскую тюрьму.

Пришелъ и нашъ чередъ, мы вышли на сцену, и нашъ ораторъ — С. И. Флейшманъ — сказалъ нѣсколько подходящихъ къ случаю словъ. Ихъ встрѣтили рукоплесканіями, но все же чувствовалась какая-то неловкость. Едва ли многіе изъ присутствовавшихъ въ душѣ одобряли актъ о равноправіи. И едва ли многіе выслушали съ удовлетвореніемъ красивую рѣчь, которую произнесъ въ отвѣтъ на наше привѣтствіе секретарь собранія, живописный Е. П. Рябцевъ — тогда присяжный повѣренный, призванный по мобилизаціи, впоследствии избранный Кіевскимъ Городскимъ Головой, а въ 1919 году уже оказавшійся, по опредѣленію В. В. Шульгина, «революціонной реликвіей города Кіева»...

* Въ Кіевѣ (какъ, вѣроятно, и въ другихъ городахъ) извѣстіе о совершившемся переворотѣ вызвало большое возбужденіе среди тюремныхъ сидѣльцевъ. Ихъ умъ никакъ не могъ обнять того, что водарившаяся «свобода» не можетъ растворить ихъ узнице. По порученію Исп. Ком. въ тюрьму ѣздили судебный комиссаръ Д. Н. Григоровичъ-Барскій, Я. С. Гольденвейзеръ и др., — пытались разъяснить заключеннымъ смыслъ происшедшихъ событій и примирить ихъ съ своей судьбой. Требовались, однако, и болѣе реальныя мѣры охраны.

Припоминаю еще одно наше привѣтственное выступленіе, относящееся къ той же эпохѣ. Это было, кажется, 8 апрѣля. Собрался первый украинскій національный съѣздъ, составленный изъ представителей всевозможныхъ «сиплокъ» изъ всѣхъ городовъ и весей Украины. На этомъ съѣздѣ, закончившемся избраніемъ Центральной Украинской Рады, впервые проявилась вся значительность украинскаго движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организационные таланты его вождей.

Всѣмъ извѣстно — и украинцы справедливо на это жалуются, — что многіе круги русской интеллигенціи до 1917 года съ какимъ-то легкомысленнымъ пренебреженіемъ относились къ національнымъ движеніямъ отдѣльныхъ русскіихъ народностей и, въ частности, къ движенію украинскому. Достаточно припомнить хотя бы появившіяся во время войны статьи по украинскому вопросу П. Б. Струве, которыя тѣмъ болѣзненнѣе были восприняты въ украинскіихъ кругахъ, что отвѣчать на нихъ, по цензурнымъ условіямъ, было невозможно. Нельзя было отговариваться ненароднымъ характеромъ украинскаго движенія; вѣдь все наше освободительное движеніе предъ революціей пошло болѣе или менѣе интеллигентскій характеръ... Это, повторяю, легкомысленное пренебреженіе къ украинскому національному движенію со стороны русской и еврейской интеллигенціи проявилось и въ первыя педѣли революціи. Мы, въ эти недѣли, не знали и не хотѣли знать ничего объ украинствѣ и объ его національныхъ домогательствахъ. И каждое напоминаніе о нихъ, исходившее отъ заинтересованныхъ круговъ, воспринималось нами, какъ грубая безтактность. Вскорѣ на этой почвѣ предстояло разыгратъ довольно грознымъ конфликтамъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, побѣдителями вышли украинцы.

Итакъ, 8 апрѣля, въ традиціонномъ залѣ Купеческаго собранія, открылся Всеукраинскій національный съѣздъ. Помню этотъ залъ, переполненный молодой, чужой мнѣ по настроеніямъ и говору толпой. Помню сѣдую голову проф. М. С. Грушевскаго, занимавшаго центральное мѣсто за столомъ президіума. Помню его волшебную власть надъ всей этой неотесанной аудиторіей. Достаточно было ему поднять руку съ цвѣткомъ бѣлой гвоздики, которой былъ украшенъ столъ, и залъ затихалъ... Послѣ дипломатическихъ привѣтствій предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Страдомскаго и губернскаго комиссара Суковкина, слово получилъ предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій. Онъ произнесъ краткую, сдержанную рѣчь (надъ редакціей которой мы проработали весь предыдущій вечеръ) и импровизированное заключительное личное привѣтствіе Грушевскому, скрѣпленное публичнымъ лобызаніемъ...

8 апрѣля 1917 года былъ первый смотръ украинскіихъ національныхъ силъ и первая встрѣча украинской и русской общественности послѣ революціи. И привѣтствія, и поцѣлуи — все это было прекрасно и даже трогательно. Но отъ внимательнаго наблюдателя не могли уже въ этотъ день ускользнуть предвѣстники совѣмъ иныхъ встрѣчъ въ близкомъ будущемъ.

Кромѣ посылки телеграммъ, отправки депутацій и редактированія воззваній, дѣятельность вновь образованнаго «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» сводилась, главнымъ образомъ, — къ самозащитѣ. Составъ Совѣта оказался не вполне удачнымъ. Въ него вошли, въ качествѣ представителей своихъ организацій, всѣ прежніе ихъ предсѣдатели, члены правленій и президіумовъ. Объединенный сипклить этихъ безсмѣнныхъ руководителей нашей до-революціонной еврейской общественности производилъ ужъ слишкомъ старо-режимное впечатлѣніе. Это лишало Совѣтъ надлежащей поддержки даже въ средѣ тѣхъ

группъ, которыя были въ немъ представлены. Значительно важнѣе было однако то, что, какъ вскорѣ выяснилось, Совѣтъ объединялъ далеко не все группы и партіи. Соціалистическое крыло еврейства, приглашенное къ участию въ Совѣтъ, частью въ него не вступило, а частью, вступивъ, тотчасъ же вышло.

Выходъ социалистовъ былъ сигналомъ къ яростной агитаціи и борьбѣ противъ Совѣта на всевозможныхъ митингахъ и въ прессѣ. Совѣту ставилось въ вину самозванство, узурпація, подтасовка выборовъ и пр., и пр. Соціалисты призывали рабочихъ къ бойкоту Совѣта во имя неприкосновенности ихъ «классоваго самосознанія». Все это было, однако, отчасти клевета, а отчасти демагогія. При помощи такихъ приемовъ не удалось бы свалить Совѣтъ, если бы не было другихъ, чисто принципиальныхъ возраженій противъ его *raison d'être*, дѣйствительно подкапывавшихся подъ самый его фундаментъ . . . Эти внутренніе, неисцѣлимые пороки «Совѣта» раскрылись мнѣ значительно позже — примѣрно, въ іюль и августъ. Пока же еще вѣрилось въ возможность продуктивной работы. И мы работали много и съ увлеченіемъ.

Въ концѣ апрѣля изъ Совѣта, вмѣстѣ съ остальными социалистами, вышелъ нашъ делегатъ въ Исполнительномъ Комитетѣ И. О. Фрумшъ, и я былъ избранъ на его мѣсто.

Участіе въ Исполнительномъ Комитетѣ, продолжавшееся съ этого времени вплоть до выборовъ въ Городскую Думу и ликвидаціи Комитета, было однимъ изъ самыхъ напряженныхъ и интересныхъ для меня моментовъ въ моей общественной работѣ. Также какъ впоследствии участіе въ Центральной Радѣ, оно дало мнѣ возможность нѣкоторое время стоять въ самой гущѣ политической жизни города и края. И вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда мы не чувствовали себя еще, какъ затѣмъ въ Радѣ и еще болѣе при большевикахъ, бессильными зрителями роковыхъ событій. Напротивъ, именно тогда казалось, что открывается поле широкой и плодотворной работы . . .

Исполнительный Комитетъ засѣдалъ тогда въ бывшемъ Императорскомъ дворцѣ — очаровательной постройкѣ Растрелли, небольшой, изящной и уютной, расположенной среди зелени Царскаго Сада. Очередныя засѣданія происходили въ одной изъ гостинныхъ, а въ особо торжественныхъ случаяхъ — въ парадной залѣ дворца.

Я уже говорилъ о происхожденіи и составѣ Исполнительнаго Комитета. Это былъ центральный органъ, въ который входили делегаты главнѣйшихъ организацій, представленныхъ въ «Совѣтъ объединенныхъ общественныхъ организацій города Кіева», а также представители Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ; впоследствии къ этому основному зерну присоединились делегаты главнѣйшихъ политическихъ партій. Предсѣдателемъ Комитета былъ гласный Городской Думы, заслуженный общественный дѣятель и прогрессивный кандидатъ въ Государственную Думу по I куріи, — докторъ Николай Федоровичъ Страдомскій. Это былъ хорошій работникъ и довольно тактичный руководитель преній, хотя и не достаточно властный и авторитетный. Онъ жилъ въ мирѣ и согласіи со всеми партіями, старался не ссориться даже съ большевиками и не обострять отношеній съ украинцами. Никакой своей политической линіи онъ не велъ и вся его работа сводилась, съ одной стороны, къ техническимъ функціямъ, а съ другой, именно къ проведенію такой примирительной тактики.

Къ сожалѣнію, внутреннія разногласія неудержимо обострялись и à la longue сглаживать углы оказывалось невозможнымъ. Однако, показателемъ несомнѣннаго успѣха тактики нашего предсѣдателя явилось то, что онъ, не

принадлежа ни къ одной изъ партій и не имѣя особенно близкихъ личныхъ связей въ Комитетѣ, въ концѣ концовъ оказался наиболѣе пріемлемымъ кандидатомъ въ Городскіе Комиссары. На этотъ постъ Н. Ф. Страдомскій и былъ нами избранъ въ іюнѣ 1917 года; онъ оставилъ его въ началѣ сентября, послѣ возстанія Корнилова.

Въ соотвѣтствіи съ коалиціоннымъ характеромъ Исполнительнаго Комитета, онъ имѣлъ трехъ товарищей председателя, по одному отъ каждой изъ составившихъ Комитетъ организаций: представителя Совѣта общественныхъ организаций Д. Н. Григоровича-Барскаго, рабочаго А. В. Доротова и офицера Л. С. Карума.

Въ противоположность Н. Ф. Страдомскому, Григоровичъ-Барскій былъ весьма опредѣленной политической фигурой. Это былъ признанный лидеръ кievскихъ кадетовъ. И это его кадетство, по условіямъ момента, къ сожалѣнію, мѣшало ему пользоваться тѣмъ вліяніемъ въ Комитетѣ, котораго онъ заслуживалъ. При величайшемъ личномъ уваженіи, лѣвое большинство Комитета не могло, все же, оказывать ему достаточнаго политическаго довѣрія. А между тѣмъ, это былъ, несомнѣнно, наиболѣе дѣльный человекъ въ нашей средѣ...

Второй товарищъ председателя — Алексѣй Васильевичъ Доротовъ — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ товарищемъ председателя Совѣта рабочихъ депутатовъ. Онъ былъ с.-д. меньшевикъ, ярый врагъ большевиковъ и украинцевъ. Доротовъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ Комитетѣ. Подлинный самородокъ, незатуманенный социалистическимъ доктринерствомъ, съ огненнымъ темпераментомъ и живымъ, практическимъ, здравымъ умомъ, съ успѣхомъ восполнявшимъ пробѣлы его образованія, — онъ былъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые въ Европѣ становятся величайшими парламентаріями и государственными дѣятелями — Бернсами, Бебелями, Эбертами. Какъ просто и достойно этотъ вчерашній наборщикъ, среди блеска и позолоты царскаго дворца, председательствовалъ въ засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовали министры...

А. В. Доротовъ умеръ отъ болѣзни сердца, — кажется, въ 1919 году, — всего 34-хъ лѣтъ отъ роду.

И хочу здѣсь же сказать о другихъ самородкахъ, выдвинувшихся въ первые же дни революціи. Председателемъ С. Р. Д. былъ П. И. Незлобинъ, — также бывший печатникъ, по партійной принадлежности с.-р. Это была значительно менѣе яркая фигура, чѣмъ Доротовъ. Онъ, подобно петербургскому рабочему Гвоздеву, выдвинулся въ качествѣ руководителя рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Незлобинъ былъ хорошимъ ораторомъ, человекомъ рѣшительнымъ и стойкимъ. Но надъ нимъ тяготѣло проклятіе російской «широкой натуры» — необузданность, безалаберность и даже, увы! падкость къ алкоголю. — Крупнѣйшей фигурой въ Совѣтѣ Военныхъ депутатовъ и председателемъ этого Совѣта былъ солдатъ Е. Я. Таскъ. Онъ изрѣдка принималъ участіе въ засѣданіяхъ нашего комитета, но не здѣсь могъ онъ развернуться во всю свою ширь. Настоящимъ его поприщемъ были митинги и многоголовыя собранія рабочихъ и солдатъ. Онъ и сохранялъ надъ ними свою власть, пока это было возможно для такого убѣжденнаго оборонца...

Наконецъ, третій товарищъ председателя Исполнительнаго Комитета — офицеръ Л. С. Карумъ не игралъ большой роли. Зато значительнымъ вліяніемъ пользовался энергичный секретарь Комитета И. О. Фруминъ.

Изъ остальныхъ членовъ Исп. Комитета я хочу прежде всего отмѣтить въ высшей степени характерную фигуру начальника милиціи А. Н. Ленарскаго.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычныхъ въ революціонныя эпохи людей, которые поразительно быстро выдвигаются, а затѣмъ еще быстрее меркнутъ. Первый, кому было поручено организовать въ Кіевѣ милицію, былъ, свѣтлой памяти, незабвенный Владиміръ Константиновичъ Калачевскій*. Его и смѣнилъ черезъ нѣкоторое время поручикъ-кавалеристъ Лепарскій. Онъ казался вполне на мѣстѣ на своемъ посту. Лихой пафзникъ и въ области политики, онъ умѣлъ прекрасно обходиться съ той разнородной массой, изъ которой состояла вновь народившаяся городская милиція. Его личная смѣлость, молодцеватость, словоохотливость и самоувѣренность импонировали его подчиненнымъ. Но, какъ мы скоро всѣ замѣтили, милѣйшій Александръ Николаевичъ ужъ слишкомъ много времени отдавалъ политическимъ засѣданіямъ, чтобы не страдали отъ этого его техническія обязанности. А затѣмъ, его прямолинейность никакъ не мирилась съ той, по необходимости, виѣпартійной позиціей, которую долженъ занимать блюститель благочинія и порядка. Въ результатъ онъ натворилъ много безтактистей и такъ озлобилъ противъ себя украинцевъ, что, какъ только перешла къ нимъ власть, онъ былъ мгновенно отставленъ. Послѣ этого Лепарскій больше не фигурировалъ на политическомъ горизонтѣ.

Наряду съ указанными выше крупнѣйшими политическими организаціями города Кіева, въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ также представленъ «Коалиціонный совѣтъ кіевского студенчества». Повидимому, допущеніе представителей отъ студентовъ въ высшій органъ мѣстной власти было сдѣлано во вниманіе къ старымъ заслугамъ учащихъ высшей школы въ освободительномъ движеніи. Но когда настроенія перваго момента нѣсколько осѣли и пришло время приступить къ серьезной организаціонной работѣ, дефилированіе студентовъ и курсистокъ, особенно на нашихъ соединенныхъ засѣданіяхъ (о нихъ рѣчь впереди), производило впечатлѣніе чего-то не вполне умѣстнаго. Полномочнымъ делегатомъ студенчества въ Исполнительномъ Комитетѣ былъ молодой студентъ Г. И. Гуревичъ. Это былъ довольно красивый и способный молодой человекъ, который, по мѣрѣ силъ, старался подогрѣвать нашъ «революціонный энтузіазмъ». Тогда онъ былъ с.-р'омъ, но затѣмъ пошелъ дальше... Четыре года спустя я сидѣлъ въ кабинетѣ помощника завѣдывающего кіевскимъ «Губ'юстомъ» товарища Волкова и объяснялся съ нимъ по поводу полученнаго мною отъ Наркома Юстиціи вызова «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ» отправиться на службу въ Харьковъ. Товарищъ Волковъ уговаривалъ меня подчиниться приказу и обѣщалъ предоставить мнѣ съ женой для комфортабельнаго проѣзда — арестантскій вагонъ. Онъ не былъ въ восторгѣ отъ моей хорошей памяти, когда я напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ Исполнительномъ Комитетѣ и о «коалиціонномъ студенчествѣ»...

Фигура Г. И. Гуревича напоминаетъ мнѣ горячіе споры, которые мы вели съ нимъ по одному изъ самыхъ тягостныхъ вопросовъ, съ какими пришлось столкнуться Комитету, — по вопросу о судьбѣ бывшихъ служащихъ жандармскаго управленія и охранки. Февральскій переворотъ произошелъ у насъ, какъ я уже говорилъ, не только абсолютно безкровно, но и вообще совершенно безболѣзненно. Не было никакихъ насилій и эксцессовъ. И изъ огромной массы служителей стараго режима, единственные подвергшіеся аресту — были

* Этотъ талантливѣйшій кіевскій адвокатъ-криминалистъ безвременно скончался 28 мая 1921 г. въ Мелитополѣ, послѣ тяжелыхъ мытарствъ по большевистскимъ тюрьмамъ и этапамъ.

жандармы и охранники. Впоследствии, для установления индивидуальной ответственности и вины каждого из арестованных, при Исполнительном Комитетѣ была организована слѣдственная коммиссія, въ составъ которой вошли лучшіе криминалисты изъ кievскаго судебного и адвокатскаго міра. Эта коммиссія допрашивала заключенныхъ и свидѣтелей и затѣмъ сообщала свое заключеніе Исполнительному Комитету. Въ большинствѣ случаевъ заключенія коммиссіи были въ смыслѣ немедленнаго освобожденія арестованнаго. Но въ Комитетѣ каждое такое заключеніе неминуемо вызывало бурю протестовъ. И особенно неистовствовали въ такихъ случаяхъ представитель коалиціоннаго студенчества.

Я всегда всѣми силами отстаивалъ заключенія слѣдственной коммиссіи. Какъ человеку, прикосновенному къ судебному дѣлу, мнѣ претила вся эта процедура заочнаго суда надъ людьми, дѣйствовавшими въ согласіи съ существовавшими въ данное время законами, а иногда и въ согласіи со своими политическими убѣжденіями. И во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ судить, необходимо было установить какія-либо общія правила, устанавливающія сущность вины и мѣру отвѣтственности. Тутъ же намъ предлагалось рѣшать судьбу живыхъ людей, руководствуясь исключительно тѣмъ, что впоследствии было названо «революціоннымъ правосознаніемъ», — притомъ производить это какъ-то между дѣломъ, посреди десятка неотложныхъ вопросовъ порядка дня...

Своимъ противникомъ я имѣлъ, кромѣ Гуревича, обычно также А. В. Доротова, который откровенно признавался, что не можетъ спокойно говорить ни объ одномъ провокаторѣ и шпикѣ. Одинъ разъ онъ въ пылу полемики довольно рѣзко задѣлъ адвокатуру, составлявшую главный контингентъ членовъ слѣдственной коммиссіи. Въ своемъ отвѣтѣ я напомнилъ оказавшіяся пророческими слова В. Д. Спасовича о томъ, что адвокатура должна быть и оставаться независимой — и въ царскомъ застѣнкѣ, и въ революціонномъ трибуналѣ...

Я съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ настаивалъ на освобожденіи бывшихъ жандармовъ, что и въ чисто-политическомъ отношеніи не видѣлъ отъ этого ни малѣйшаго вреда. Для меня было совершенно ясно, что постоянное запугиваніе контръ-революціей, которымъ занимались слѣва, было либо сознательной демагогіей, либо простымъ неразуміемъ и наивностью. Никакой опасности справа нашей революціи не грозило. Эту опасность нужно было создавать, чтобы имѣть предлогъ для проведенія якобинской политики. Что же касается рядовыхъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ стараго режима, то я не сомнѣвался въ томъ, что имъ нужно было только дать возможность прислуживаться новымъ господамъ. Это бы ихъ абсолютно обезвредило, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесло бы пользу дѣлу, такъ какъ наши новыя учрежденія весьма нуждались въ техническомъ опытѣ старыхъ служаекъ. — Понятно, что жандармы вызывали чувства, которыя трудно было подавить. Но незачѣмъ было поддаваться этимъ чувствамъ и совершенно недопустимо было давать имъ заглушать голосъ разума...

Очередныя засѣданія Исполнительнаго Комитета происходили три раза въ недѣлю, примѣрно отъ 1 часа до 5 часовъ дня. Въ остальные дни засѣдалъ президіумъ Комитета. Предсѣдательствовалъ всегда Страдомскій, членовъ Комитета собиралось въ обыкновенные дни человекъ десять. Пренія по каждому вопросу, какъ водится на русскихъ засѣданіяхъ, затягивались безконечно и повѣтка никогда не бывала исчерпана къ концу засѣданія. Она переходила, разбухая и удлиняясь, съ одного засѣданія на другое, какъ своего рода *edictum translaticium*.

На засѣданіяхъ присутствовали представители прессы; каждый день въ мѣстныхъ газетахъ печатался болѣе или менѣе подробный отчетъ о дебатахъ и рѣшеніяхъ Комитета. Кромѣ того, оффиціальныи протоколъ опубликовывался въ «Извѣстіяхъ Исполнительнаго Комитета», замѣнившихъ прежнія «Губернскія Вѣдомости». Эта гласность и публичность мало способствовали дѣловитости и успѣшности нашихъ засѣданій. Комитетъ вѣдь долженъ былъ быть административнымъ органомъ, а не какимъ-то городскимъ парламентомъ... Но болѣе всего страдало дѣло отъ созываемыхъ по каждому болѣе или менѣе значительному вопросу объединенныхъ засѣданій Исполнительнаго Комитета съ президіумами С. Р. Д., С. В. Д. и Совѣта коалиціоннаго студенчества. Тутъ уже въ нашу дворцовую гостиную набивалось регулярно человекъ 50—60; произносились болѣе или менѣе удачныя рѣчи, но почти никогда не успѣвали принять конкретныхъ рѣшеній. Причемъ — опять-таки злополучный російскій обычай — на этихъ засѣданіяхъ обсуждались и рѣшались исключительно вопросы общей политики, или точнѣе: пренія по подлежавшимъ нашему рѣшенію вопросамъ превращались въ утомительныя и безплодныя дискуссіи на обще-политическія темы. Представители отдѣльныхъ группъ считали необходимымъ дѣлать программы «декларациі», а группъ было много и становилось съ каждымъ днемъ все больше и больше, такъ что обыкновенно декларации отнимали почти все время, а рѣшенія либо вовсе не принимались, либо принимались на-спѣхъ, предъ шапочнымъ разборомъ. Зато каждый ораторъ могъ имѣть удовольствіе прочесть свою рѣчь на слѣдующее утро въ газетахъ.

Кстати, нѣсколько словъ о кievской прессѣ того времени. Революція застала въ Кіевѣ нѣсколько газетъ, но свой характерный обликъ и нѣкоторое значеніе имѣли изъ нихъ три: «Кіевская Мысль», «Кіевлянинъ» и «Послѣднія Новости».

Это уже не были лучшія времена «Кіевской Мысли», когда руководителемъ ея былъ маститый І. Р. Кугель, постоянными сотрудниками — А. А. Яблоновскій и Д. І. Заславскій, а постоянными корреспондентами изъ-за границы — Л. Д. Троцкій (Антидъ Ого) и А. В. Луначарскій. Первые три, одинъ за другимъ, перешли въ столичныя изданія, а послѣдніе два, къ сожалѣнію, вернулись въ Россію. Но «Кіевская Мысль» уже успѣла составить себѣ весьма солидное положеніе и продолжала жить процентами съ этого капитала. Информационная часть была поставлена въ ней хорошо, на телеграммы средствъ не жалѣли. Но политическое руководство газетой лежало всецѣло въ рукахъ ортодоксальныхъ социаль-демократовъ (меньшевиковъ). — М. И. Эйшишкина, Г. Наумова, М. Балабанова, К. Василенко, В. Дрелинга, — и это предопредѣлило ея характеръ въ эпоху Временнаго Правительства. Петроградскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его главари — Чхеидзе, Церетели, Скобелевъ и др. — имѣли въ лицѣ «Кіевской Мысли» лейбъ-органъ, всецѣло поддерживавшій ихъ тактику и одобрявшій ихъ программу. Въ украинскомъ вопросѣ «Кіевская Мысль» держалась на упорно враждебной украинцамъ позиціи. Поэтому газета погибла еще до прихода большевиковъ: ее задушила, въ декабрѣ 1918 года, петлюровская Директорія.

«Кіевлянинъ», старѣйшая газета въ краѣ, основанная въ 60-хъ годахъ проф. В. Я. Шульгинымъ и руководимая въ теченіе долгихъ лѣтъ Д. П. Пихно, — существовала въ то время только благодаря исключительному публицистическому таланту своего новаго редактора Василія Витальевича Шульгина. Его статьи во время дѣла Бейлиса, а также во время войны, читались всѣми,

правыми и лѣвыми. Его роль въ переворотѣ и отреченіи царя еще болѣе подняли его престижъ даже въ глазахъ умѣренно-либеральныхъ круговъ. И если бы не его неудержимый антисемитизмъ, Шульгинъ могъ бы сдѣлать «Кіевлянинъ» органомъ умѣренныхъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи. Но непримиримая позиція во всѣхъ національныхъ вопросахъ толкала его въ сторону самой черной реакціи. И, въ концѣ концовъ, «Кіевлянинъ» сталъ представителемъ только крайне-праваго крыла кіевского населенія, которое, впрочемъ, именно въ Кіевѣ всегда составляло довольно крупную величину.

Наконецъ, «Послѣднія Новости» какъ были, такъ и остались типичной бульварной газетой, совершенно безпринципной въ политическомъ отношеніи и не слишкомъ щепетильной въ смыслѣ провинціального сплетничества и фаворитизма.

Уже послѣ революціи въ Кіевѣ появились органы нерусскихъ національностей — «Neue Zeit» (органъ еврейскихъ социалистовъ) и «Нова Рада» (редактируемый Никовскимъ органъ умѣренныхъ украинскихъ націоналистовъ). Польское населеніе обслуживалъ «Dziennik Kijowski», довольно правый органъ, повидимому близкій къ народной демократіи. Были попытки основать кадетскій органъ (кадетами была куплена «Южная Копѣйка»), но онѣ не успѣли осуществиться.

Изъ этихъ газетъ, «Кіевская Мысль» и «Послѣднія Новости» появлялись также вечернимъ изданіемъ.

Выше я описалъ личный составъ и внѣшнюю картину дѣятельности Кіевского Исполнительнаго Комитета. Что касается внутренняго содержанія этой дѣятельности, то къ ней можно примѣнить изреченіе: довлѣетъ дневи злоба его. Засѣданія наши были посвящены вопросамъ, захватывавшимъ тогда все наше вниманіе, — вопросамъ, которымъ мы придавали большое значеніе и изъ-за которыхъ готовы были спорить цѣлыя ночи на пролетъ. Теперь почти все это покрылось забвеніемъ, а то, что припоминается, кажется эфемернымъ, а иногда и мелкимъ и суетнымъ... Съ Совѣтами — рабочимъ и военнымъ — жили болѣе или менѣе мирно. Большинство въ нихъ принадлежало тогда оборонцамъ, а въ своей тактикѣ по отношенію къ Исполнительному Комитету они, къ счастью, не подражали своему петроградскому собрату съ его довѣріемъ «постольку-поскольку». Изъ столкновеній съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ я припоминаю только довольно рѣзкій конфликтъ по поводу самочиннаго закрытія магазиновъ, въ которыхъ работали штрейкбрехеры. —

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и рѣшительное въ ней было то, что позади всѣхъ этихъ очередныхъ вопросовъ и заботъ поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозовая туча украинскаго сепаратизма (большевистская опасность была въ ту эпоху въ Кіевѣ еще не на очереди). Мы всѣ видѣли эту тучу и чувствовали ея приближеніе; и это налагало отпечатокъ какой-то мрачности на наши мысли и настроенія. Впрочемъ, иногда мы развлекались революціонными празднествами; среди этихъ послѣднихъ наиболѣе интересны были періодическіе гастроли наѣзжавшихъ министровъ.

Первыми приѣзжали (еще до моего вступленія въ Исполнительный Комитетъ) военный министръ — А. И. Гучковъ, а при мнѣ французъ Альберъ Тома. Этого заморскаго гостя мы встрѣтили съ величайшимъ любопытствомъ, принимали его и во дворцѣ, и въ Купеческомъ собраніи, говорили ему (черезъ переводчика и на болѣе или менѣе ломанномъ французскомъ языкѣ) привѣт-

ственные рѣчи и слушали его темпераментное, галльское краснорѣчіе. Визитъ его сошелъ въ общемъ гладко и даже импозантно, хотя его агитація за продолженіе войны до побѣднаго конца встрѣтила невоспримчивую аудиторію, а отъ нѣкоторыхъ ораторовъ ему пришлось выслушать довольно нелюбезныя привѣтствія. Особенно отличилась, помнится, прославившаяся впоследствии большевичка Евгенія Бошъ, которая прочитала нашему гостю цѣлую нотацію по вопросу объ имперіализмѣ и соглашательствѣ.

Вслѣдъ за Тома пріѣхалъ А. Ф. Керенскій. Это было въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Онъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и приступалъ къ своимъ агитаціоннымъ объѣздамъ фронта. Уже были имъ сказаны слова о взбунтовавшихся рабахъ и уже опредѣлилось направление его работы. Тогда-то, на зенитѣ славы, мы увидѣли этого всероссійскаго кумира. И нужно сказать безъ всякихъ оговорокъ и безъ ретроспективныхъ исправленій: впечатлѣніе было громадное, потрясающее, захватывающее... Мы увидѣли молодого человѣка съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ рукой на перевязи. Его наружность казалась оригинальной и значительной. Мы слышали его своеобразную, неподражаемую рѣчь, состоящую изъ отдѣльныхъ, отрывистыхъ и краткихъ, фразъ — слышали, какъ онъ — по мѣткому выраженію одного журналиста — «металъ слова». И, что самое главное и значительное, мы почувствовали обаяніе самоотверженной, почти подвижнической души, горящей пламенемъ самаго чистаго идеализма, ищущей одного только добра... Я не берусь и не хочу судить, насколько это впечатлѣніе было правильно, какова была въ немъ доля гипноза и самовнушенія. Я только констатирую фактъ: таково было всеобщее, всеохватывающее и всепобѣждающее впечатлѣніе отъ фигуры Керенскаго.

По установившемся обычаю, для встрѣчи Керенскаго было устроено сначала привѣтственное засѣданіе въ парадномъ залѣ дворца, а затѣмъ большой митингъ въ Городскомъ театрѣ. Программа была здѣсь и тамъ одна и та же: сначала привѣтствія представителей различныхъ организацій, затѣмъ отвѣтная рѣчь Керенскаго. Привѣтствія были всѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыя, болѣе или менѣе восторженныя, болѣе или менѣе банальныя. Украинцы и большевики, ораторы которыхъ могли бы внести диссонансъ въ общій хоръ, не явились вовсе. Особенно тепло прозвучали рѣчи солдатъ (Таска и Зайцева), задушевную ноту сумѣлъ взять предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣ каждой рѣчи раздавались аплодисменты, Керенскій вставалъ и пожималъ руку оратора. Этотъ потокъ восторговъ и восхваленій окружалъ героя въ глазахъ взиравшей на него толпы все болѣе и болѣе яркимъ ореоломъ. Эти періодическіе взрывы рукоплесканій все болѣе и болѣе поднимали настроеніе зала. И этотъ восторгъ и подъемъ достигли апогея, когда (особенно помню эту сцену на митингѣ въ театрѣ), выслушавъ послѣдняго оратора, Керенскій не опустился обратно на стулъ, а медленно подошелъ къ рампѣ. Залъ дрожалъ отъ рукоплесканій, а Керенскій стоялъ у рампы, со своей рукой на перевязи, со своимъ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ... Какая рѣчь не потрясетъ аудиторію въ такой обстановкѣ? Какой большой ораторъ не зажжется огнемъ вдохновенія послѣ такого пріема? И мы слышали почти ту же рѣчь, которую нѣсколькими часами ранѣе прослушали во дворцѣ; слышали тѣ же мысли, облеченныя въ еще болѣе яркія слова, въ еще болѣе значительныя и отрывистыя фразы, произнесенныя еще болѣе глубокимъ, металлическимъ голосомъ. И послѣ каждой фразы, которую, какъ будто диктуя, отчеканивалъ Керенскій, раздавался новый

громъ аплодисментовъ... И когда онъ кончилъ, вся толпа ревѣла, всѣ были растроганы и потрясены до полной потери самообладанія...

Я не буду ни излагать, ни критиковать содержанія кievскихъ рѣчей Керенскаго. Онъ не сказалъ у насъ ничего такого, что бы не было имъ сказано въ другихъ мѣстахъ. И повторяю: сила или слабость его рѣчи была не въ ея содержаніи. Воодушевлялъ, зажигалъ проникавшій эту рѣчь духъ, тотъ видимый сквозь его рѣчь — я сказалъ бы — нравственный идеализмъ, который и былъ источникомъ необычайнаго обаянія Керенскаго. Я не знаю, былъ ли этотъ идеализмъ вполне искреннимъ, — вполне неискреннимъ онъ, при такой силѣ впечатлѣнія, быть не могъ. И въ немъ-то — національное своеобразие всей фигуры Керенскаго и всего его, хотя и кратковременнаго, но поистинѣ все-народнаго успѣха. Ни одинъ государственный дѣятель и ни одинъ демагогъ въ исторіи, насколько мнѣ извѣстно, не игралъ на этихъ струнахъ души съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ. Словъ нѣтъ: возбуждаемыхъ Керенскимъ въ своихъ слушателяхъ настроеній было далеко недостаточно для государственнаго строительства. Словъ нѣтъ: они не соответствовали дѣйствительному уровню народныхъ массъ и реальнымъ нуждамъ историческаго момента. Но ни его донъ-Кихотство, ни плачевный финалъ его карьеры не лишитъ историческую личность Керенскаго чисто художественной законченности и силы...

Пріѣзжалъ къ намъ въ Кіевъ послѣ Керенскаго еще бельгійскій социалистъ Эмиль Вандервельде. Взлѣдъ за Тома, онъ привезъ намъ (какъ онъ говоритъ) «не миръ, но мечъ»; его выступленіе произвело уже значительно менѣе сильное впечатлѣніе. Пріѣзжалъ, наконецъ, Церетели, и съ нимъ вторично Керенскій и Терещенко. Этотъ послѣдній министерскій визитъ имѣлъ весьма серьезныя послѣдствія въ нашихъ взаимоотношеніяхъ съ Украинской Радой. Къ исторіи этихъ взаимоотношеній я теперь и перейду.

Центральная Украинская Рада была избрана, какъ я уже упоминалъ, на съѣздѣ «спилокъ» въ апрѣлѣ 1917 года. Тогда же председателемъ Рады былъ единогласно избранъ проф. М. С. Грушевскій. Первоначально мы смотрѣли на Раду, какъ на чисто національное объединеніе, на подобіе нашего «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» и «Польскаго исполнительнаго комитета»*. Еврейскій Совѣтъ даже пытался конкурировать съ Радой, хлопоча предъ Исполнит. Комитетомъ о предоставленіи ему помѣщенія въ Педагогическомъ музеѣ. Однако, этотъ послѣдній остался въ исключительномъ обладаніи украинцевъ и сталъ ихъ штабъ-квартирой. Оттуда и начали исходить нити, постепенно охватившія провинціальныя города и даже деревни Украины, а также и армію. Украинскіе дѣятели проявили въ эту эпоху большую энергію и сумѣли въ короткое время создать широко развѣтвленную, крѣпкую организацію. До поры до времени, однако, все оставалось въ рамкахъ чисто національнаго движенія, отнюдь не претендующаго на захватъ власти. Временное Правительство признавалось и противъ него идти еще не рѣшались. Но уже очень скоро Рада перестала считаться съ властью нашего Исполнительнаго Комитета или, во всякомъ случаѣ, стала смѣрять на себя, какъ на органъ автономный и независимый отъ мѣстныхъ «россійскихъ» учрежденій.

* Этотъ послѣдній возникъ приблизительно одновременно съ еврейскимъ Совѣтомъ и былъ построенъ приблизительно на тѣхъ же началахъ. Председателемъ Комитета былъ І. І. Бартошевичъ (н.-д.), его товарищемъ І. Н. Пересвѣтъ-Солтанъ, впоследствии трагически погубленный Чрезвычайкой. Судьба «Польск. Исп. Комитета» также напоминала участь еврейскаго Совѣта: расколъ, выходъ лѣвыхъ, маразмъ и смерть.

Эта тенденція впервые проявилась въ обращеніи Центральной Рады къ Временному Правительству съ особой декларацией, заключавшей въ себѣ цѣлый рядъ національныхъ требованій. Декларацию эту повезли въ Петроградъ особые посланцы Рады, во главѣ съ Винниченко.

Эта-то депутация къ Временному Правительству, посланная за спиной его мѣстнаго органа — Исполнительнаго Комитета, и послужила сигналомъ къ началу внутренней борьбы между Комитетомъ и Радой. На ближайшемъ засѣданіи Комитета Страдомскаго спросили, извѣстенъ ли ему этотъ фактъ и считаетъ ли онъ нормальнымъ, чтобы такого рода сношенія велись съ Временнымъ Правительствомъ помимо насъ и безъ нашего вѣдома. Помню, какъ нашъ миролюбивый предсѣдатель сейчасъ же сказалъ, чтобы лучше не касаться этого болельного мѣста. Но было уже поздно. Вопросъ вызвалъ пренія, въ которыхъ было отмѣчено, что представитель украинскихъ организацій пересталъ посѣщать засѣданія Комитета и что Рада, вообще, начинаетъ держать себя, какъ государство въ государствѣ. Какъ водится, наши разговоры окончились тѣмъ, что было рѣшено созвать соединенное засѣданіе съ рабочими, военными и студенческими депутатами. На слѣдующій день все это было воспроизведено въ газетахъ подъ многозначительнымъ заголовкомъ «Украинскій вопросъ въ Исполнительномъ Комитетѣ». Черезъ пару дней состоялось соединенное засѣданіе и на немъ всѣ партійные и групповые представители получили возможность выступить съ широковѣщательными декларациями. Я упорно молчалъ, получивъ отъ президіума еврейскаго Совѣта репримандъ за недипломатическое выступленіе въ Комитетѣ . . .

Въ концѣ концовъ, Исполнительный Комитетъ послалъ въ Петроградъ контръ-депутацию (въ составѣ д-ра Фрумина и еще кого-то), которой, однако, сказалось нечего дѣлать, такъ какъ Временное Правительство и безъ того отклонило всѣ требованія Рады*. Исполнительный Комитетъ былъ удовлетворенъ, «Кіевская Мысль» торжествовала, — но украинцы сумѣли tirer les conséquences . . .

Агитация Центральной Рады, начиная съ этого момента, приняла болѣе рѣзкій и боевой характеръ. Въмѣсто простаго будированія противъ Временнаго Правительства стали раздаваться призывы къ освобожденію изъ-подъ его «узурпаторской» власти; вмѣсто игнорированія Исполнительнаго Комитета, Рада вступила на путь прямой оппозиціи и борьбы противъ него.

Былъ изданъ и торжественно оглашенъ на Софійской площади «Универсалъ», въ которомъ припоминались всѣ преступления Московской власти противъ Украины и который заканчивался призывомъ къ украинскому народу сплотиться вокругъ своего органа. Стали созываться украинскіе войсковые съѣзды, — сначала воспрещенные, а затѣмъ, въ сознаніи своего безсилія, дозволенные Керенскимъ, — на которыхъ проповѣдь сепаратизма раздавалась все громче и громче. «Передайте Кіевскому Исполнительному Комитету, — говорилъ на одномъ изъ такихъ съѣздовъ украинскій с.-р. Ковалевскій городскому головѣ Бурчаку, не въ попадѣ появившемуся съ привѣтствіемъ, — что украинскій народъ признаетъ надъ собою только одну власть — Центральную Раду» . . . А Испол-

* Въ чемъ состояли эти требованія, я теперь точно не помню. Кажется, рѣчь шла въ нихъ объ официальном допущеніи украинскаго языка, о выдѣленіи украинскіхъ войсковыхъ частей и объ отдѣльномъ участіи украинской делегаціи на предстоявшемъ международномъ мирномъ конгрессѣ.

нительному Комитету не оставалось ничего иного, какъ молча все это выслушивать . . .

Для всѣхъ было ясно, что сила украинскаго движенія лежитъ, главнымъ образомъ, въ слабости его противниковъ. Его же собственная сила и быстрота распространенія обуславливались доступностью и завлекательностью лозунговъ, съ которыми оно тогда подходило къ массамъ. Національный подъемъ, несомнѣнно, игралъ извѣстную роль. Но онъ не могъ быть такимъ могучимъ и всенароднымъ. Секретъ успѣха національной украинской агитаціи былъ въ томъ, что она — также, какъ впослѣдствіи агитація большевистская — вполне угождала желаніямъ и склонностямъ широкихъ, по преимуществу сельскихъ, массъ. Крестьянамъ внушалось, что Центральная Рада защититъ ихъ отъ невыгоднаго общаго передѣла земли съ безземельными крестьянами сѣвера. Ихъ настраивали противъ Временнаго Правительства, требовавшаго отъ нихъ все новыхъ и новыхъ жертвъ и настаивавшаго на выполненіи всѣхъ старыхъ повинностей. Имъ внушали мысль, что не Украина затѣяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкія массы воспринимали возвѣщенные Центральной Радой лозунги именно въ такомъ, полу-анархическомъ и полу-дезертирскомъ, смыслѣ. И они пошли за Радой — впрочемъ, ненадолго. Полгода, а затѣмъ вторично полтора года спустя, тѣ же самые Виниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тѣмъ уже вполне откровенно анархическимъ и дезертирскимъ лозунгамъ, съ которыми двигались на Украину большевики. И, какъ Гётевскій «Zauberlehrling», украинскіе лидеры не смогли совладать съ духами, которыхъ они же вызвали наружу . . .

Въ эпоху Временнаго Правительства къ украинцамъ постоянно обращались съ увѣщаніемъ: «пождитѣ, молъ, до Учредительнаго Собранія». Этотъ аргументъ, при трезвомъ взглядѣ на вещи, нельзя не признать нѣсколько прекраснодушнымъ и наивнымъ. Вѣдь для всѣхъ было ясно (а яснѣе всего для самихъ украинцевъ), что при Учредительномъ Собраніи ихъ позиція будетъ во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе, чѣмъ теперь. Зачѣмъ же имъ было ждать его?

Но, какъ бы то ни было, факты оставались фактами. Временное Правительство (особенно послѣ неудачи іюньскаго наступленія) все слабѣло, а вслѣдъ за нимъ ослабѣвалъ и представлявшій его въ Кіевѣ Исполнительный Комитетъ. А украинцы, учитывая измѣнившееся соотношеніе силъ, довольно искусно эксплуатировали въ свою пользу всѣ прошлые и настоящіе грѣхи російской власти и російской интеллигенціи.

Къ этому времени (дѣло было въ серединѣ іюня) относится послѣдняя попытка Исполнительнаго Комитета найти спасительный компромиссъ и помириться съ Радой. Послѣ нѣсколькихъ довольно безплодныхъ засѣданій съ украинскими представителями*, Лепарскій внесъ довольно неожиданное предложеніе — устроить слѣдующую встрѣчу на пароходѣ. И востъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ іюньскихъ вечеровъ состоялось катанье по Днѣпру, въ которомъ приняли участіе всѣ революціонные властители города Кіева. Были приглашены и украинцы, причемъ самъ Грушевскій насъ не удостоилъ, но явился Виниченко и цѣлый рядъ *deum minorum*. Больше всѣхъ былъ доволенъ катаньемъ его инициаторъ Лепарскій, распѣвавшій пѣсни во всю свою богатырскую грудь. Но остальные участники, менѣе поддавшіеся дѣйствию вина и свѣжаго воздуха,

* Проф. Грушевскимъ и Виниченко.

чувствовали в некоторую натянутость. Украинцы и за столом сидели отдельно, и на шутивно-примирительные тосты отвечали довольно угрюмо. Помню, как тот же Лепарский, с комическим азартом, взывал к украинским социаль-демократам: «Покажите мне, какие тексты у Маркса оправдывают национальный сепаратизм!» Несоответствие украинских национальных домогательств постулатам ортодоксального марксизма было одним из любимых аргументов, которыми наши с.-д. пытались поразить украинских...

В конце концов, из всего сказанного и спятого в эту ночь имели политическое значение только некоторые слова из речи Винниченко, которого чарующая обстановка заставила немного разоткровенничаться. Говорил он к концу вечера, на палубе, при свете луны. И вот, после неизбежных рассуждений на тему о классовом составе украинского народа, вынуждающем к некоторым отступлениям от лозунгов чистого марксизма, он перешел к характеристике отдельных течений среди украинских националистов. Тут-то с его слов мы узнали, что среди украинцев имеется течение, — и притом довольно значительное, — которое рекомендует вместо длинных переговоров с Временным Правительством, — оголить фронт, отозвав украинцев из воинских частей. Жуткое впечатление произвели на нас эти слова... Если Временное Правительство будет продолжать упорствовать, — сказал Винниченко, — умеренные элементы украинства скажутся бессильными в борьбе против этого течения.

Около того же времени Центральная Рада избрала свой исполнительный орган — «Генеральный Секретариат». Хотя, по утверждению украинцев, это не было министерство, но по своей конструкции Генеральный Секретариат был построен по образцу министерств и несомненно был предназначен для того, чтобы, при первой возможности, присвоить себе функции таковых. Председателем Генерального Секретариата и генеральным секретарем по внутренним делам был Винниченко, ген. секретарем военных дел — Петлюра, земледельца — Ковалевский, межнациональных дел — Ефремов*.

На образование Генерального Секретариата «Киевская Мысль» реагировала громовой статьей К. Василенко под заглавием «Узурпаторы власти»...

Так все шире и шире развевалась пропасть между Исполнительным Комитетом и Центральной Радой. И наконец приехал из Петрограда нас рассудить и примирить самый влиятельный член первого коалиционного кабинета Ираклий Церетели.

Приезд Церетели был большим событием для наших социалистических кругов, которые в нем, а не в Керенском, видели своего призванного вождя и руководителя. «Церетели — мозг революции, Керенский — ее нервы», так формулировала различие между обоими лидерами «Киевская Мысль». Праздник был на этот раз тем более блестящим, что нас одновременно посетили и мозг, и нервы революции: вместе с Церетели заехал к нам с фронта Керенский. Кроме того, «буржуазная» группа правительственной коалиции нарядила в Киев своего представителя в лице министра иностранных дел Терещенко.

Высоких гостей принимали, конечно, в парадном зале дворца. Дело было вечером, зал блистал огнями и был поэтому особенно эффектен.

* Его заместителем и преемником был мой гимназический товарищ А. Я. Шульгин. Об этих главнейших фигурах Центр. Рады речь впереди.

Керенскій сначала сказалъ нѣсколько словъ съ балкона окружавшей дворецъ толпѣ, а затѣмъ торжественный кортежъ вошелъ въ залъ и занялъ мѣста за столомъ президіума. Предсѣдательствовалъ, въ виду отъѣзда Страдомскаго, его товарищъ А. В. Доротовъ. Программа дня была выработана слѣдующая: краткія приѣтствія отъ важнѣйшихъ организацій, рѣчи министровъ и отвѣты представителей партій. Все это и было выполнено, согласно распisanію, но во всемъ звучала какая-то тревога и не было прежняго всеохватывающаго подъема и энтузіазма. Керенскій, впрочемъ, оставался вѣренъ себѣ; его рѣчь была поразительно красива и касалась исключительно общихъ вопросовъ революціоннаго и патрістическаго долга, въ частности, въ связи съ начавшимся тогда на фронтѣ наступленіемъ. Но Церетели говорилъ уже въ совершенно иномъ духѣ и тонѣ. Я не помню въ точности содержанія его рѣчи; помню только его глубокіе, прекрасные глаза и проникновенный голосъ, помню оттѣняемую грузинскимъ акцентомъ простую и выразительную форму, въ которую онъ облекалъ свои мысли. И помню, что въ его словахъ не было именно того, чѣмъ, — по крайней мѣрѣ меня, — очаровывалъ Керенскій: не было нравственнаго подъема, не было доброты, не было братства и любви. Человѣчество, а въ томъ числѣ и граждане Россіи, дѣлились для него на два по необходимости враждебные класса — на «революціонную демократію» (онъ особенно часто повторялъ эти два слова) и на остальные сословія. И смыслъ революціи состоялъ для него не въ томъ, чтобы, какъ призывалъ Керенскій, всѣ граждане въ могучемъ порывѣ къ добру стали строить лучшее будущее, и не въ томъ даже, чтобы, какъ проповѣдывали большевики, «революціонная демократія» выхватила власть изъ рукъ буржуазіи; для Церетели задача и цѣль революціи была въ томъ, чтобы демократія, не принимая власти въ свои руки, путемъ хитрыхъ компромиссовъ и осторожныхъ шахматныхъ ходовъ заставила враждебную ей стихію буржуазіи, противъ своей воли, работать ей на пользу. Эта хитрая и холодная «восточная дипломатія» (какъ называлъ тактику Церетели и Чхендзе покойный Плехановъ) скрашивалась въ выступленіяхъ Церетели красотой его личности, окруженной ореоломъ мученичества. Онъ вѣдь появился въ революціонный Петроградъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, изъ «глубины сибирскихъ рудъ», и на его лицѣ еще былъ виденъ отпечатокъ тюремной блѣдности... Но по своему истинному содержанію и смыслу его кievская рѣчь, какъ и другія его рѣчи, была все-таки порожденіемъ не душевнаго порыва, а марксистской дипломатіи.

Въ первый вечеръ, въ парадномъ залѣ дворца, Церетели выступалъ еще до переговоровъ съ украинцами. Поэтому онъ не сказалъ ничего опредѣленнаго по самому большому для насъ вопросу. Слѣдующій день (кажется, это было 1 или 2 іюля) приѣхавшіе министры совѣщались съ представителями Рады и, къ вечеру, Церетели сообщилъ намъ о соглашеніи, которое было достигнуто. По этому соглашенію, которое еще нуждалось въ ратификаціи со стороны Временнаго Правительства, Генеральный Секретаріатъ получалъ функціи крайнего исполнительнаго органа, а Центральная Рада становилась законодательнымъ центромъ автономной провинціи; оба учрежденія должны были быть пополнены представителями «національныхъ меньшинствъ» — въ первый разъ мы услышали тогда это слово. И въ тотъ же вечеръ, въ присутствіи Церетели и Терещенко и при участіи Винниченко, мы занялись конструированіемъ новорожденной автономной Украины и ея мѣстнаго правительства. Помню тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на меня то, съ какой легкостью и быстротой «отвалили» Украинѣ десятокъ губерній. И помню, что уже тогда всѣ присут-

ствовавшіе представители отдѣльныхъ партій и группъ явно интересовались больше всего тѣмъ, сколько мѣстъ каждая изъ нихъ получитъ въ Радѣ . . .

Всѣ кievскія партіи, въ томъ числѣ и кадеты, одобряли достигнутое соглашеніе, хотя почти всѣ смотрѣли на него, какъ на неизбежное зло. Какъ извѣстно, въ самомъ Временномъ Правительствѣ на почвѣ украинскаго вопроса произошелъ тогда же кризисъ и министры-кадеты (Шингаревъ, Мануиловъ и кн. Шаховской) вышли изъ его состава. Но дѣло было сдѣлано, а послѣдовавшее затѣмъ въ Петроградѣ возстаніе большевиковъ, хотя оно и было подавлено, все же не могло не упрочить впечатлѣнія, что Временное Правительство слишкомъ слабо, чтобы сопротивляться украинскому сепаратизму.

Въ результатѣ создавашагося у насъ, послѣ отъѣзда Церетели, новаго положенія, предъ кievской общественностью встали новые вопросы и тревоги. Въ томъ же ночномъ засѣданіи, въ которомъ мы «съ кондачка» устанавливали границы будущей автономной Украины, была избрана небольшая коммиссія, которой было поручено вести переговоры съ Радой о количествѣ представляемыхъ «меньшинствамъ» депутатскихъ мѣстъ. Не знаю, очень ли неуклюже велись эти переговоры, но въ результатѣ различныхъ этнографическихъ исчисленій мы получили 30% мѣстъ, а одинъ украинецъ (впрочемъ, не очень надежный) говорилъ мнѣ впоследствии, что его друзья согласились бы дать 35%. Вообще, въ настроеніяхъ нашихъ революціонныхъ главарей произошелъ внезапный надломъ. Легкомысленное пренебреженіе ко всему украинскому съ неприятой быстротой смѣнилось полной резиньяціей и сознаніемъ своего безсилія. «Теперь уже не только украинцы, но и остальные политиканы наши, — писалъ я вскорѣ затѣмъ въ одномъ письмѣ отъ 15 августа 1917 года, — оказались ярыми сторонниками автономіи и требуютъ проведенія ея немедленно, безъ Учредительнаго Собранія». Едва ли было достаточно оснований для столь рѣшительной перемѣны фронта, главнымъ виновникомъ которой я считаю бундовца М. Г. Рафеса (о немъ рѣчь впереди); его-то я прежде всего и имѣлъ въ виду въ цитированномъ письмѣ. И я подозрѣвалъ, что въ то время сами украинцы еще не считали себя такими могучими и непреодолимыми, какими они вдругъ представились ихъ вчерашнимъ господамъ и менторамъ . . .

Но, такъ или иначе, восемнадцать мѣстъ въ Радѣ было получено. Предстояло ихъ распределить между всѣми не-украинскими организаціями и партіями. И тутъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, началась торговля, подкапываніе другъ подъ друга и интриги. Рафесъ, который пріобрѣталъ все больше и больше значенія, пустилъ здѣсь въ ходъ всю свою энергію; и можно сказать, что утвержденное въ конечномъ результатѣ распределеніе мѣстъ было въ общихъ чертахъ произведено по его проекту, причемъ даже случайная ошибка въ наименованіи одной еврейской партіи перешла изъ его записной книжки въ текстъ официальнаго протокола.

Окончательная схема представительства «меньшинствъ» въ Радѣ, принятая на соединенномъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета со всѣми заинтересованными организаціями, была слѣдующая (воспроизвожу ее по памяти) *:

* Мною приводится распределеніе мѣстъ въ такъ-наз. «Малой Радѣ», о которомъ тогда и шла рѣчь. О Малой Радѣ и ея отношеніи къ пленуму Центр. Рады говорится въ слѣдующей главѣ.

Обще-россійскія организаціи:

Исполнительный Комитетъ	1	
Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ	2	
Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ	2	
Всего		5
Обще-россійскія партіи:		
К.-д.	1	
С.-д. (меньшевики)	2	
С.-д. (большевики)	1	
С.-р.	2	
Всего		6
Еврейскія партіи:		
Бундъ	1	
Объединенные социалисты	1	
Поалей-ціонъ	1	
Демократическое объединеніе	1	
Сіонисты	1	
Всего		5
Польскія партіи:		
Демократическій централь:	1	
Р. Р. С.	1	
Всего		2
Всего представителей меньшинствъ		18

Внѣпартійныя національныя организаціи — Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій города Кіева, Польскій исполнительный комитетъ — были отъ представительства въ Радѣ отстранены.

Черезъ нѣсколько дней состоялось торжественное засѣданіе Рады съ участіемъ представителей меньшинствъ, которые, каждый на своемъ языкѣ, слово-словили воцарившееся національное примиреніе. Это послѣднее было, со стороны украинцевъ, ознаменовано изданіемъ Второго Универсала, въ которомъ констатируется побѣда украинскаго движенія надъ своими московскими супостатами.

Съ этого дня центръ политической жизни города Кіева перемѣстился изъ дворца (гдѣ продолжали засѣдать Исполнительный Комитетъ и Совѣты) въ Педагогическій музей — мѣсто собраній новорожденнаго украинскаго парламента. Однако, около того же времени возникъ въ Кіевѣ новый общественный центръ, которому предстояло олицетворять демократическую оппозицію — сначала противъ Рады, затѣмъ противъ большевиковъ, и наконецъ противъ гетмана: я говорю о вновь избранной на демократическихъ началахъ Городской Думѣ.

На выборы въ Городскую Думу мнѣ пришлось итти отъ тѣхъ же еврейскихъ организацій, которыя я представлялъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Избраніе въ Исп. Комитетъ и напряженная работа въ немъ не освободили

меня отъ заботъ и хлопотъ по секретарству въ Совѣтъ объединенныхъ еврейскихъ организацій. Какъ и прежде, мнѣ приходилось руководить всѣмъ дѣлопроизводствомъ и канцеляріей Совѣта, участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ пленума и бюро, нести на себѣ значительную долю заботъ и отвѣтственности по исполненію всѣхъ принимаемыхъ рѣшеній. Особенно много работы и волненій было въ связи съ созывомъ и руководствомъ «Областного еврейскаго совѣщанія», состоявшагося въ Кіевѣ 9, 10 и 11 мая 1917 года.

Идея созвать областной еврейскій съѣздъ возникла въ первые же дни существованія Совѣта. Уже въ началѣ апрѣля была установлена программа съѣзда, назначенъ срокъ и разсланы приглашенія.

Нашъ призывъ встрѣтилъ въ провинціи очень живой откликъ. Всего съѣхалось около 300 делегатовъ*, и интересъ къ съѣзду, какъ на мѣстахъ, такъ и въ самомъ Кіевѣ, былъ большой**.

Всѣ намѣченные доклады были прочтены и обсуждены, по всѣмъ имъ были приняты соответствующія резолюціи. Работы Совѣщанія были зафиксированы въ подробномъ протоколѣ, который, вмѣстѣ съ текстомъ докладовъ и резолюцій, былъ затѣмъ напечатанъ отдѣльной брошюрой. Вся эта официальная сторона протекла «честь-честью», какъ полагается. Но не въ ней оказался наиболѣе жгучій интересъ съѣзда, не она привлекла къ себѣ наиболѣе острое вниманіе участниковъ, слушателей и прессы. Наиболѣе драматическіе моменты съѣзда относятся къ выступленіямъ руководимой Рафесомъ оппозиціи и, въ той или иной формѣ, вращались вокругъ заполнившей вниманіе всего съѣзда фигуры Рафеса.

Я уже упомянулъ о томъ, что Рафесъ сталъ постепенно играть все болѣе и болѣе центральную роль въ кіевской революціонной общественности. Областное еврейское совѣщаніе, состоявшее сплошь изъ его самыхъ ожесточенныхъ противниковъ и зложелателей, оказалось весьма благодарнымъ фономъ, на которомъ развернулась эта мефистофельская фигура. Рафесъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе яркой личностью изъ всѣхъ подвизавшихся въ это время въ Кіевѣ политиковъ. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ — и по-русски, и по-еврейски, — искуснымъ полемистомъ, опаснымъ критикомъ. И, что самое главное, въ немъ была неисчерпаемая энергія и дѣйственная сила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ поистинѣ «духомъ отрицанія и сомнѣнія»; оппозиція и политическая интрига были его подлинной сферой. Къ созиданію, даже просто къ руководству массами онъ былъ неспособенъ. Натура дѣйственная и практическая, онъ много разъ мѣнялъ фронтъ; онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые жертвуютъ успѣхомъ ради идей и принциповъ. Наиболѣе славные моменты его дѣятельности относятся ко времени перваго прихода большевиковъ въ февралѣ 1918 г. Тогда онъ съ большимъ мужествомъ боролся противъ большевизма и изобличалъ его. Въ 1919 году онъ сталъ коммунистомъ и съ большимъ рвеніемъ

---

* Изъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

** Въ программѣ Совѣщанія значились доклады 1) объ объединеніи и организаціи еврейства (докладчикъ М. И. Юдинъ), 2) объ общинѣ (М. С. Мазоръ), 3) о правахъ національныхъ меньшинствъ въ Россіи (И. М. Маховеръ), 4) о выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія (И. Л. Бабать), 5) объ автономіи и федераціи (Я. С. Гольденвейзеръ), 6) о гражданскихъ обязанностяхъ евреевъ въ связи съ переживаемымъ моментомъ (Г. Б. Быховскій). Во время самого съѣзда въ программу были включены еще два доклада — 7) о всероссійскомъ еврейскомъ съѣздѣ (Виленскій) и 8) объ областномъ еврейскомъ союзѣ (А. А. Гольденвейзеръ).

руководилъ ночными обысками для изыятія «излишковъ». А въ 1920 году, во время третьяго пребыванія большевиковъ въ Кіевъ, Рафесъ пользовался такимъ вліяніемъ въ кіевскомъ Губревкомѣ, что его въ шутку называли «Губ-Рафесомъ» . . .

Рафесъ не былъ кіевляниномъ и никому не былъ у насъ извѣстенъ, когда, въ мартѣ или апрѣлѣ 1917 года, центральный комитетъ «Бунда» командировалъ его на югъ для руководства мѣстной партійной работой. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ день открытія областного еврейскаго совѣщанія, когда онъ, во главѣ цѣлой группы своихъ сторонниковъ, проникъ въ залъ на основаніи мандатовъ, самочинно выданныхъ имъ комитетомъ «Бунда». Рафесъ первый взялъ слово на вечернемъ засѣданіи, по поводу выслушанныхъ докладовъ Юдина, Мазора и Маховеера. И эта его главная рѣчь, продолжавшаяся около часа, была настоящимъ *chef-d'oeuvre* омъ ораторскаго и агитаціоннаго искусства. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта рѣчь, сказанная на мало знакомомъ мнѣ языкѣ (жаргонѣ) и защищавшая совершенно чуждую мнѣ точку зрѣнія. Въ ней было столько юмора, язвительности и силы, что даже внимавшая ей клерикально-сіонистская аудиторія не могла противостоять чарамъ ненавистнаго противника . . .

Къ концу второго дня произошла на съѣздѣ драматическая сцена, вѣрзавшаяся въ мою память. На трибунѣ стоялъ бердичевскій общественный раввинъ — яркій и темпераментный народный ораторъ. Рѣчь его, естественно, была призывомъ къ національному сплоченію на основѣ общихъ скрижалей вѣры. «Въ началѣ съѣзда, — сказалъ онъ между прочимъ, — всѣ вы поднялись съ мѣстъ въ память погибшихъ борцовъ за свободу. Поднимитесь же теперь въ честь Торы!» Аудиторія поднимается съ мѣстъ — за исключеніемъ группы бундовцевъ. Воцаряется невообразимый шумъ, большинство требуетъ удаленія «Бунда», оскорбившаго религіозныя чувства собранія. Президіумъ безсиленъ внести успокоеніе . . . И вотъ у ораторской кафедры появляется прекрасная сѣдая голова писателя С. А. Ан—скаго. Онъ поднимаетъ руку, залъ стихаетъ. Онъ говоритъ, что Тора — не только религіозный символъ, но и символъ вѣковой еврейской культуры. И въ честь этой культуры, составляющей нашу національную гордость и символизируемую свитками Торы, онъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ встать съ мѣстъ. Всѣ встаютъ . . . Инцидентъ улаженъ.

Я помню Ан—скаго съ 1915 года, когда я встрѣчался съ нимъ предъ своей поѣздкой въ оккупированную тогда русскими войсками Галицію. Помню рассказы многихъ галичанъ о неотразимомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на нихъ. И въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось самому увидѣть магическое дѣйствіе этого поистинѣ благороднаго человѣка на толпу. Черезъ два мѣсяца, въ Петроградѣ, мнѣ пришлось вести съ С. А. переговоры о поѣздкѣ его въ Румынію, куда нашъ Совѣтъ командировалъ его для обследованія на мѣстѣ положенія евреевъ. Поѣздка эта не состоялась. Больше я Ан—скаго не видѣлъ, а въ 1921 году, будучи проездомъ въ Варшавѣ, я услышалъ объ его смерти, — наканунѣ перваго представленія его поэтической пьесы «Дубикъ», которая съ тѣхъ поръ не сходитъ со сцены . . . Еврейское населеніе Варшавы устроило этому пѣвцу и печальнику еврейства торжественныя, народные похороны.

Въ послѣдній день Областного совѣщанія, въ концѣ дневнаго засѣданія, Рафесъ организовалъ свой финальный *coup de théâtre*: коллективный выходъ

всей группы «Бунда» изъ залы. Въ своей «прощальной» рѣчи онъ далъ съѣзду крылатое названіе «черно-голубого* еврейскаго блока».

Областное Совѣщаніе, превратившееся, благодаря стараніямъ Рафеса, въ непрерывное оказательство внутреннихъ раздоровъ среди русскаго еврейства, разумѣется, могло только способствовать дальнѣйшему обостренію этихъ раздоровъ. Никакія попытки примиренія не имѣли успѣха. Два лагеря противостояли другъ другу, расходясь и въ основномъ направленіи, и въ мельчайшихъ деталяхъ программы и тактики. И эти же два непримиримые еврейскіе лагеря засталъ большевистскій переворотъ, временно положившій конецъ всякому національному движенію среди евреевъ.

Обоимъ направленіямъ еврейской общественности дважды пришлось въ Кіевѣ помѣряться силами, представъ со своими лозунгами на судъ массы избирателей.

Въ концѣ іюля 1917 года происходили въ Кіевѣ выборы въ Городскую Думу, на которыхъ фигурировали различные еврейскіе списки, а въ слѣдующемъ декабрѣ и январѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскую общину. Результатъ получился въ обоихъ случаяхъ весьма различный... О выборахъ въ еврейскую общину, на которыхъ мнѣ пришлось занять срединную и примирительную позицію, я скажу позже: они относятся къ слѣдующей эпохѣ нашей революціонной исторіи. Къ выборамъ же въ Городскую Думу перехожу сейчасъ.

Старый составъ Городской Думы и Управы былъ, въ самомъ началѣ революціи, исполненъ новыми, «кооптированными» членами; списокъ ихъ былъ предложенъ Думѣ вновь возникшими революціонными организаціями. Въ качествѣ члена Исполн. Комитета, я ех officіо считался также и гласнымъ Городской Думы; однако, засѣданій Думы я не посѣщалъ**, и фактически никакого отношенія къ ней не имѣлъ. Предсѣдатель еврейскаго Совѣта д-ръ Быховскій вступилъ въ число членовъ вновь пополненной Городской Управы, главной задачей которой была подготовка и организація всеобщихъ выборовъ въ Думу. Руководящую роль въ этой организаціонной работѣ сыграли, также вступившій въ управу, Абрамъ Моисеевичъ Гинзбургъ — меньшевикъ, давно извѣстный въ Кіевѣ подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ «Г. Наумовъ», а впоследствии, уже въ новой Думѣ, избранный замѣстителемъ Городскаго Головы.

Выборы должны были происходить по новому, изданному Врем. Правительствомъ, закону, на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Эта послѣдняя квалификація — пропорціональность — была главнымъ новшествомъ; она опредѣлила собой характеръ и результаты выборовъ. Согласно пропорціональной системѣ, предстояло голосовать не за людей, а за списки, составленные партійными комитетами, безъ права вносить какія-либо измѣненія въ списокъ въ отношеніи именъ кандидатовъ или хотя бы ихъ порядка. Партіи давали избирателю готовый листъ и ему оставалось только сдѣлать свой выборъ между листами различныхъ партій.

Здѣсь не мѣсто вступать въ теоретическія разсужденія о преимуществахъ и дефектахъ пропорціональной системы выборовъ. Но надо отмѣтить, что намъ пришлось наблюдать пропорціональную систему въ дѣйстви въ странѣ, гдѣ вопросъ шелъ не только о правильномъ отображеніи воли народа въ представитель-

* Черный — цвѣтъ клерикализма, голубой — національное знамя сіонистовъ.

** Для этого не хватало времени, да меня нѣсколько и коробило положеніе вторгнувшася «явочнымъ порядкомъ» пришельца, въ которомъ я оказался бы въ Городской Думѣ.

ныхъ органахъ, но и объ организаціи этой воли, еще совершенно сырой и неформленной. Нужно было научить русскихъ гражданъ властно проявлять свою волю, устраивать свою общественную жизнь по своему усмотрѣнію. А вмѣсто этого имъ навязываютъ систему выборовъ, при которой гражданинъ лишается самаго естественнаго и неотъемлемаго права — права подавать голосъ за тѣхъ людей, за которыхъ хочетъ, и въ томъ порядкѣ, въ которомъ хочетъ. Ему дается готовый списокъ, десять, двадцать списковъ. Одни имена ему симпатичны въ одномъ списокѣ, другія — въ другомъ; есть симпатичныя ему имена, не поавшія ни въ одинъ списокъ; даже среди данныхъ именъ онъ хотѣлъ бы сдѣлать перестановки, выдвинувъ того или иного кандидата впередъ и отодвинувъ другого на послѣднее мѣсто. . . . Но всѣ свои сознательныя желанія онъ беспомощенъ осуществить. Онъ обязанъ голосовать за готовый списокъ, за тотъ составъ и порядокъ кандидатовъ, который предложенъ какимъ то комитетомъ. Ни добавить, ни вычеркнуть, ни переставить ни одного имени нельзя. Избиратель чувствуетъ себя скованнымъ. Выборы даютъ ему ощущеніе не свободы, независимости и самоопредѣленія, а насилія и давленія на его совѣсть со стороны новыхъ господъ.

Разумѣется, на бумагахъ все это не такъ. Каждые 50 или 100 избирателей могутъ подать свой списокъ, номинально равноправный со списками могущественнѣйшихъ партій и группъ. Но вѣдь на дѣлѣ это право не осуществляется и не можетъ осуществляться. Подавать списки, рассчитывающіе на успѣхъ, могутъ только партіи. А русскому избирателю — въ подавляющемъ большинствѣ не только безпартійному, но и не разбирающемуся въ партійныхъ программахъ, — остается только выбирать между готовыми списками, олицетворяющими различныя партійныя группировки.

И какое безконечно широкое поле раскрываетъ эта система для партійной демагогіи! Вѣдь, какъ хорошо сказалъ одинъ наблюдатель, на массы можно дѣйствовать не идеями, а обѣщаніями. Какой же соблазнъ оказывается тутъ для всѣхъ партій соперничать между собой въ красочности и завлекательности предвыборныхъ лозунговъ! Не личныя свойства кандидатовъ, не ихъ честность, подготовленность и надежность представляются на судъ избирателей: всѣ эти вопросы безапелляціонно рѣшаетъ комитетъ. Избирателя же нужно соблазнить и завербовать программой, лозунгомъ, обѣщаніемъ. И въ результатѣ, выборы изъ борьбы лицъ и идей превращаются въ соревнованіе плакатовъ. . . . Для меня нѣтъ сомнѣній въ томъ, что всероссійскій колоссальный успѣхъ эсэровъ на выборахъ былъ въ нѣкоторой степени вызванъ доступнымъ и волнующимъ крестьянскую душу лозунгомъ «земля и воля». По существу, другія партіи предлагали болѣе пріемлемыя для крестьянъ программы земельной реформы, чѣмъ эсэровская социализація земли. Но ни одна партія не имѣла такого выигрывающаго лозунга, какъ слова «земля и воля», красовавшіяся на всѣхъ эсэровскихъ плакатахъ. . . .

Никакая аптекарская точность въ оцѣнкѣ результата такихъ выборовъ не можетъ искупить той фальсификаціи и денатурализаціи народнаго мнѣнія, которыя неизбежно должна была въ Россійскихъ условіяхъ повести за собой система связанныхъ списковъ. Мы видѣли эту фальсификацію на дѣлѣ — во время выборовъ въ городскія Думы еще болѣе явственно, чѣмъ при выборахъ въ Учредительное собраніе, такъ какъ первые выборы прошли при большемъ интересѣ избирателей и въ болѣе нормальной обстановкѣ. Весь подъемъ и оживленіе общественныхъ инстинктовъ, которыми несомнѣнно сопровождались во всей

Россіи эти первые всенародные выборы, благодаря книжной новинкѣ пропорціональнаго глоссованія, пропали втунѣ, не были ни въ малѣйшей мѣрѣ использованы для политическаго воспитанія массъ. А въ результатѣ всей тонкой математикѣ избирательныхъ подсчетовъ мы получили думы, состоящія изъ ставленниковъ чуждыхъ народу партійныхъ комитетовъ. —

Въ Кіевѣ на выборахъ въ Гор. Думу конкуррировало, кажется, около пятнадцати кандидатскихъ списковъ. Списокъ № 1 былъ выставленъ блокомъ четырехъ социалистическихъ партій — с.-д. меньшевиковъ, с.-р., Бунда и Р. Р. С. Это былъ очевидно, по условіямъ момента, самый сильный списокъ и его побѣда была обезпечена заранѣе. Затѣмъ, списокъ № 2 былъ предложенъ «еврейскимъ социалистическимъ блокомъ», то-есть объединенными еврейскими социалистами и партіей Поалей-ціонъ. Это былъ, напротивъ, слабый списокъ, такъ какъ наиболѣе заслуженная еврейская социалистическая партія — Бундъ со своимъ лидеромъ Рафесомъ — стояла вѣдъ его. Списокъ № 3, если не ошибаюсь, былъ спискомъ «внѣпартійной группы русскихъ избирателей», съ В. В. Шульгинымъ и А. И. Савенко на первыхъ мѣстахъ; это было первое со времени революціи публичное выступленіе кievскихъ правыхъ круговъ, оказавшееся весьма успешнымъ и многообѣщающимъ. Списокъ № 9 былъ выставленъ «еврейскимъ демократическимъ блокомъ». Были еще списки кадетовъ, большевиковъ, украинцевъ (списокъ украинскихъ с.-р. и с.-д. и списокъ социалистовъ-федералистовъ), поляковъ, служащихъ городской управы и др.

Во всѣхъ спискахъ первыя мѣста были заняты признанными лидерами соотвѣтственныхъ группъ, въ спискахъ коалиціонныхъ — лидерами блокирующихъ партій. Списокъ № 1 возглавлялся будущимъ предсѣдателемъ Городской Думы В. А. Дрелингомъ, списокъ № 2 — Лещинскимъ, № 3 — Шульгинымъ, № 9 — сіонистомъ Сыркинымъ, кадетскій списокъ — Григоровичъ-Барскимъ, большевистскій — Пятаковымъ, украинскіе — Виниченко и Ефремовымъ и т. д. Почти ни одинъ изъ прежнихъ гласныхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ кадетовъ) не былъ включенъ въ важнѣйшіе списки; имъ въ утѣшеніе, служащіе Городской Управы подали свой особый списокъ съ Бурчакомъ, Дубинскимъ, Шефтелемъ и другими управцами, но онъ никакого успѣха на выборахъ имѣть не могъ. Вѣдъ на этихъ выборахъ рѣчь шла не объ избраніи хозяйственнаго органа, а объ очередныхъ политическихъ маневрахъ, на которыхъ скрестили оружіе обще-политическіе программы и лозунги. Въ этомъ гипертрофированіи политическаго момента за счетъ хозяйственнаго и дѣловаго также сказалось разлагающее вліяніе пропорціональной системы.

Предвыборная агитація и подготовка кандидатскихъ списковъ началась мѣсяца за полтора до дня выборовъ. Съ самаго начала предъ еврейскимъ Совѣтомъ, какъ національнымъ органомъ, сталъ вопросъ, принимать ли участіе въ этихъ обще-политическихъ выборахъ и выставлять ли на нихъ свой собственный списокъ. Противъ перваго, и особенно противъ втораго, имѣлись серьезныя принципиальныя возраженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оба вопроса по необходимости должны были быть разрѣшены въ положительномъ смыслѣ. Отстраниться отъ участія въ выборахъ значило бы совершенно сойти съ политической сцены, на что, разумѣется, никакая политическая организація добровольно пойти не могла. Не выставлять особаго еврейскаго списка означало блокировать съ какой-либо изъ политическихъ партій (напримѣръ, съ кадетами: объ этомъ шла рѣчь); по такой шагъ совершенно бы скомпрометировалъ Совѣтъ, какъ національную организацію. Повторяю: фактически оставался только

одинъ путь — въ выборахъ участвовать и притомъ выставить особый списокъ. На этотъ путь Совѣтъ и сталъ. Я не могъ особенно энергично этому сопротивляться, такъ какъ, признавая принципиальную непослѣдовательность этого шага, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать его практическую неизбѣжность. Но съ самаго начала выборовъ я уже не могъ заглушить въ себѣ сознаніе внутренняго противорѣчія, въ которое меня втягивали.

Совѣтъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выставить свой отдѣльный списокъ. Естественно было искать союзниковъ среди не-соціалистическихъ еврейскихъ партій. Такіе союзники и нашлись справа въ лицѣ партіи сіонистовъ и ортодоксальнаго союза «Ахдусъ», слѣва — въ лицѣ «Еврейскаго демократическаго союза Единеніе».

Союзъ «Единеніе» образовался еще въ апрѣлѣ 1917 года; я принималъ въ немъ ближайшее участіе. Это была демократическая интеллигентская группа, въ основаніи которой лежалъ блокъ трехъ профессиональныхъ группъ: группы евреевъ-адвокатовъ, группы евреевъ-врачей и группы евреевъ-инженеровъ. Въ національномъ вопросѣ «Единеніе» стояло на почвѣ свѣтскости и идишизма, но отличалось отъ еврейскихъ соціалистовъ тѣмъ, что допускало обще-національные объединенія и блоки. Никакой обще-политической программы намѣренно выставлено не было. — Союзъ «Единеніе» имѣлъ въ то время нѣкоторый успѣхъ среди мѣстнаго еврейства, хотя онъ, естественно, долженъ былъ страдать болѣзнию всѣхъ срединныхъ партій: для націоналистовъ «Единеніе» было недостаточно націоналистичнымъ, а для ассимиляторовъ и національно-индифферентныхъ группъ — слишкомъ національнымъ... Оглядываясь теперь назадъ, я могу сказать, что единственнымъ несомнѣннымъ достоинствомъ «Единенія» былъ его интеллигентскій характеръ и культурный составъ членовъ. — Впослѣдствіи, союзъ «Единеніе» превратился въ мѣстную организацию «Еврейской народнической партіи» («Фолькспартай»).

Блоковое соглашеніе между четырьмя еврейскими группами состоялось, о количествѣ и порядкѣ мѣсть участники столковались. Предстояло избрать кандидатовъ отдѣльныхъ группъ* и составить изъ нихъ списокъ...

Когда всѣ номінаціи и отводы были закончены и списокъ № 9 былъ, наконецъ, готовъ, я почувствовалъ себя совершенно измученнымъ и больнымъ. Мои нервы, уже истощенные напряженной работой предыдущихъ мѣсяцевъ, были окончательно изнурены. Меня охватилъ какой-то *tædium politicae* и я сталъ жаждать временнаго отдыха и покоя.

Въ такомъ настроеніи я получилъ телеграмму изъ Петрограда отъ М. М. Винавера съ просьбой содѣйствовать тому, чтобы отъ кievскихъ еврейскихъ организацій были посланы на созываемую на 18 іюля Всероссийскую еврейскую конференцію делегаты, сочувствующіе программѣ Еврейской народной группы (мѣстной организаціи группы тогда въ Кіевѣ не было). Меня не особенно прельщала перспектива участвовать въ конференціи и слушать тамъ неизбѣжныя программныя рѣчи сіонистовъ и бундовцевъ; я наслушался достаточно этихъ рѣчей на нашемъ областномъ совѣщаніи. Но представившаяся возможность

---

* Предъ самыми выборами въ списокъ были включены также представители двухъ, организовавшихся *ad hoc*, группъ — ремесленной и торгово-промышленной.

уѣхать изъ Кіева и не принимать больше участія въ предвыборной агитаціи и борьбѣ весьма мнѣ улыбалась *. Я выставилъ поэтому свою кандидатуру и былъ избранъ делегатомъ отъ союза «Единеніе» на всероссійскую конференцію.

16 іюля я распрощался съ членами Исполнительнаго Комитета, которому предстояло въ ближайшемъ будущемъ, тотчасъ по избраніи Городской Думы, ликвидировать свои дѣла, и облегченно вздохнуть въ купѣ петроградскаго поѣзда.

Послѣ нѣсколькихъ дней въ Петроградѣ, я уѣхалъ дальше — въ Финляндію . . .

* * *

Отдыхая на берегахъ Сайменскаго озера, я невольно возвращался мыслями въ Кіевъ, къ моей такъ внезапно и рѣзко оборванной политической работѣ. Я искалъ причины неудачи «Совѣта объединенныхъ еврейскихъ организацій» — неудачи, въ которой для меня уже не было никакого сомнѣнія. «Совѣту» не только не удалось объединить вокругъ себя кіевскаго еврейства, но, напротивъ, онъ сталъ факторомъ раздоровъ, сталъ тѣмъ химическимъ реактивомъ, который обнаружилъ несоединимость отдѣльныхъ составляющихъ еврейство элементовъ.

Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилось мнѣ, что «Совѣтъ» былъ съ самаго начала мертворожденнымъ учрежденіемъ . . .

Совѣтъ былъ предназначенъ для того, чтобы играть роль центрального органа кіевскаго еврейства; онъ долженъ былъ проводить, отъ имени евреевъ города Кіева, единую еврейскую національную политику. Между тѣмъ, — и въ этомъ пунктѣ, повидимому, были правы еврейскіе социаллисты, — въ ту эпоху въ Россіи не могло быть никакого единого еврейскаго національнаго органа и нельзя было вести никакой единой еврейской національной политики.

Защищая идею Совѣта, мы говорили, что русское еврейство, для осуществленія своихъ національныхъ интересовъ, должно дѣйствовать организованно и сплоченно. Должны быть созданы межпартійныя, національныя организаціи, которыя и осуществляютъ миссію еврейскаго національнаго возрожденія въ Россіи . . . Такой національно-политической организаціей долженъ былъ стать, въ рамкахъ города Кіева, Совѣтъ, въ масштабѣ всей Россіи — Всероссійскій еврейскій съѣздъ.

Логически противъ этой схемы трудно было возражать: разъ существуютъ національные интересы (а таковыя у русскаго еврейства несомнѣнно были и есть), то, естественно, наиболѣе призванными защитниками этихъ интересовъ будутъ національныя органы. Однако, отстаивая съ большимъ жаромъ эту логически-безупречную конструкцію, мы забывали одно: что національные вопросы играли сравнительно небольшую роль въ общемъ комплексѣ политическихъ интересовъ русскаго еврейства въ ту эпоху. Въ этомъ было существенное различіе между еврейской націей и другими, — территориальными, — національностями Россіи. Для cadaго еврея несравненно важнѣе были вопросы

* Я не чувствовалъ себя морально обязаннымъ участвовать въ этой агитаціи, такъ какъ къ тому времени окончательно убѣдился въ томъ, что выставленіе еврейскаго національнаго списка было ошибкой. Въ послѣдній моментъ я принялъ поэтому мѣры, обезпечивавшія мое неизбраніе въ Думу по этому списку.

о монархіи или республикѣ, демократіи или социализмѣ, — чѣмъ всѣ вопросы, къ которымъ сводилась національная еврейская политика, то-есть вопроса о свѣтской или религіозной общинѣ, о жаргонѣ или древне-еврейскомъ языкѣ, и даже вопросы о національной автономіи. Между тѣмъ, по основнымъ общеполитическимъ вопросамъ русское еврейство никоимъ образомъ не могло представлять собой единого фронта; тутъ оно естественно разслаивалось по социальнымъ классамъ и политическимъ теченіямъ.

Мы пытались устранить это несоотвѣтствіе тѣмъ, что ограничивали национальныя организациі исключительно сферой національной политики; въ области же общей политики каждый членъ ихъ могъ принадлежать къ любой партіи. Въ этомъ мы расходились съ крайнимъ националистическимъ крыломъ еврейства — сіонистами, которые проповѣдывали приматъ национальныхъ интересовъ и единый еврейскій фронтъ по всѣмъ вопросамъ общей политики.

Однако, нашъ компромиссъ былъ возможенъ въ сферѣ политической абстракціи, но разлетался въ дребезги при первомъ соприкосновеніи съ жизнью. Онъ предполагалъ какое-то двоеніе чловѣка, одновременно состоящаго членомъ, скажемъ, меньшевистскаго комитета и еврейскаго національнаго органа. Онъ предполагалъ и двоеніе самихъ организаций, съ полнымъ изъятіемъ общеполитическихъ вопросовъ изъ сферы организаций национальныхъ, а вопросовъ національной политики — изъ сферы обще-политическихъ партій.

Дѣйствительность вскорѣ обнаружила всю неосуществимость такого раздвоенія. «Совѣту» пришлось тотчасъ же послѣ своего возникновенія встрѣтиться съ неотложными задачами обще-политическаго свойства — съ представительствомъ отъ еврейства въ различныхъ органахъ, съ выборами въ городскія думы, въ земства, въ Учредительное Собраніе. Я испыталъ самъ всю ложность положенія, въ которомъ оказывался командированный Совѣтомъ делегатъ, долженствовавшій *ex professo* «представлять еврейство». Когда я былъ делегированъ Совѣтомъ въ Исполнительный Комитетъ, это положеніе все-еврейскаго представителя фактически лишало меня возможности высказываться по всѣмъ жгучимъ вопросамъ. И мнѣ чаще всего не оставалось ничего иного, какъ торжественно, отъ имени еврейской націи — воздерживаться отъ голосованія... Съ другой стороны, партіи (особенно у насъ на Украинѣ) стали посвящать все больше и больше вниманія вопросамъ національной политики. Такимъ образомъ всѣ партійные члены Совѣта принуждены были двоить уже и национальную свою программу и тактику. Но это было очевидно немыслимо. Въ результатѣ всѣ болѣе или менѣе активные члены Совѣта стали отходить отъ него въ свои партійныя ячейки. И въ концѣ концовъ въ немъ остались только люди, которымъ, по условіямъ времени, было нечего терять внѣ его.

Этотъ маразмъ, отъ котораго въ концѣ концовъ безславно погибъ Совѣтъ, сталъ обнаруживаться еще въ мою бытность въ Кіевѣ. А по возвращеніи изъ Финляндіи я засталъ его уже въ агоніи.

* * *

27 августа 1917 года я возвращался изъ Петрограда въ Кіевъ. Путь шель черезъ Могилевъ, гдѣ, какъ извѣстно, находилась ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Во время стоянки поѣзда въ Могилевѣ, гдѣ все имѣло вполнѣ обычный видъ, до меня донесли изъ корридора вагона слова: «Вы знаете,

Корниловъ поставилъ ультиматумъ Керенскому, требуетъ передачи ему власти. Теперь любопытно, чья возьметъ» . . . Слова эти были произнесены съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла о томъ, какая лошадь выиграетъ очередной призъ. Тонъ настолько не соответствовалъ важности и трагизму сообщаемого извѣстія, что я рѣшительно не повѣрилъ въ серьезность всего разговора. Да и вся обстановка по пути изъ Петрограда и здѣсь, въ самой штабъ-квартирѣ мятежниковъ, была ужъ слишкомъ нормальной и спокойной . . .

Однако, прїѣхавъ на слѣдующій день въ Кіевъ, я узналъ, что таинственный голосъ изъ коридора былъ правъ и что мы дѣйствительно переживаемъ кризисъ. Въ самомъ Кіевѣ, впрочемъ, особаго волненія въ эти дни не было. Едва ли кто сомнѣвался въ неудачѣ возстанія. И единственнымъ его результатомъ (у насъ, какъ и во всей Россіи) было дальнѣйшее усиленіе лѣвыхъ элементовъ. Наконецъ осуществился тотъ контръ-революціонный заговоръ, которымъ они стращали все время. И теперь уже никакой скептикъ не могъ убѣдить ихъ, что съ этой стороны опасность не угрожаетъ. Для консолидаціи создававшегося настроенія былъ пущенъ пресловутый лозунгъ «спасенія революціи». Причемъ спасеніе это, разумѣется, сводилось къ усиленію яacobинскаго деспотизма стоявшихъ у власти партій. — Избранный Исполнительнымъ Комитетомъ комиссаръ города Кіева Страдомскій принужденъ былъ уйти; въ его должность вступилъ его замѣститель — меньшевикъ Доротовъ. Печать была взята подъ цензуру, причемъ эта мѣра была, разумѣется, направлена исключительно противъ правой печати. Помню, какъ бундовецъ Темкинъ впоследствии съ большимъ юморомъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ, по порученію «Комитета спасенія революціи», цензурировалъ «Кіевлянинъ» . . .

Политическая ситуація, которую я засталъ по прїѣздѣ въ Кіевъ, была весьма неутѣшительной. Въ письмѣ, датированномъ 22 августа, еще изъ Финляндіи, я писалъ:

«Бдемъ подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ вѣстей изъ-подъ Риги. Непокійно на душѣ. Все идетъ съ какой-то фатальной правильностью внизъ по наклонной плоскости» . . .

Уже по возвращеніи въ Кіевъ, въ письмѣ отъ 10 сентября, я могъ добавить:

«О нашихъ политическихъ дѣлахъ вы информируетесь газетами. Вѣроятно, чехарда министровъ и генераловъ издалика кажется еще болѣе чудовищной . . .

Дѣла идутъ скверно — *et voila tout!*»

Черезъ недѣлю я писалъ:

«Въ политикѣ у насъ все еще туманъ. Правительство занимается конструированіемъ самаго себя и пока довольно безуспѣшно. А всякіе грозные процессы разложенія и обнищанія идутъ совершенно параллельно, независимо, съ фатальной неизмѣнностью . . . До чего мы докатимся, трудно сказать».

И, наконецъ, въ письмѣ отъ 1 октября:

«Политическія и военныя дѣла идутъ все хуже и хуже. Воцаряется полная апатія и усталость».

То была эпоха предсмертныхъ судорогъ Временнаго Правительства. Паденіе Риги, Корниловщина, нападеніе нѣмцевъ на острова Эзель и Даго, Демократическое совѣщаніе, Совѣтъ Россійской Республики — всѣ эти впечатлѣнія смѣнялись съ утомительной быстротой. А основной фонъ всему давалъ неудержимый ростъ большевизма. Онъ давалъ себя чувствовать и у насъ въ Кіевѣ. Первые предсѣдатели Совѣтовъ рабочихъ и военныхъ депутатовъ — оборонцы Незлобинъ и Таскъ — были отстранены. Перваго замѣнилъ интернаціоналистъ Смирновъ, второго — украинскій с.-р. Григорьевъ. А затѣмъ, — въ то же время, когда большевики стали господствовать въ Петроградскомъ Совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Троцкій, — наши два Совѣта слились и избрали своимъ предсѣдателемъ большевика Георгія Пятакова.

Единственнымъ свѣтлымъ пунктомъ на фонѣ кіевской общественности казалась тогда молодая Городская Дума. Произведенные въ концѣ іюля выборы окончились, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдой списка № 1 — списка «соціалстического блока». Этотъ списокъ получилъ, кажется, около 80-ти мѣстъ въ Думѣ. Остальныя сорокъ распредѣлялись между кадетами (10 гласныхъ), польскимъ блокомъ (7), еврейскимъ демократическимъ блокомъ (5), еврейскими соціалистами (3), внѣпартійной группой русскихъ избирателей (во главѣ съ Шульгинымъ), украинцами и большевиками. Первые засѣданія Думы произошли еще въ мое отсутствіе. Изъ газетъ я узналъ, что предсѣдателемъ Думы избранъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ журналистъ В. А. Дрелингъ (с.-д. меньшевикъ). Онъ съ большимъ достоинствомъ исполнялъ свои функціи во всѣхъ разнообразныхъ обстановкахъ, въ какихъ пришлось работать кіевской Городской Думѣ. Въ послѣдніе годы, при большевикахъ, онъ очень нуждался, работалъ въ кооперативахъ и переутомлялъ себя лекціями въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лѣтомъ 1920 года онъ погибъ отъ холеры, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: истощенный организмъ потерялъ всякую способность сопротивленія... О должности городского головы между партіями соціалстического блока шли продолжительные переговоры. Въ концѣ концовъ, этотъ постъ достался эс-эрамъ, основывавшимъ свое право главнымъ образомъ на повсемѣстномъ успѣхѣ, который имѣла тогда на выборахъ ихъ партія. Кіевскимъ Городскимъ Головой сталъ эс-эръ Евгений Петровичъ Рябцевъ, о которомъ я уже упоминалъ. Для насъ — его товарищей по адвокатскому сословію — его выборъ казался нѣсколько неожиданнымъ. Въ большихъ личныхъ качествахъ — природномъ умѣ, тактѣ, трудоспособности, прекрасномъ ораторскомъ дарованіи — никто ему не отказывалъ. Но, какъ мы всѣ знали, его подготовка къ руководству муниципальными дѣлами крупнаго города не могла быть очень солидной. При этомъ мы, однако, забывали хорошую нѣмецкую поговорку, особенно пригодную во времена революцій: *Amt gibt Verstand*. Если Гучковъ и Керенскій были военными министрами, Некрасовъ — министромъ путей сообщенія, Терещенко — министромъ финансовъ, то отчего бы Рябцеву не быть кіевскимъ городскимъ головой? Будущее показало, что нѣмецкая поговорка оправдалась въ отношеніи Рябцева больше, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Да и обстоятельства сложились такъ, что кіевской Городской Думѣ меньше всего пришлось хозяйствовать, а чаще и больше всего — защищать себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, населеніе города Кіева отъ всей галлерей нашихъ завоевателей — сначала отъ украинскихъ шовинистовъ, затѣмъ отъ большевистскихъ конквистадоровъ, отъ германскихъ комендантовъ, отъ гетманскихъ «хорунжихъ», отъ Петлюровцевъ, снова отъ большевиковъ и т. д.

И эту-то миссию защиты правъ городского самоуправления Рябцевъ выполнялъ, по общему мнѣнію, блестяще — съ большою смѣлостью и твердостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соответствіи со своими наклонностями и талантами; то-есть торжественно и картинно. Повторяю, всѣ партіи были довольны Рябцевымъ; даже В. В. Шульгинъ отозвался о немъ съ уваженіемъ и благодарностью послѣ его представительства въ интересахъ арестованнаго большевиками редактора «Кіевлянина».

Хозяйственныя функціи городской управы въ большей степени, чѣмъ на городскомъ головѣ, лежали на его товарищѣ — А. М. Гинзбургѣ-Наумовѣ (с.-д., меньшевикъ), проявившемъ на своемъ посту выдающіяся организаціонныя способности.

Городская управа была составлена на коалиціонныхъ началахъ: кромѣ социалистовъ, въ нее вошли кадеты, украинцы и представители польскаго и еврейскаго національныхъ блоковъ. Представителемъ послѣдняго былъ избранъ инженеръ А. И. Богомольный.

Въ работѣ Городской Думы въ эти первые мѣсяцы ея существованія было много бодрости и увлеченія. Новизна дѣла, желаніе расчистить авгиевы конюшни стараго думскаго хозяйства, живой и реальный характеръ работы — все это объединяло новоиспеченныхъ управцевъ и гласныхъ и призывало къ напряженной дѣятельности. Наряду съ этимъ, публичность и парламентскій характеръ пленарныхъ засѣданій импонировали и участникамъ, и публикѣ.

Населеніе города, которое въ огромномъ большинствѣ никогда не сочувствовало социализму, а теперь уходило все дальше вправо, — въ основныхъ вопросахъ момента было, тѣмъ не менѣе, солидарно съ социалистической Городской Думой. Эти основные вопросы были вопросы украинскій и большевистскій. Вмѣстѣ со своей Думой, населеніе города Кіева больше двухъ лѣтъ боролось противъ засилья, которому оно съ разныхъ сторонъ подвергалось. Побѣда очередныхъ завоевателей приводила обычно сначала къ умаленію правъ, а затѣмъ къ роспуску Думы. А при каждомъ ихъ изгнаніи Городская Дума возрождалась изъ пепла. «Рябцевъ уже въ Думѣ»: подъ этимъ паролемъ прошли всѣ наши освободительные перевороты, — эти слова въ эти дни повторяли другъ другу кіевляне сначала шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче, и всѣ воспринимали ихъ, какъ символъ совершившагося освобожденія...

Естественно, что съ именемъ Е. П. Рябцева и съ Городской Думой у кіевлянъ связаны, въ общемъ, хорошія воспоминанія. Нашъ городской голова дѣйствительно, какъ его пронически назвалъ Шульгинъ, сталъ «революціонной реликвіей», — но реликвіей въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Первые шаги пополненной представителями національныхъ меньшинствъ Центральной Рады также относятся къ моему пребыванію въ Финляндіи.

«Скучно возвращаться въ Кіевъ, — писалъ я отсюда 15 августа, — гдѣ всѣ съ ума сошли на украинской автономіи и играютъ въ какую-то глупую оппозицію Временному Правительству».

Эта «глупая оппозиція» происходила главнымъ образомъ на почвѣ составленія «Инструкціи Генеральному Секретаріату», которую Временное Правительство должно было утвердить. Украинцамъ все было недостаточно правъ, которыя имъ удѣляли; а Временное Правительство, не учитывая своихъ

силъ, упорствовало*. Курьеры летали изъ Кіева въ Петроградъ и обратно, но вопросъ никакъ не улаживался. А въ это время положеніе Временнаго Правительства становилось все менѣе и менѣе прочнымъ.

Украинскимъ націоналистамъ это было только на руку. Естественно поэтому, что делегатъ Центральной Рады Поршъ требовалъ на Демократическомъ совѣщаніи** отказа отъ коалиціи съ буржуазіей и чисто социалистическаго правительства. Чисто-социалистическое правительство означало переходъ власти къ большевикамъ и совѣтамъ. Оставляя у себя Центральную Раду, украинцы съ легкой душой рекомендовали передать обще-россійскую власть въ руки съѣзда совѣтовъ, который долженъ былъ завершить разруху и распадъ страны. И близорукимъ украинскимъ политикамъ казалось, что тогда-то, на развалинахъ Россіи, расцвѣтетъ самостоятельная Украина...

Во главѣ Центральной Рады продолжалъ стоять М. С. Грушевскій, во главѣ Генеральнаго Секретаріата — Винниченко. Въ составъ Секретаріата вступили отдѣльные представители національныхъ меньшинствъ (А. Н. Зарубинъ, М. Г. Рафесъ).

Все положеніе носило видимо временный, переходный характеръ.

II. Центральная Рада, большевики, нѣмцы

(ноябрь 1917 — апрѣль 1918)

Первый снарядъ. — Украинская Народная Республика. — Политическія событія и адвокатура. — Организація національныхъ меньшинствъ. — Вокругъ Учредит. Собранія. — Украинская делегація въ Брестъ-Литовскѣ. — Самостійность. — Одиннадцать дней бомбардировки. — Большевики въ Кіевѣ. — «Миръ безъ аннексій и контрибуцій». — Приходъ нѣмцевъ. — Обостреніе украинскаго націонализма. — Малая Рада въ апрѣлѣ 1918 г.: личности и партіи. — Подготовка конфликта съ нѣмцами. — Арестъ А. Ю. Доброга и приказъ Эйхгорна. — Послѣдній день Центральной Рады.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней октября 1917 года, предъ вечеромъ, что-то вдругъ прожужжало надъ нашими головами. Мы тогда еще не привыкли различать артиллерійскіе нугансы и въ первый моментъ не знали, что случилось. Но черезъ минуту уже показывали другъ другу небольшое, довольно аккуратное отверстие, пробитое въ стѣнѣ пассажа страхового общества «Россія». Сомнѣній быть не могло: надъ городомъ пролетѣлъ снарядъ.

Стрѣляли, какъ потомъ выяснилось, большевистскія части, засѣвшія въ арсеналѣ. Арсеналъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ въ нашемъ не-фабричномъ городѣ — издавна считался цитаделью большевизма. Въ октябрьскіе дни въ арсеналѣ находился военно-оперативный центръ большевиковъ, а политическій центръ ихъ — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ помѣщался во дворцѣ.

На этотъ разъ судьба пощадила кіевлянъ и большого артиллерійскаго обстрѣла не было. Дѣло обошлось нѣсколькими орудійными выстрѣлами, не

* Послѣдній министръ юстиціи — П. Н. Малянтовичъ — вздумалъ даже привлечь Генер. Секретаріатъ къ отвѣтственности по какой-то статьѣ Уголовнаго Уложенія.

** На московское Государственное Совѣщаніе, созванное для поддержки Врем. Правительства, украинцы своего делегата не послали вовсе.

причинившими особаго вреда. Вообще, въ октябрѣ 1917 года въ Кіевѣ не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выясненіемъ своихъ силъ.

Конкурирующихъ претендентовъ на власть было у насъ въ эти дни не два, какъ въ Петроградѣ и Москвѣ, а три: кромѣ Временнаго Правительства и большевиковъ, была еще Центральная Украинская Рада. Политическимъ центромъ силъ, вѣрныхъ Временному Правительству, была Городская Дума; но среди войскъ кіевскаго гарнизона оно могло рассчитывать, какъ выяснилось, только на юнкеровъ, на командный составъ и на отдѣльныя небольшія части. Большевики также не имѣли за собой значительной вооруженной силы. Такимъ образомъ, силы обоихъ основныхъ противниковъ уравнивались; и рѣшеніе зависѣло отъ Центральной Рады и тѣхъ воинскихъ частей, въ которыхъ господствовали украинцы.

Какъ и слѣдовало ожидать, Центральная Рада рѣшила соблюдать нейтралитетъ въ возгорѣвшейся борьбѣ «россійскихъ» группъ. Въ средѣ ея членовъ былъ образованъ «Комитетъ спасенія революціи на Украинѣ», засѣдавшій въ теченіе нѣсколькихъ ночей, составляя воззванія и резолюціи. Но никакихъ активныхъ шаговъ въ Педагогическомъ музеѣ предпринято не было. Такъ прошли первые два-три дня, пока соотношеніе силъ еще не выяснилось. Но затѣмъ, когда побѣда большевиковъ опредѣлилась повсемѣстно, Центральная Рада вспомнила данное Бисмаркомъ опредѣленіе задачи нейтральныхъ державъ: во-время поспѣшить на помощь побѣдителю. Всѣ имѣвшіяся въ Кіевѣ украинскія части были брошены на сторону противниковъ Временнаго Правительства. Послѣ этого юнкерамъ и остальнымъ правительственнымъ войскамъ не оставалось ничего иного, какъ капитулировать. Въ состоявшемся между тремя группами соглашеніи украинцы дали почувствовать свою превосходную силу. Временное Правительство было побѣждено, большевики не чувствовали въ Кіевѣ достаточной опоры. Выходъ намѣчался самъ собой: власть должна была перейти къ Центральной Радѣ.

О первыхъ дняхъ украинской власти у меня остались не очень розовыя воспоминанія. Какой-то вульгарный тонъ воцарился тогда въ нашей общественной жизни. Въ городѣ выходили только украинскія газетки, составленныя грубо и аррогантно, полныя издѣвательствъ надъ Временнымъ Правительствомъ и надъ его мѣстными представителями. Вѣрнымъ правительству войскамъ, по соглашенію, должны были предоставить возможность эвакуироваться на Донъ; въ дѣйствительности, однако, ихъ выѣздъ шелъ не гладко. Не обошлось и безъ эксцессовъ, въ особенности въ отношеніи команднаго состава. Конечно, не было ничего подобнаго той большевистской расправѣ съ офицерствомъ, которую мы пережили три мѣсяца спустя; но, съ непривычки, намъ тогда казалось чѣмъ-то вопіющимъ, если, напримѣръ, главнаго начальника военнаго округа держали нѣсколько дней арестованнымъ, безъ пищи и на соломѣ...

9 ноября былъ принятъ Центральной Радой и опубликованъ 3-й Универсалъ, подводившій итогъ происшедшимъ событіямъ. Украина провозглашалась «Украинской Народной Республикой», съ сохраненіемъ федеративной связи съ Россіей; Генеральные Секретари получили титулъ Народныхъ Министровъ*.

* Предсѣдателемъ Рады народныхъ министровъ былъ Винниченко (у. с.-д.), военнымъ министромъ Петлюра (у. с.-д.), министромъ труда Поршъ (у. с.-д.), министромъ финансовъ Туганъ-Барановскій (соц.-федер.), мин. иностр. дѣлъ Шульгинъ (с.-ф.), министромъ

Кромѣ того, въ Универсалѣ были включены декларативныя заявленія о предстоящихъ социальныхъ реформахъ — отменѣ права собственности на землю и введеніи восьмичасового рабочаго дня.

Универсалъ былъ принятъ въ Радѣ всѣми украинскими партіями единогласно, какъ и полагалось торжественному манифесту, составленному по предварительному соглашенію между фракціями. Помнится, остальные національныя партіи (польскія и еврейскія) также голосовали за Универсалъ; россійскіе же с.-д. и с.-р. воздержались отъ голосованія.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ этихъ событій мнѣ предстояла поѣздка по Московско-Кіево-Воронежской линіи, по направленію къ Брянску. Условія сообщенія на желѣзныхъ дорогахъ были тогда уже неважныя; однако, билеты и плацкарты еще продавались заранѣе. Запасшись билетомъ, я поѣхалъ на вокзалъ къ часу отхода поѣзда — 7 часовъ вечера. Выяснилось, однако, что поѣздъ изъ Москвы, приходившій утромъ и отправлявшійся въ тотъ же день обратно, еще не прибылъ. Я прождалъ его на вокзалѣ до 2-хъ часовъ ночи и отправился ночевать домой. Рано утромъ, по пути къ вокзалу, я сталъ просматривать газету и увидѣлъ въ ней сенсаціонное сообщеніе: Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, съ самаго начала не признававшій власти Центральной Рады и отдѣленія Украины отъ Россіи, прервалъ начатыя съ Радой переговоры и объявилъ ей войну. Большевицскія войска движутся на югъ, всякое сообщеніе съ Великороссіей прекращено. Очевидно, ни о какой поѣздкѣ думать уже не приходилось. Я забралъ свои вещи и возвратился въ городъ, — чтобы затѣмъ болѣе трехъ лѣтъ не выѣзжать за предѣлы Кіева.

Началась гражданская война.

Украинская Народная Республика была объявлена, власть Петрограда отпала и мѣстные правительственныя учрежденія стали постепенно перестраиваться и приспособляться къ новымъ условіямъ. Со стороны чиновничества, какъ и слѣдовало ожидать, украинская власть не встрѣтила особой оппозиціи. Иначе обстояло дѣло въ средѣ интеллигенціи. Предстоящая украинизація приводила въ смущеніе всѣхъ неукраинцевъ, причастныхъ къ школѣ, наукѣ, адвокатурѣ. Украинскій языкъ, съ которымъ вполнѣдствіи немного свыклись, вызывалъ аффектированныя насмѣшки; никто не собирался учиться этому языку*.

Особенно упорна была борьба противъ сепаратизма въ средѣ адвокатуры, — этой наиболѣе независимой профессіи, давно привыкшей быть въ оппозиціи къ «видамъ правительства».

Мнѣ не приходилось еще упоминать о томъ, какъ реагировала кіевская адвокатура на событія революціоннаго времени. Нужно сказать, что ея роль въ этихъ событіяхъ была довольно незамѣтна и общественный вѣсъ ея выступленій былъ значительно ниже, чѣмъ, по старымъ традиціямъ, можно было ожидать. Адвокатура, какъ сословіе, могла проявить себя въ эпоху земскаго и интеллигентскаго освободительнаго движенія; она и играла выдающуюся роль

почтъ и телегр. Зарубинъ (росс. с.-р.), госуд. контролеромъ Золотаревъ (Бундъ). Министрами по дѣламъ національностей были Зильберфарбъ (евр. соц.), Мицкевичъ (Польск. Дем. Центр.) и Одинецъ (н.-с.).

* Злополучный вопросъ объ украинскомъ языкѣ продолжаетъ съ тѣхъ поръ быть излюбленнымъ предметомъ словопреній. Одни отрицаютъ его бытіе, презрительно называя его «мѣстнымъ нарѣчіемъ»; другіе, напротивъ, защищаютъ его право на существованіе. Любопытно при этомъ, что самые ярые отрицатели украинскаго языка судятъ о немъ, какъ знатоки, и даже уличаютъ его сторонниковъ въ томъ, что они исказили подлинный украинскій языкъ галиційскими словами и т. д.

въ движеніи 1904—1905 гг. Но переворотъ 1917 года, а тѣмъ болѣе послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ событія имѣли подъ собою ужъ слишкомъ широкую, массовую базу; съ другой стороны, живо затрагивая самые насущные интересы всѣхъ и cadaго, они слишкомъ разслаивали и раскалывали прежнія сословныя и профессиональныя образованія. Предъ лицомъ такихъ событій, сословіе адвокатуры потеряло всякое единство; а недостававшая ему опора въ массахъ лишала его позицію всякаго политическаго значенія.

Отдѣльные адвокаты стали членами Временнаго Правительства, тсварищами министровъ, сенаторами, старшими предсѣдателями и прокурорами судебныхъ палатъ. Но русская адвокатура, какъ сословіе, съ 1917 года утратила всякое значеніе, какъ факторъ политической борьбы.

То же, въ мѣстномъ масштабѣ, произошло и въ Кіевѣ. Наша адвокатура проявила въ первые дни революціи значительный интересъ къ событіямъ. Однако, къ созидательному, коллективному участию въ политической жизни она оказалась неспособной. Въ мартѣ или апрѣлѣ была у насъ избрана такъ-называемая «Большая адвокатская комиссія», въ которую вошли in corpore Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и избранные общимъ собраніемъ представители сословія. Имѣлось въ виду концентрировать въ «Большой комисіи» всю политическую работу адвокатуры. Были выдѣлены подкомисіи — лекціонная, законодательная, судебная и др. Было много споровъ о томъ, должны ли читаемыя лекціи носить безпартійный характеръ или же лектору-адвокату разрѣшается открыто становиться на почву той или иной партійной программы. Вопросъ разрѣшился тѣмъ, что фактически ни одной лекціи прочитано не было...

Съ момента отдѣленія Украины и, связаннаго съ нимъ, обостренія національныхъ вопросовъ, положеніе кіевской адвокатуры нѣсколько измѣнилось. Образовался общій фронтъ, на которомъ можно было объединиться; были задѣты общіе и близкіе всѣмъ членамъ сословія интересы. Украинизація суда была жупеломъ, для отраженія котораго готовы были слиться всѣ адвокаты, правые и лѣвые, монархисты и социалисты*. И естественно, что центръ тяжести борьбы противъ украинизаціи оказался не въ средѣ судей и прокуроровъ, а въ нашей адвокатской средѣ.

Были среди насъ крайніе и непримиримые украиннофобы, не желавшіе вовсе признавать «незаконной» власти Рады; были элементы, болѣе считавшіеся съ реальной обстановкой. Но протестъ противъ насильственной украинизаціи роднилъ всѣхъ. И никто не хоронилъ идеи возрожденія Россіи.

* * *

*

Октябрьскій переворотъ привелъ къ образованію у насъ на югѣ Россіи фактически независимой республики, построенной на чисто національной основѣ. Естественнымъ результатомъ рожденія самостоятельной Украины явилось то, что на первый планъ нашей политической жизни были выдвинуты вопросы національные. То же, какъ извѣстно, произошло въ Латвіи, Литвѣ, Грузіи и т. д. Большевики въ данномъ отношеніи достигли антипода своихъ же собственныхъ

* Членовъ нашего сословія, ставшихъ на сторону украинскаго движенія, почти не было. Изъ дѣятелей Рады только Ткаченко и Поршъ, а впоследствии членъ Директоріи Андріевскій, были адвокатами.

цѣлей: подъ знаменемъ пролетарскаго Интернаціонала они способствовали расцвѣту на всѣхъ окраинахъ Россіи самаго «буржуазнаго» націонализма...

Кіевъ всегда жилъ подъ знакомъ національной розни. Эта рознь препятствовала развитію у насъ широкихъ объединеній даже среди дѣятелей искусства, науки, литературы. Въ области же политики обостренность національныхъ вопросовъ питала мракобѣсіе и человѣко-ненавистничество. Это наслѣдіе старорежимнаго Кіева проявилось теперь во всемъ блескѣ. Национальный моментъ былъ оффиціально выдвинутъ на первое мѣсто: результатомъ не могли не стать національное обособленіе, вражда и упадокъ обще-человѣческихъ благъ культуры.

Конечно, теперь роли перемѣнились. Въ 60-тыхъ годахъ, выпуская первый номеръ «Кіевлянина», В. Я. Шульгинъ счелъ нужнымъ поставить своимъ лозунгомъ фразу: «Юго-Западный край — русскій, русскій, русскій». Очевидно, такой лозунгъ былъ бы смѣшонъ и безсодержателенъ въ чисто-русскомъ краѣ, напримѣръ, въ Москвѣ; онъ получалъ опредѣленный смыслъ и политическое значеніе именно въ Кіевѣ, притомъ именно потому, что Юго-Западный край въ дѣйствительности не былъ чисто-русскимъ. Цѣль В. Я. Шульгина и его преемниковъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать его таковымъ. Черезъ 50 лѣтъ политика руссификаторовъ принесла свои неизбѣжные плоды: захватившая власть Центральная Рада не переставала повторять, что Юго-Западный край — украинскій, украинскій, украинскій.

Изъ неукраинскихъ національностей политики Рады согласны были признавать еврейскую и польскую; «россійская» же была подъ большимъ подозрѣніемъ, такъ какъ ужъ слишкомъ трудно было провести демаркаціонную черту между русскими и украинскими жителями Украины. Это было и небезопасно для украинцевъ. Не различая на Украинѣ украинцевъ и «россіянъ», можно было всѣхъ жителей объявить украинцами. Въ деревнѣ, какъ я уже упоминалъ, этотъ флагъ имѣлъ большой успѣхъ, благодаря чему, напримѣръ, на выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе украинцамъ удалось провести отъ нашего края почти исключительно депутатовъ своего національнаго блока. Но предоставлять коренному населенію право національнаго самоопредѣленія было все же не безопасно; особенно въ городахъ, это привело бы къ большому конфузу для украинцевъ. Поэтому украинскіе политики были съ своей точки зрѣнія совершенно правы, когда они, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отказались отъ мысли создавать особое національное меньшинство изъ гражданъ, причисляющихъ себя къ русской національности.

Какъ я уже говорилъ, и въ Малой Радѣ были представлены, въ качествѣ «национальныхъ меньшинствъ», только евреи и поляки. Русскаго національнаго представительства не было. Впрочемъ, наряду съ польскимъ и еврейскимъ министрами, былъ первоначально учрежденъ постъ министра по великорусскимъ національнымъ дѣламъ. Постъ этотъ былъ занятъ весьма симпатичнымъ дѣятелемъ — народнымъ социалистомъ Д. М. Одинцомъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, работа этого министерства была весьма бѣдна содержаніемъ; начиная же съ марта, послѣ изгнанія большевиковъ, министерство по великорусскимъ дѣламъ было уничтожено.

Польское и еврейское министерства существовали все время владычества Центральной Рады. Польскимъ министромъ былъ демократъ Мидкевичъ, еврейскимъ — сначала еврейскій социалистъ Зильберфарбъ, затѣмъ членъ Фолькс-партай В. И. Лацкій. При обоихъ министрахъ образовались національные

совѣты, составленные на паритетныхъ началахъ изъ представителей отдѣльныхъ національныхъ партій.

Лозунгомъ національной политики «меньшинствъ», официально одобряемыхъ со стороны украинской власти, была въ то время «національно-персональная автономія». Эта идея, заимствованная изъ книги австрійскаго социалиста Шпрингера (Реннера) о національной проблемѣ, сводилась къ тому, что члены отдѣльныхъ національностей, живущіе въ данномъ государствѣ, объединяются въ національные союзы. Эти союзы пользуются самоуправленіемъ и конституція гарантируетъ невмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла со стороны общегосударственной власти. Представителями національныхъ союзовъ въ правительствѣ являются министры по національнымъ дѣламъ. Въ кругъ вѣдѣнія органовъ автономныхъ союзовъ входятъ вопросы народнаго образованія и національной культуры, соціальной помощи, эмиграціи и т. д. Національно-персональная автономія мыслится обыкновенно дѣйствующей въ федеративномъ государствѣ, разбитомъ на территориально-автономныя части. При этомъ членами національныхъ союзовъ граждане становятся не по территориальному, а по персональному признаку: въ него вступаютъ всѣ члены данной націи, гдѣ бы они не проживали на всемъ пространствѣ федеративнаго государства. Отсюда и самый терминъ: «національно-персональная автономія».

Насколько созданіе такихъ національныхъ «государствъ въ государствѣ» осуществимо и насколько оно, въ частности, соответствуетъ интересамъ русскаго еврейства, которое съ внѣшней стороны наиболѣе подходит къ указанной выше конструкціи, — сказать трудно. Несомнѣнно, однако, то, что въ описываемую эпоху лозунгъ «національно-персональной автономіи» былъ очень выгодной оборонительной позиціей противъ агрессивной національной политики господствующаго большинства. Украинская власть сама родилась изъ національнаго движенія, она еще не успѣла заразиться привычками «державности». Ей не шло поэтому подавлять чисто національныя устремленія другихъ народовъ. И дѣйствительно, проекты меньшинствъ о національной автономіи не встрѣтили особыхъ возраженій. И въ началѣ января законъ о «національно-персональной автономіи» былъ принятъ Центральной Радой.

Самоуправленіе національныхъ союзовъ должно было строиться по демократическому принципу, на началахъ всеобщаго избирательнаго права и парламентаризма. Между тѣмъ, ни Рада въ цѣломъ, ни отдѣльныя представительства національныхъ меньшинствъ въ Радѣ и національныхъ Совѣтахъ не соответствовали этимъ началамъ. Здѣсь и тамъ были представлены революціонныя организаціи и партіи; умѣренные же и правые элементы либо устранились сами, либо не были допущены. Между тѣмъ, въ населеніи эти элементы были сильны и становились все сильнѣе и сильнѣе. Отсюда не могли не возникнуть конфликты, которые особенно рѣзко проявились въ еврейской средѣ.

Совершенно отказаться отъ демократическихъ началъ, какъ это впоследствии сдѣлали большевики и Директорія, господствующія группы тогда еще не рѣшались. Поэтому всеобщіе выборы, гдѣ было возможно, происходили и результаты ихъ не подтасовывались. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣвыя группы стремились использовать свое большинство въ тѣхъ временныхъ органахъ, куда они были вброшены революціонной волной. Между тѣмъ, элементы умѣренные и правые не могли примириться съ тѣмъ, что ихъ майоризируютъ въ Радѣ и національныхъ совѣтахъ, въ то время, какъ каждые новые выборы приносятъ имъ все большіе и большіе успѣхи.

Въ декабрѣ и январѣ по всей Украинѣ имѣли мѣсто выборы въ еврейскія общинныя управления. Повсюду побѣдили сіонисты и ортодоксы, повсюду социалисты остались въ меньшинствѣ. А въ то же время въ Еврейскомъ Национальномъ Совѣтѣ, гдѣ партіи были представлены паритетно, три социалистическія партіи имѣли 30 голосовъ, Фольксспартай — 10 и сіонисты — 10; ортодоксы же не были представлены вовсе. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что сіонисты демонстративно вышли изъ Совѣта и всѣми силами саботировали его работу. Естественно также, что отношенія между «высшимъ» національнымъ органомъ — Совѣтомъ, и мѣстными органами — общинами складывались совершенно ненормально.

Выборы въ кievскую, «столичную», еврейскую общину происходили 31 декабря 1917 года и 1 января 1918 года. Пропорціональная система снова проявилась на нихъ во всѣхъ своихъ специфическихъ чертахъ. Никакихъ предвыборныхъ блоковъ на этотъ разъ заключено не было. Каждая партія выставила свой кандидатскій списокъ и, на предвыборныхъ плакатахъ, обѣщала избирателямъ рай земной — если только они подадутъ голосъ за ея кандидатовъ. Интересъ къ выборамъ былъ небольшой. Безпартійныя массы напередъ недовѣрчиво относились къ ихъ результату; а интеллигенцію въ значительной мѣрѣ оттолкнулъ бойкотъ русскаго языка и, опять-таки, тотъ же принудительно-партійный характеръ выборовъ. Среди еврейскихъ партій первое мѣсто безспорно принадлежало сіонистамъ. Еврейскія социалистическія группы не имѣли именно въ Кіевѣ значительной опоры въ массахъ; въ нашемъ городѣ фабрично-заводской пролетаріатъ вообще былъ малочисленъ, а еврейскій, въ виду выдѣленія города Кіева изъ черты осѣдлости, былъ совсѣмъ слабъ. Социалистамъ пришлось опираться исключительно на интеллигентскую молодежь и на вспомогательный и ремесленный персоналъ торговыхъ и ремесленныхъ предприятий. «Фольксспартай», несмотря на свое наименованіе, не была народной партіей; она объединяла группу интеллигентовъ, стремившихся — притомъ довольно безуспѣшно — приблизиться къ народу.

Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе сильное представительство въ новой общинѣ получили сіонисты; вмѣстѣ съ ортодоксальными фракціями они имѣли обезпеченное большинство. Социалистическія группы собрали, насколько я помню, около 30% всѣхъ голосовъ; списокъ Еврейской народнической партіи, къ которой я тогда принадлежалъ, провелъ въ общину только двухъ кандидатовъ. Предсѣдателемъ общиннаго совѣта былъ избранъ лидеръ сіонистовъ — Н. С. Сыркинъ*, общинное управленіе было составлено изъ представителей сіонизма и ортодоксіи. Социалистическое крыло — впервые за все время революціи — оказалось въ положеніи оппозиціоннаго меньшинства.

*   *
*   *

Такъ-то въ роковой моментъ укрѣпленія совѣтской власти мы въ Кіевѣ были заняты своими мѣстными и національными дѣлами. Связующимъ звеномъ съ обще-россійской дѣйствительностью служили для насъ только старыя политическія партіи, особенно эсеры и эсдеки-меньшевики. Ихъ ряды уже тогда

---

* Этотъ несомнѣнно даровитый еврейскій дѣятель безвременно скончался въ декабрѣ 1918 года отъ воспаления легкихъ, полученнаго во время торжественной встрѣчи Украинской Директоріи.

стали пополняться начавшими приѣзжать къ намъ съ сѣвера бѣглецами. Эти партіи, какъ тогда выражались, «ориентировались на Всероссійское Учредительное Собраніе». Они же муссировали агитацію за его поддержку. Для этого былъ созданъ особый «Комитетъ защиты Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». Но агитація россійскихъ партій особаго успѣха у насъ не имѣла. Безъ всякаго подъема прошли передъ тѣмъ и самые выборы въ Учредительное Собраніе. Я имѣлъ касательство къ этимъ выборамъ въ качествѣ предсѣдателя одной изъ участковыхъ избирательныхъ комиссій. вмѣстѣ съ моими сотрудниками я провелъ дни 27 и 28 ноября 1917 года, отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера, въ помѣщеніи комиссій, принимая избирательные бюллетени. По городу Кіеву очень много голосовъ получилъ тогда «Союзъ русскихъ избирателей», ведшіи на первомъ мѣстѣ В. В. Шульгина. Но деревня голосовала «оптомъ» за списокъ у. с.-р. и у. с.-д. съ Грушевскимъ, Виниченко и др. И въ результатѣ изъ 22 депутатовъ отъ кіевской губерніи 21 мѣсто получили украинцы и одно — «еврейскій національный комитетъ», по списку котораго прошелъ Н. С. Сыркинъ.

Между прочимъ, на выборахъ въ Учредительное Собраніе, благодаря пресловутой системѣ списковъ, практиковался еще одинъ способъ одурачиванія избирателей, который не былъ извѣстенъ на выборахъ въ Городскія Думы. По изданному Временнымъ Правительствомъ — послѣ шестимѣсячнаго обсуждения — избирательному закону, одинъ и тотъ же кандидатъ могъ баллотироваться въ пяти губерніяхъ. Всѣ партійные лидеры, для обезпеченія своихъ мандатовъ и для рекламы своихъ партій, использовали это право. Избранные сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ отказывались отъ излишнихъ мандатовъ въ пользу слѣдующаго кандидата по списку. Такъ, въ Кіевѣ кадетскій списокъ возглавлялся М. М. Винаверомъ (фактически избраннымъ въ Петроградѣ), а списокъ еврейскаго національнаго блока — О. О. Грузенбергомъ (прошедшимъ въ Одессѣ). То и другое дѣлалось для уловленія голосовъ. И такимъ образомъ кіевскіе избиратели, голосуя за Грузенберга, въ дѣйствительности избирали Сыркина, а голосуя за Винавера, избирали Григоровича-Барскаго . . .

Выборы въ Учред. Собраніе протекали довольно вяло. А имѣвшіе мѣсто спустя пару мѣсяцевъ выборы въ Украинское Учред. Собраніе не вызвали уже рѣшительно никакого интереса у населенія; абсентеизмъ достигъ на этихъ выборахъ колоссальнаго процента. Избиратели какъ будто предчувствовали, что ни та, ни другая конституанта не дойдетъ до выработки конституціи.

Трагическая борьба противъ большевизма, которая въ эти первые мѣсяцы еще не затихла въ Петроградѣ и Москвѣ, встрѣчала наше безсильное сочувствіе. Мы, со всей Россіей, возмущались разгономъ Учредительнаго Собранія, оплакивали судьбу Духонина, Шингарева и Кокошкина и героическую гибель московскихъ и петроградскихъ юнкеровъ. Но мы чувствовали себя и были скованными . . .

Украина отдѣлилась въ самый роковой моментъ русской революціи, когда внутри страны захватили власть и все болѣе и болѣе укрѣплялись большевики, а во внѣ нѣмцы рѣшили дать Россіи *coup de grâce* и — освободить свои арміи для рѣшительнаго наступленія на Западѣ. «Какъ часто, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ, — я надѣялся на русскую революцію для облегченія нашего военнаго положенія . . . Вотъ она и наступила, — наступила все же какъ неожиданность. Пудовикъ свалился у меня

съ сердца»*. Теперь Людендорфъ дѣйствительно могъ торжествовать: на всемъ Восточномъ фронтѣ было заключено перемиріе и въ Брестъ-Литовскѣ начались переговоры о сепаратномъ мирѣ между центральными державами и Россіей.

Новорожденная «Украинская Народная Республика» въ первыя недѣли своего существованія еще окончательно не остановилась на германской ориентаціи. Черезъ Кіевъ проѣзжали въ то время, покинувъ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, военные атташе союзниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, надѣялись найти въ Украинѣ центръ для продолженія борьбы, послѣ того, какъ всероссійское правительство положило оружіе. Украинскій министръ иностранныхъ дѣлъ — А. Я. Шульгинъ — не былъ германофиломъ; его честной натурѣ претила идея сепаратнаго мира, противъ воли и за счетъ вчерашнихъ союзниковъ. Онъ видимо надѣялся способствовать миру всеобщему; его патриотизму льстила мысль о томъ, чтобы Украина выступила какъ его инициаторъ. Поэтому онъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1917 года всячески старался войти въ контактъ съ союзниками, хотя бы въ лицѣ пріѣхавшихъ въ Кіевъ военныхъ атташе.

Однако, событія оказались сильнѣе самыхъ благородныхъ побужденій. Слишкомъ ужъ явственна была выгода для самостоятельной Украины отъ немедленнаго мира, чтобы менѣе разборчивые въ средствахъ коллеги нашего министра иностранныхъ дѣлъ не ухватились за эту возможность. И дѣйствительно, Генеральный Секретаріатъ послалъ въ Брестъ для переговоровъ украинскую делегацію. Германцы поступили очень умно, тотчасъ же признавъ ее и начавъ вести съ ней переговоры, параллельно переговорамъ съ Троцкимъ.

Делегація Центральной Украинской Рады въ Брестѣ состояла изъ Голубовича, Севрюка и Левицкаго. Мнѣ пришлось присутствовать въ засѣданіи Рады, на которомъ эта делегація дѣлала свой первый докладъ; засѣданіе было чрезвычайно характернымъ и интереснымъ. Впрочемъ, рѣчь шефа делегаціи и будущаго украинскаго премьера Голубовича была, по обыкновенію, безцвѣтна. Но большое оживленіе внесъ докладъ Севрюка — совершенно еще молодого человѣка, чуть ли не студента, но при этомъ весьма неглупаго и занимательнаго юноши. Онъ не безъ юмора рассказалъ о препирательствахъ украинцевъ съ большевистской делегаціей. Наконецъ, третій делегатъ, Левицкій, въ простотѣ душевной, никакъ не могъ скрыть своего восторга по поводу выпавшей на его долю почетной миссіи — представлять самостоятельную Украину на международной конференціи. Украинскіе делегаты могли услышать критику только со скамей «меньшинствъ»: разногласія между самими украинскими партіями по вопросамъ войны и мира естественно не выносились наружу. И дѣйствительно, на этотъ разъ мирной делегаціи досталось отъ Рафеса, произнесшаго по этому поводу одну изъ удачнѣйшихъ своихъ рѣчей.

Рафесъ находился тогда какъ разъ въ полосѣ оппозиціи противъ украинцевъ (въ октябрѣ онъ выступилъ въ Городской Думѣ съ рѣчью противъ Временнаго Правительства и въ пользу украинцевъ и большевиковъ). Смыслъ его рѣчи въ Радѣ былъ тотъ, что украинская мирная делегація стремится использовать Брестъ въ цѣляхъ утвержденія самостоятельности и что для этой цѣли ею сознательно предаются интересы Россіи; и безъ того слабая позиція Россіи на конференціи еще ослабляется внутреннимъ расколомъ, который не преминуть использовать нѣмцы.

* См. Ludendorff „Meine Kriegserinnerungen“ стр. 327.

Все это было сказано открыто и съ большой смѣлостью; смѣлостью онъ, вообще, обладалъ. Залъ Педагогическаго музея, въ которомъ засѣдала Рада, былъ переполненъ, на хорахъ размѣстились солдаты и настроеніе аудиторіи было чрезвычайно враждебно по отношенію къ оратору. Ему отвѣчалъ съ трибуны Шульгинъ, которому пришлось заступиться за своихъ коллегъ. Онъ въ довольно сдержанной формѣ заявилъ, что миръ приходится заключать, такъ какъ воевать мы больше не можемъ. Легко критиковать дѣйствія делегаціи, работающей при такихъ условіяхъ. Но пусть товарищъ Рафесъ лучше скажетъ, какъ же намъ продолжать войну?

Дайте ему ружницу! — раздалось откуда-то съ хоровъ.

Этотъ добродушный Zwischenruf нѣсколько разрядилъ атмосферу . . .

Вторично мнѣ пришлось быть въ Радѣ уже въ началѣ января 1918 года, когда ясно обозначилась угроза большевистскаго завоеванія Украины. Настроеніе было чрезвычайно напряженное, солдаты на хорахъ неистовствовали, требуя объявленія «самостійности». Военный министръ Поршъ, котораго потребовали на трибуну, давалъ объясненія о положеніи на фронтѣ и объ организаціи украинской арміи («Вильнаго казачества», какъ она тогда называлась). Ему приходилось усовѣщевать аудиторію, взывать къ терпѣнью и выдержкѣ. Еще, по его словамъ, не время провозглашать Украину независимой державой, пока у нея нѣтъ настоящей арміи . . .

Неизвѣстно, насколько искренны были увѣщеванія Порша. Но несомнѣнно то, что пустивъ въ солдатскія массы лозунгъ «самостійности», украинскіе политики ничѣмъ ужъ не могли заставить эти массы терпѣливо дожидаться подходящаго момента для ея провозглашенія. Демагогія всегда была и будетъ палкой о двухъ концахъ — она доставляетъ главарю призрачную власть надъ толпой, и въ то же время даетъ толпѣ реальную власть надъ главаремъ.

Подъ несомнѣннымъ давленіемъ солдатскихъ массъ, лидеры украинскихъ партій въ концѣ концовъ рѣшились на объявленіе самостійности. Оно произошло 14 января 1918 года, въ формѣ провозглашенія Четвертаго (и послѣдняго) Универсала. Всѣ украинскія партіи, разумѣется, голосовали въ Радѣ за Универсаль. Но изъ представителей меньшинствъ на этотъ разъ никто не голосовалъ за, большинство воздержалось и, кажется, російскіе с.-д., с.-р. и «Бундъ» голосовали противъ.

То была начальная эпоха большевизма, когда совѣтъ народныхъ комиссаровъ каждый день издавалъ декреты, знаменовавшие собой осуществленіе тѣхъ или иныхъ «завоеваній революціи» — отмѣну права собственности, націонализацію, провозглашеніе различныхъ правъ и преимуществъ пролетаріата. Украинцы не могли слишкомъ отставать въ этомъ революціонномъ пылу; поэтому въ Четвертый Универсаль было включено провозглашеніе социализаціи земли, рабочаго контроля надъ производствомъ и т. п. Вообще, позиція господствовавшихъ украинскихъ партій состояла тогда въ томъ, что они, въ сущности, отнюдь не правѣе большевиковъ — тѣ за немедленный миръ и эти за немедленный миръ, тѣ за непосредственный переходъ къ социализму и эти за непосредственный переходъ къ социализму, у тѣхъ власть въ рукахъ совѣтовъ, а у этихъ — въ рукахъ Центральной Рады, которая также является представительствомъ пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. Однако, несмотря на всѣ старанія украинцевъ доказать, что они — тѣ же большевики, это соревнованіе въ лѣвизнѣ окончилось не въ ихъ пользу . . .

Въ митинговой рѣчи, произнесенной въ 1919 году въ Кіевѣ, Троцкій (какъ мнѣ передавали) очень картинно изобразилъ поведеніе украинской мирной делегаціи въ Брестѣ. Онъ разсказалъ о томъ, какъ украинцы, согласно телеграфнымъ инструкціямъ изъ Кіева, стремились во что бы то ни стало заключить миръ, притомъ возможно скорѣе. Послѣ каждаго разговора по прямому проводу съ Кіевомъ, делегація становилась все уступчивѣе и уступчивѣе. Но когда все уже было налажено и предстояло только получить санкцію Рады для подписанія договора, — телеграфная связь съ Кіевомъ оказалась прерванной: въ тотъ самый день Кіевъ заняли большевики, а Рада бѣжала въ Житомиръ.

Для населенія города Кіева это первое большевистское завоеваніе прошло, однако, далеко не такъ легко и гладко, какъ могло казаться въ Брестѣ. Мы пережили тогда заправскую артиллерійскую атаку, воспоминанія о которой до сихъ поръ живы у кіевлянъ.

Бомбардировка города длилась цѣлыхъ 11 дней — отъ 15 до 26 января. Большевистскія батареи были расположены на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ районѣ Даринцы. Оттуда перелетнымъ огнемъ производился обстрѣлъ города. Посылали они къ намъ попеременно трехдюймовки и шестидюймовки . . .

Жертвъ среди жителей было сравнительно немного; но разрушенія были ужасны. Думаю, что не менѣе половины домовъ въ городѣ такъ или иначе пострадало отъ снарядовъ. Возникали пожары и это производило особенно жуткое впечатлѣніе. Большой 6-тиэтажный домъ Баксанта на Бибиковскомъ бульварѣ, въ чердакъ котораго попалъ снарядъ, загорѣлся и пылалъ въ теченіе цѣлаго дня. Водопроводъ не дѣйствовалъ, такъ что пожарная команда и не пыталась тушить. Пламя медленно опускалось съ этажа на этажъ, на глазахъ у всего города. Отъ дома остался только голый каменный остовъ.

Легко представить себѣ состояніе кіевлянъ въ эти дни. Переживъ затѣмъ еще десятокъ перевороговъ, эвакуацій, погромовъ и т. п., кіевскіе жители до сихъ поръ съ особымъ ужасомъ вспоминаютъ объ этихъ одиннадцати дняхъ бомбардировки. Почти все время населеніе провело въ подвалахъ, въ холодѣ и темнотѣ. Магазины и базары, само собой разумѣется, были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которыхъ тогда никто еще не считалъ нужнымъ имѣть.

Къ ужасамъ и страхамъ, вызываемымъ непосредственной опасностью отъ артиллерійскаго огня, прибавлялись страхи внутренняго порядка. Тогда мы въ первый разъ увидѣли, что въ гражданской войнѣ, въ моментъ перехода власти, обѣ борющіяся стороны одинаково враждебны и одинаково опасны для населенія. Завтрашняя власть, естественно, отождествляетъ его съ враждебной ей партіей, подъ ферулой которой оно еще находится; вчерашняя же власть, потерявъ надежду удержаться, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякій интересъ къ населенію — къ его безопасности, къ его пропитанію, къ его политическимъ симпатіямъ. У насъ часто случалось, что отступавшія войска творили больше бѣдъ, чѣмъ смѣнявшіе ихъ завоеватели. Впослѣдствіи мы неоднократно имѣли случай убѣдиться въ непреложности этого своеобразнаго соціологическаго закона.

На этотъ разъ уходили украинцы; и они покидали Кіевъ не такъ, какъ оставляютъ родной городъ и столицу, а какъ эвакуируютъ завоеванную территорию. Въ центрѣ города, на улицахъ и площадяхъ, были разставлены батареи; это, въ нѣкоторой степени, и оправдывало, съ стратегической точки зрѣнія, артиллерійскій обстрѣлъ извнѣ. Городъ не эвакуировался до послѣдней

возможности, хотя никакой надежды удержать его у украинскаго командованія не было. Это, разумѣется, только напрасно затягивало обстрѣлъ.

Внутри города, какъ и естественно, царилъ хаосъ и сумятица. «Вильное казачество», защищавшее городъ, чинило всякіе эксцессы; во дворѣ нашего дома разстрѣливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными. Въ послѣдніе дни, уже подъ обстрѣломъ, происходилъ министерскій кризисъ: Винниченко ушелъ, его смѣнилъ умѣренный с.-р. Голубовичъ. Рада засѣдала (въ подвалѣ Педагогическаго музея) и рассматривала какіе-то законопроекты.

Населеніе города чувствовало себя оставленнымъ на произволъ судьбы, — жалкой игрушкой въ рукахъ безответственныхъ политическихъ экспериментаторовъ.

Мы сидѣли по подваламъ и нижнимъ этажамъ, прислушивались къ звукамъ пролетавшихъ снарядовъ и при каждомъ ударѣ обсуждали вопросъ: выстрѣлъ это или разрывъ? За два дня до конца бомбардировки, посреди такихъ разсужденій, насъ оглушилъ невообразимый грохотъ. Это ужъ, несомнѣнно, былъ разрывъ, притомъ въ самой непосредственной близости. Оказалось, что артиллерійскій залпъ угодилъ въ нашъ домъ. Насчитывали впослѣдствіи около двадцати попавшихъ въ насъ снарядовъ. Всѣ стекла фасада вылетѣли. Снаружи и внутри дома оказалось много поврежденій.

Улучивъ минуту затишья, я съ трепетомъ поднялся на 7-й этажъ въ свою квартиру, представлявшую весьма благодарную мишень для прицѣла. Предо мной развернулось довольно непонятное зрѣлище. Всѣ стекла были выбиты, большое трюмо въ передней разлетѣлось въ дребезги. Въ библиотекѣ картина была такова, будто въ ней похозяичничали домовые или какіе-нибудь озорники: толстые фоліанты Свода законовъ валялись на полу, среди вещей былъ замѣтенъ беспорядокъ. Однако, непосредственныхъ слѣдовъ отъ снаряда замѣтно не было. Это и придавало обстановкѣ характеръ какого-то намѣренно устроеннаго беспорядка. . . . Но когда я зашелъ въ свой кабинетъ, картина совершенно разъяснилась; тамъ была выломана часть стѣны, обстановка, вещи и книги представляли кучу развалинъ; воздухъ былъ полонъ густой пылью, какъ это бываетъ возлѣ построекъ, которыя сносятся на ломъ. Очевидно, снаряды попали именно сюда, здѣсь же произошелъ и разрывъ. Но сотрясеніе было такъ сильно, что движеніе воздуха надѣлало беспорядокъ и въ сосѣднихъ комнатахъ. . . .

26 января, утромъ, въ городъ вступили большевики.

Они пробыли тогда въ Кіевѣ всего три недѣли, и тотъ первый ликъ большевизма, который мы увидѣли за это короткое время, не былъ лишенъ красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатлѣніе со всѣми послѣдующими, то въ немъ ярче всего выступаютъ черты удачества, подъема, смѣлости и какой-то жестокой непреклонности. Это былъ именно тотъ большевизмъ, художественное воплощеніе котораго далъ въ своей поэмѣ «Двѣнадцать» Александръ Блокъ.

Послѣдующіе навыки и опыты подмѣшали къ большевистской пугачевщинѣ черты фарисейства, рутины и всяческой фальши. Но тогда, въ февралѣ 1918 г., она предстала предъ нами еще во всей своей молодой непосредственности.

Разумѣется, и 26 января, когда стихла канонада и въ городъ вступили большевики, и въ послѣдующіе дни намъ было не до спокойныхъ наблюденій и параллелей. Эти первые дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избіеніе всѣхъ, кто имѣлъ какую-либо связь съ украинской арміей и особенно съ офицерствомъ. Произведенная незадолго предъ тѣмъ

регистрація офіцеровъ имѣла въ этомъ отношеніи роковыя послѣдствія: многіе предъявляли большевикамъ свои регистраціонныя карточки, и это вело къ неминуемой гибели. Солдаты и матросы, увѣшанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили изъ дома въ домъ, производили обыски и уводили военныхъ. Во дворцѣ, гдѣ расположился штабъ, происходилъ краткій судъ и тутъ же, въ царскомъ саду, — расправа. Тысячи молодыхъ офицеровъ погибли въ эти дни. Погибло также много военныхъ врачей — между ними: извѣстный въ городѣ хирургъ Бочаровъ, который ѣхалъ на своей пролеткѣ въ госпиталь и показалъ остановившему его солдату свою регистраціонную карточку. Та же участь постигла доктора Рахлиса, недавно только возвратившагося изъ австрійскаго плѣна и схваченнаго такимъ же образомъ, когда онъ стоялъ на улицѣ въ какой-то очереди.

Тогда же былъ самочинно, гнусно и бессмысленно разстрѣлянъ кievскій митрополитъ Владиміръ. Говорили также о разстрѣлѣ генерала Н. І. Иванова, но это оказалось мифомъ.

Открытыхъ грабежей и реквизицій тогда, насколько я помню, еще не было. Но были случаи вымогательства и шантажа подъ угрозою разстрѣла.

Во главѣ большевистскихъ войскъ стоялъ тогда знаменитый полковникъ Муравьевъ, участвовавшій впоследствии въ возстаніи эс-эровъ и пустившій себя пулю въ лобъ послѣ ея неудачи. При немъ былъ извѣстный кронштадтскій матросъ Рошаль. Это были вполне подходящіе главари для банды, которую представляла собой завоевавшая насъ армія — жестокіе и сокрушительные въ отношеніи враговъ, строгіе и деспотическіе въ отношеніи своихъ подчиненныхъ. Тотчасъ послѣ своего вступленія въ городъ, Муравьевъ призвалъ къ себѣ представителей банковъ и торгово-промышленнаго капитала и въ самомъ разбойничьемъ тонѣ завелъ съ ними рѣчь объ уплатѣ наложенной на городъ контрибуціи. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ — завоевывать Одессу.

Въ одномъ изъ своихъ приказовъ Муравьевъ писалъ, что большевистская армія «на острияхъ своихъ штыковъ принесла съ собой идеи социализма». Рафесъ отвѣтилъ на этотъ приказъ очень смѣлой статьёй подъ названіемъ «Штыкократія». Это было тогда возможно, такъ какъ нѣкоторые остатки прессы существовали при этихъ «первыхъ большевикахъ» — сохранились «Послѣднія Новости», украинскія и еврейскія газеты. «Кievская Мысль» была не только закрыта, но въ ея редакціи и на ея бумагахъ печатались какія-то большевистскія газеты. Само собой разумѣется, что та же участь постигла и «Кievлянинъ». В. В. Шульгинъ былъ даже арестованъ большевиками; послѣ предстательства городского головы Рябцева, онъ былъ освобожденъ.

Это былъ, вообще, одинъ изъ героическихъ моментовъ въ исторіи нашей Городской Думы. Большевики съ нею, до извѣстной степени, считались. И Дума — въ частности, городской голова Рябцевъ — дѣлала все, что было въ ея силахъ для защиты населенія и города.

Понятно, за три недѣли большевики не могли успѣть создать свои новыя учрежденія и органы. Въ различныя учрежденія были ими назначены комиссары. Судъ былъ закрытъ и адвокатура упразднена. Говорили о предстоящемъ переѣздѣ въ Кіевъ харьковскаго Совнаркома, но онъ до насъ такъ и не доѣхалъ. Въ опубликованномъ спискѣ назначенныхъ Украинскихъ Народныхъ Комиссаровъ не было ни одного извѣстнаго имени. Комическое впечатлѣніе производило назначеніе г-жи Бошъ комиссаромъ внутреннихъ дѣлъ. Комиссаромъ юстиціи былъ назначенъ какой-то Люксембургъ; никто ни раньше, ни

послѣ ничего о немъ не слышалъ, и мы спрашивали другъ друга, сдѣлано ли это назначеніе въ честь Розы Люксембургъ или въ честь опереточнаго графа Люксембурга . . .

Во время пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ заканчивались мирные переговоры въ Брестѣ и въ одинъ прекрасный день мы получили текстъ подписанныхъ большевиками условій мира. Впечатлѣніе было потрясающее. Слухи о томъ, какъ разговаривалъ съ русской делегаціей генералъ Гофманъ и какъ онъ, на подобіе Николая I, проводилъ на картахъ по линейкѣ черты будущихъ границъ, усиливали чувство униженія и стыда, которое всѣ мы въ этотъ моментъ испытывали. Театральные приемы, которыми хотѣла спасти свое достоинство русская делегація — подписываніе, не читая, и т. д., — производили впечатлѣніе жалкой и неумѣстной комедіи.

Помню, какъ я поднимался по Караваевской улицѣ, читая выпущенную только-что телеграмму о мирѣ. «Вотъ вамъ и миръ безъ аннексій и контрибуцій!» крикнулъ мнѣ кто-то съ проѣзжавшаго мимо извозчика. Я оглянулся и встрѣтился взглядомъ съ экспансивнымъ д-ромъ Б.

Итакъ, сепаратный миръ между Германіей и Россіей былъ подписанъ. «Посылкой Ленина въ Россію, — пишетъ въ своихъ мемуарахъ генералъ Людендорфъ, — наше правительство взяло на себя особую отвѣтственность. Съ военной точки зрѣнія поѣздка оправдывалась: Россія должна была пасть».

И она, дѣйствительно, пала.

Текстъ подписаннаго мира сообщили намъ не полностью и мы не могли тотчасъ увидѣть, какъ онъ отразится на судьбѣ нашего города. Рада, бѣжавъ изъ Кіева, засѣдала въ Житомирѣ; о ея переговорахъ съ нѣмцами ничего еще не знали. Но уже въ ближайшіе дни послѣ полученія первой телеграммы о мирѣ по городу стали ходить слухи о германскомъ наступленіи на Украину. Вскорѣ стало замѣтно смущеніе и у самихъ большевиковъ. А еще черезъ пару дней одна изъ мѣстныхъ газетъ осмѣлилась перепечатать приказъ одного нѣмецкаго генерала, въ которомъ говорилось, что германская армія, по просьбѣ представителей дружественнаго украинскаго народа, идетъ освобождать Украину изъ-подъ власти большевиковъ.

Наступленіе нѣмцевъ шло съ фантастической быстротой. Никакого сопротивленія имъ не оказывали. Черезъ какихъ-нибудь 7 дней послѣ подписанія мира они были уже въ Кіевѣ. При этомъ вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ городъ еще было задержано на день или два, пока прошли на востокъ эшелоны чехо-словацкихъ полковъ.

Большевицкія власти вели себя въ послѣдніе дни совсѣмъ по-мальчишески. Оффиціозные органы ихъ ссылались на неизбѣжную помощь со стороны ожидаемой со дня на день всемірной революціи. Сознаркомъ воспользовался случаемъ, чтобы наложить на все населеніе города какую-то новую контрибуцію. Кажется, по этому приказу каждый квартираниматель долженъ былъ внести въ казначейство за счетъ домовладѣльца трехмѣсячную квартирную плату. Домовые комитеты составляли списки и собирали деньги, стараясь придержать ихъ какъ можно дольше у себя. И дѣйствительно, отъ большинства комитетовъ большевики не успѣли получить свсей мзды.

Еще въ послѣдній вечеръ пресловутая комиссарша Евгенія Бошъ на митингѣ въ Купеческомъ собраніи съ пафосомъ восклицала, что Кіевъ не будетъ сданъ. А черезъ два часа она, вмѣстѣ съ другими сановниками, промчалась по

Александровской улицѣ вверхъ на особо быстроходныхъ автомобиляхъ, которые доставляли своихъ сѣдоковъ на лѣвый берегъ Днѣпра . . .

Послѣднія ночи, какъ обычно предъ смѣной власти, были довольно тревожны. Во всѣхъ домахъ дежурила охрана, организованная домовыми комитетами изъ жильцовъ. Имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ налетовъ.

Пожаловали незваные гости въ эту ночь и къ намъ. Къ дому подъѣхалъ чуть ли ни цѣлый эскадронъ въ расшитыхъ мундирахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. И вмѣсто того, чтобы протанцовать балетъ изъ «Пиковой Дамы», эти кавалеристы занялись повальнымъ обыскомъ во всѣхъ квартирахъ. Для острастки было выпущено на лѣстницѣ нѣсколько зарядовъ, жертвой которыхъ палъ одинъ изъ нашихъ жильцовъ. А затѣмъ приступили къ обходу квартиръ.

Остальные жильцы, какъ говорится въ газетной хроникѣ, отдѣлались испугомъ. Была своевременно вызвана охрана, состоявшая изъ солдатъ какого-то другого полка. Обѣ части вели нѣкоторое время переговоры и, кажется, чуть-чуть не помѣнялись ролями. Но въ концѣ концовъ, — вѣроятно, въ предвидѣніи наѣзда еще какой-нибудь третьей части, — объяснили дѣло поисками оружія и оставили насъ.

На слѣдующее утро послѣ бѣгства Евгени Бошъ и остальныхъ комиссаровъ, въ городъ вступили довольно мизерныя украинскія части подъ командой Петлюры. Нѣмцы изъ галантности предоставили имъ честь войти первыми. А въ серединѣ дня въ городѣ стало извѣстно, что на вокзалѣ нѣмцы.

Съ тѣхъ поръ совѣтская власть въ значительной мѣрѣ интернационализировала население Россіи — по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что большинство готово привѣтствовать иностранцевъ всѣхъ націй, лишь бы они избавили его отъ большевизма. Но въ 1918 году настроеніе было, разумѣется, еще иное. За три недѣли пребыванія у насъ, большевики не успѣли настолько досадить кіевлянамъ, чтобы заглушить въ нихъ всѣ другія чувства.

Имена Гинденбурга и Макензена вызывали трепетъ, но не внушали симпатій. И приходъ нѣмцевъ, въ качествѣ побѣдителей и покровителей, ощущался, какъ что-то обидное и оскорбительное. Наболѣе ярко выразилъ эти чувства В. В. Шульгинъ, который въ день прихода нѣмцевъ выпустилъ прощальный номеръ «Кіевлянина», съ полной достоинства передовой статьёй, и временно прекратилъ изданіе своей газеты. «Кіевлянинъ» возобновился только въ сентябрѣ 1919 года послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой арміи. Тѣ же чувства, въ менѣе острой формѣ, раздѣлялись тогда всѣми. Но любопытство брало верхъ и кіевляне массами устремлялись на вокзалъ, чтобы поглядѣть на заморскихъ гостей. Долженъ сознаться, что побывалъ въ тотъ день на вокзалѣ и я. 3½ года мы не видѣли ни одного нѣмца, не слышали нѣмецкаго слова, не прочли нѣмецкой газеты. Было уже очень любопытно поглядѣть на нихъ, да еще въ такой неожиданной обстановкѣ.

Нѣмецкія войска, которыя мы увидѣли на кіевскомъ вокзалѣ, были очень мало похожи на тѣхъ молодевавшихъ манекеновъ, которые въ мирное время занимались шагистикой на улицахъ Берлина. Видъ они имѣли обвѣтренный, уставшій и истощенный. Одѣтые въ однотонно-сѣрый цвѣтъ, съ сѣрыми мѣшками на плечахъ, возлѣ сѣрыхъ повозокъ и кухонь, — нѣмецкіе полки производили впечатлѣніе какого-то каравана странниковъ.

Впрочемъ, на слѣдующій день на Софійской площади нѣмецкое командованіе устроило довольно импозантный парадъ, который, по словамъ присутствовавшихъ, уже болѣе напоминалъ наши прежнія впечатлѣнія о германской арміи.

При этомъ, какъ мнѣ передавали, одинъ офицеръ съ презрѣніемъ воскликнулъ по адресу провинившагося въ чемъ-то прохожаго: «Er glaubt, er wäre noch in Rußland!»

Съ величайшимъ любопытствомъ кіевляне наблюдали поведеніе нѣмцевъ въ первые дни оккупациі. Свою административную дѣятельность нѣмцы начали съ того, что нарядили сорокъ бабъ, которымъ было велѣно горячей водой и мыломъ вымыть кіевскій вокзалъ. Объ этомъ анекдотѣ много говорили; но, тѣмъ не менѣе, это сущая правда. Правда и то, что на моей памяти — ни до, ни послѣ этого случая — никто не подумалъ вымыть нашъ вокзалъ.

Затѣмъ началось то, что одинъ нѣмецкій солдатъ, на разспросы о цѣли ихъ прихода, формулировалъ словами: «Wir werden Ordnung schaffen». Былъ отпечатанъ прекрасный планъ города на нѣмецкомъ языкѣ. На всѣхъ перекресткахъ были прибиты дощечки съ нѣмецкими надписями. Особая стрѣлки указывали, какъ куда пройти, и тутъ же было приписано, сколько минутъ это займетъ. Весь городъ былъ, какъ паутиной, опутанъ телеграфными и телефонными проводами, служившими для надобностей германскаго штаба. Эти проволоки какъ бы символизировали то, какъ по рукамъ и ногамъ связывала насъ оккупациа.

Самой положительной стороной этого времени было возстановленіе связи хоть съ частью Европы. Нѣмцы открыли въ Кіевѣ два большихъ книжныхъ магазина. Въ нихъ можно было получать, кромѣ книжныхъ новинокъ по всѣмъ отраслямъ знанія, также свѣжія берлинскія и вѣнскія газеты.

Сѣрое зданіе кіевскаго дворянства на Думской площади было, послѣ надлежащей мойки, обращено въ германскую комендатуру. Каждое утро у входа въ это зданіе можно было прочесть сообщенную по радіо послѣднюю сводку германскаго штаба, за подписью генерала Людендорфа.

Нѣмцы съ перваго дня не скрывали, зачѣмъ они пришли. По мирному договору съ Украиной, они должны были получить отъ насъ столько-то милліоновъ пудовъ хлѣба. Для обезпеченія этой поставки имъ и нужно было «Ordnung schaffen» на Украинѣ. — Продовольствіе вывозилось въ Германію по различнымъ каналамъ. Для обывателей наиболѣе замѣтными были частныя посылки солдатъ, которыя, разумѣется, въ дѣйствительности не играли существенной роли. Нѣмцы, со своей педантично-дѣловитой сентиментальностью, устроили въ Кіевѣ спеціальный магазинъ, въ которомъ продавались «Kistchen für Heimatspakete» — небольшие деревянные ящички подходящаго размѣра и формы, куда упаковывалась отправляемая посылка. Пытались наладить частный экспортъ и въ широкомъ масштабѣ; въ Кіевѣ открылись конторы обширныхъ торговыхъ организацій (въ частности, такъ-называемой «Deutsche Wirtschaftszentrale»), основанныхъ съ этой цѣлью. Приѣзжалъ тогда въ Кіевъ и глава имперскаго военно-продовольственнаго вѣдомства фонъ-Вальдовъ.

Въ конечномъ результатѣ, какъ извѣстно, германцамъ и австрійцамъ не удалось вывезти изъ Украины того количества продовольствія, на которое они рассчитывали. Помѣшала незамирность деревни, разстройство транспорта и обще-политическая обстановка, при которой закончилась оккупациа. Въ первые мѣсяцы, однако, нѣмцы были на вершинѣ своего могущества; съ большой энергіей и настойчивостью привялись они за выкачиваніе необходимаго имъ хлѣба. Естественно, что они не могли терять ничего, что шло въ разрѣзъ съ ихъ цѣлями и планами. И потому-то оккупационнымъ властямъ очень скоро пришлось вмѣшаться въ наши внутреннія политическія дѣла.

Формально, въ Кіевѣ и во всей Украинѣ съ 1 марта 1918 года (когда были изгнаны большевики* была восстановлена верховная власть Украинской Центральной Рады. Въ Кіевъ возвратился и украинскій парламентъ, со своимъ президентомъ М. С. Грушевскимъ, и кабинетъ министровъ, который возглавлялся Голубовичемъ. Но по существу, эта возрожденная самостійно-украинская государственность производила въ эти мѣсяцы довольно жалкое впечатлѣніе. Чувствовалось ея полное безсиліе рядомъ съ опекавшей ее германской военщиной.

Единственная область, въ которой украинской власти предоставлялась полная свобода дѣйствій, это была политика національная (вѣриѣе, націоналистическая). И сами украинцы, по возвращеніи въ Кіевъ, давали себѣ волю въ этой области. Именно въ эту эпоху начались анти-еврейскіе эксцессы, — сначала въ видѣ самосудовъ надъ отдѣльными заподозрѣнными въ большевизмѣ лицами. Подъ предлогомъ обвиненія въ большевизмѣ, украинскіе сѣчевики захватывали и расправлялись съ евреями, которыхъ имъ почему-либо хотѣлось убрать. Въ самомъ Кіевѣ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ такихъ самосудовъ; въ провинціи, естественно, дѣло обстояло еще хуже. Были случаи пытокъ и издѣвательствъ. Все это оставалось безнаказаннымъ . . .

Такъ расправлялись съ евреями. Въ области же украинской haute politique шла ожесточенная борьба противъ всего «россійскаго». Началась украинизація различныхъ учрежденій — обязательное введеніе украинскаго языка и т. д.

Особенно больно затронула насъ націонализація суда. Настроенія кіевской адвокатуры, проявившіяся въ общихъ собраніяхъ въ декабрѣ, получали все больше и больше пищи. Политика и націонализмъ захлестывали дѣло правосудія. Такъ какъ и составъ суда и составъ адвокатуры былъ абсолютно несвѣдущъ въ украинскомъ языкѣ, а между тѣмъ сразу замѣнить ихъ было нечѣмъ, то, естественно, украинизаторамъ приходилось дѣйствовать медленнѣе, чѣмъ они бы хотѣли. Они начали свою реформу сверху, упразднивъ кіевскую судебную палату и замѣнивъ ее «Апелляціоннымъ судомъ», составъ котораго былъ избранъ Центральной Радой. Всѣ правила о судейскомъ цензѣ были при этомъ отмѣнены — иначе бы реформа оказалась неосуществимой — и новопеченные «апелляціонные судьи» были во многихъ случаяхъ на уровнѣ членовъ мирового съѣзда. Всѣ прежніе члены палаты, среди которыхъ были хорошіе юристы, были уволены. Только немногіе изъ нихъ выставили свою кандидатуру въ Апелляціонный судъ.

Одновременно съ этимъ былъ учрежденъ Генеральный судъ, въ качествѣ замѣняющей сенатъ кассационной инстанціи.

Перспективы для судебныхъ дѣятелей были мрачныя. Но, кромѣ вынесенія резолюціи протеста, мы были безсильны что-либо дѣлать. И на годовомъ общемъ собраніи молодой адвокатуры 27 марта 1918 года я не могъ иначе подвести итогъ царившему у насъ настроенію духа, чѣмъ воспроизведя заключительныя слова В. В. Шульгина изъ его статьи въ прощальномъ номерѣ «Кіевлянина»: «Есть положенія, въ которыхъ нельзя не погибнуть. Нѣтъ положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью» . . .

Слова эти оказались въ данномъ случаѣ, быть можетъ, ужъ слишкомъ пессимистическими. Черезъ мѣсяцъ погибли не мы, а та власть, при которой намъ

---

* Большевики вступили въ Кіевъ 26 января и ушли 1 марта. Тѣмъ не менѣе, они пробыли у насъ только три недѣли. Дѣло въ томъ, что съ 1 февраля 1918 г. былъ введенъ новый стиль; такъ что мы перешли сразу отъ 31 января къ 14 февраля.

«нельзя было не погибнуть». Мнѣ самому пришлось присутствовать при ея умираніи и вблизи взглянуть въ гипократовъ ликъ Центральной Рады.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1918 года я былъ делегированъ комитетомъ Еврейской народнической партіи («Фольксспартай») въ Малую Раду*. Лидеръ нашей партіи въ Кіевѣ — В. И. Лацкій-Бертольди — около того же времени вступилъ въ кабинетъ Голубовича въ качествѣ еврейскаго національнаго министра. Это послѣднее обстоятельство не мѣшало, однако, нашей партіи входить въ хронически-оппозиціонный блокъ національныхъ меньшинствъ. Ближе къ правительственной политикѣ примыкали сіонисты, которымъ только ихъ буржуазная репутація преграждала доступъ въ министерство.

Въ радѣ я пробылъ всего около трехъ недѣль — въ концѣ апрѣля она была распущена — и успѣлъ только присмотрѣться къ окружающей обстановкѣ, рѣдко принимая активное участіе въ преніяхъ. Впрочемъ, по занимаемой мною позиціи, я и не могъ быть особенно активенъ въ Радѣ. Кадетовъ въ Радѣ уже не было, сіонисты и польскіе демократы заигрывали съ украинцами, украинскіе социалисты-федералисты очень дорожили своей національной и социалистической репутаціей. Такимъ образомъ, я оказался на самомъ правомъ крылѣ, чуть ли ни единолично представляя по многимъ вопросамъ оппозицію господствовавшимъ теченіямъ. Поэтому я не могъ бы выступать иначе, какъ рѣзко оппозиціонно; а навлекать на свою партію и національность одіумъ модерантизма и контр-революціонности мнѣ бы не позволилъ мой Ц. К.

Недѣли черезъ двѣ мое положеніе стало для меня уже совершенно яснымъ и я началъ подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли мнѣ уйти изъ Рады. Но черезъ нѣсколько дней объ этомъ уже не приходилось больше думать, такъ какъ сама Рада перестала существовать.

Малая Рада, — только она имѣла значеніе, такъ какъ пленумъ Центральной Рады собирался разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и, воспроизводя въ расширенномъ масштабѣ то же соотношеніе силъ, не вносилъ ничего новаго, — Малая Рада засѣдала въ Педагогическомъ музеѣ. Это выстроенное милліонеромъ Могилевцевымъ зданіе, на освященіи котораго въ 1911 году присутствовалъ, за нѣсколько дней до своей гибели, П. А. Столыпинъ, было болѣе или менѣе подходящимъ пристанищемъ для миниатюрнаго парламента, какимъ и была Малая Рада. Большой лекціонный залъ подъ стекляннымъ куполомъ былъ даже очень эффектенъ, какъ залъ парламентскихъ засѣданій.

Предсѣдателемъ (или, какъ его называли по-украински: головой) Центральной Рады былъ Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій. Онъ былъ, дѣйствительно, главой и менторомъ всего сборища депутатовъ. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ по своему образованію, европейскому такту и умѣнію руководить засѣданіями. Отношеніе членовъ Рады къ Грушевскому было чрезвычайно почтительное; его называли «профессоромъ», «батькой» и даже «дѣдомъ». Онъ и по возрасту годился въ дѣды большинству депутатовъ. Низко-рослый, подвижный, съ большой сѣдой бородой, въ очкахъ, съ блестящимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ густыхъ рѣсницъ — онъ напоминалъ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ сказочнаго Дѣда-Черномора...

Въ министерствѣ въ это время не было ни одной яркой фигуры. Премьеръ Голубовичъ былъ совершенно безцвѣтенъ и не выдерживалъ никакого сравненія

* Моимъ замѣстителемъ былъ П. Красный, впоследствии министръ по еврейскимъ дѣламъ въ Петлюровскихъ правительствахъ.

со своимъ предшественникомъ Виниченко; изъ министровъ выдавался своимъ умомъ и хитрецою министръ юстиціи Шелухинъ; нѣкоторымъ темпераментомъ обладалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ткаченко. Остальные — какъ военный министръ Жуковскій, министръ торговли и промышленности Фещенко-Чоповскій, министръ труда Михайловъ — ничѣмъ не возвышались надъ общей массой дѣятелей Рады.

Депутаты-украинцы дѣлились на три значительныя фракціи: у. с.-р., у. с.-д. и с.-ф. Украинскіе эсэры были самой сильной партіей въ Радѣ; къ нимъ подъ конецъ присоединился и Грушевскій, долго остававшійся безпартійнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта фракція была наиболѣе бѣдна людьми; даже въ премьеры она не могла выдвинуть никого ярче, чѣмъ Голубовичъ. Украинскіе социаль-демократы, къ которымъ принадлежали Виниченко, Петлюра, Ткаченко, Поршъ и другіе, были малочисленны, такъ какъ городскіе рабочіе на Украинѣ шли за обще-россійскими партіями, а крестьянство, по традиціи, поддерживало эсэровъ; но несравненно болѣе значительный персональный составъ этой фракціи нѣсколько сглаживалъ численное превосходство эсэровъ. Наконецъ, социалисты-федералисты представляли наиболѣе умѣренный и культурный элементъ украинской общественности. Лидеромъ этой партіи былъ уважаемый всѣми литераторъ С. А. Ефремовъ, ея газету («Нова Рада») редактировалъ А. В. Никовскій. Какъ наиболѣе умѣренно націоналистическая группа, с.-ф. жили сравнительно въ ладу съ представителями «меньшинствъ».

Эти послѣднія продолжали фигурировать въ Радѣ приблизительно въ томъ же составѣ, который я привелъ въ первой главѣ. Присоединился только еще представитель народныхъ социалистовъ, а кадеты (въ лицѣ С. Г. Крупнова) еще до 3-го Универсала демонстративно вышли изъ Рады. Самой враждебной къ украинцамъ, хронически оппозиціонной партіей были россійскіе эсэры, которыхъ представлялъ въ Радѣ энергичный и способный А. Н. Зарубинъ. Меньшевики, съ М. С. Балабановымъ во главѣ, также держались независимо, а иногда и мужественно. Рафесъ, представлявшій «Бундъ», говсрилъ и орудовалъ больше всѣхъ; какъ я уже упомянулъ, онъ былъ въ это время въ полосѣ оппозиціи къ украинцамъ, которые весьма побаивались его остраго языка. Остальныя еврейскія партіи были представлены довольно слабо.

Да и вообще, общій уровень членовъ Малой Рады былъ не изъ высокыхъ. Грушевскій умѣлъ придавать засѣданіямъ нѣкоторые парламентскіе аппараты. Но по содержанію, большая часть того, что говорилось въ Радѣ, было въ значительной степени посредственнымъ диллетанствомъ.

Рада была номинально верховнымъ органомъ украинской государственности. Но съ момента прихода германскихъ войскъ она фактически не обладала никакой силой и властью. Близорукость украинскіхъ главарей въ томъ и проявилась, что они не учли этого осязательнаго факта и не сумѣли найти какой либо приемлемый политическій компромиссъ, при которомъ нѣмцы могли бы продолжать поддерживать Раду. Вмѣсто этого, они упорствовали въ своей политикѣ социалистическихъ фразъ, не хотѣли отступить ни на шагъ отъ своей аграрной программы и т. д.

Между тѣмъ, какъ должно было быть ясно для всякаго, нѣмцы прислали свои войска на Украинѣ не ради прекрасныхъ глазъ украинскіхъ министровъ и дипломатовъ. Имъ нужно было столько-то милліоновъ пудовъ продовольствія, которые они выговорили себѣ по мирному договору. Чтобы обезпечить доставку этого продовольствія — а въ этомъ была единственная задача нѣмецкихъ

войскъ — нужно было немедленно «Ordnung schaffen» въ деревнѣ. Земельная же политика Рады, — во всякомъ случаѣ, въ ближайшее лѣто, — могла привести только къ сумятицѣ и недосѣву. Этого-то нѣмцы никакъ не могли потерпѣть. На земельномъ вопросѣ политика Рады въ концѣ концовъ и сорвалась.

Около середины апрѣля, когда я уже былъ въ Радѣ, нѣмецкій главнокомандующій, фельдмаршалъ фонъ-Эйхгорнъ, издалъ приказъ, по которому временно, впредь до разрѣшенія аграрнаго вопроса, устанавливалось, что какъ крестьяне, такъ и помѣщики будутъ считаться собственниками урожая съ тѣхъ полей, которые каждый изъ нихъ засеетъ. Мѣра эта была по-существу разумная; она правильно учитывала хозяйственный духъ крестьянства. Но, разумѣется, это было явное вмѣшательство нѣмцевъ въ наши внутреннія дѣла. Рада разразилась протестами и жалобами въ Берлинъ. Протесты эти, конечно, ни къ чему не привели; приказъ не былъ взятъ обратно. Между тѣмъ, украинцы потеряли послѣднюю возможность столковаться со своими покровителями.

Послѣ этого инцидента, германское командованіе (получивъ, очевидно, соотвѣтственные директивы свыше) окончательно извѣрилось въ возможность работать съ Центральной Радой. Оно стало ждать удобнаго случая, чтобы разъ навсегда отъ нея отдѣлаться. Такой случай скоро и представился.

Въ одно прекрасное утро — дѣло было въ двадцатыхъ числахъ апрѣля — городъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о происшедшемъ ночью таинственномъ похищеніи директора Русскаго для вн. торг. банка А. Ю. Добраго. Къ его дому подѣхали какіе-то люди и, предъявивъ мандатъ, увезли его въ автомобилѣ. Домъ находился недалеко отъ полицейскаго участка, куда успѣли дать знать. Но пріѣхавшіе представители сыскной полиціи вели себя какъ-то странно и никакихъ мѣръ не приняли. Несмотря на это послѣднее, никто въ городѣ не сомнѣвался, что Добрый не арестованъ законными властями, а палъ жертвой какихъ-то вымогателей и налетчиковъ. Эту версію не опровергало и правительство.

Я имѣлъ въ этотъ день судебное засѣданіе и, возвращаясь около 2 часовъ дня домой, увидѣлъ, что по всему городу расклеены афишки съ какимъ-то приказомъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ. Возлѣ афишекъ толпилась публика, оживленно комментируя текстъ приказа. Я протиснулся къ одной изъ афишъ и прочелъ приказъ главнокомандующаго нѣмецкими войсками ф.-Эйхгорна, въ которомъ говорилось о зловредной агитаціи противъ германскихъ властей и объявлялось, что отнынѣ всякіе проступки противъ нѣмцевъ будутъ караться германскими военно-полевыми судами.

Трудно было установить связь между этимъ распоряженіемъ и исчезновеніемъ Добраго, но смыслъ приказа былъ совершенно ясенъ. Онъ объявлялъ по существу о военной оккупации Украины германскими войсками. «Союзная и дружественная армія», въ качествѣ которой пришли нѣмцы, разумѣется, не устанавливаетъ своей юрисдикціи надъ гражданскимъ населеніемъ занятой территоріи, и, во всякомъ случаѣ, не дѣлаетъ этого безъ вѣдома и согласія «союзнаго» правительства. Приказомъ Эйхгорна маска была сорвана.

Впослѣдствіи выяснилось, что Добрый былъ не похищенъ, а подвергнутъ аресту и высылкѣ по распоряженію двухъ министровъ — Ткаченко и Жукковского, — съ вѣдома министра-президента Голубовича. Причиной его ареста было его предполагаемое германофильство*. Фактически этотъ «арестъ», однако,

* Нѣкоторые украинскіе круги въ то время конспировали противъ нѣмцевъ.

мало отличался отъ самочиннаго налета: достойные исполнители министерскаго приказа за взятку согласились отвезти арестованнаго не въ тотъ глухой городокъ, куда онъ значился высланнымъ, а въ Харьковъ. Въ Харьковѣ ему удалось дать знать о себѣ нѣмецкимъ офицерамъ, которые и освободили его черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Рады. Но не только низшіе агенты — само украинское правительство вело себя странно и недостойно въ этомъ дѣлѣ. На запросы съ разныхъ сторонъ, въ томъ числѣ отъ нѣмцевъ, Ткаченко и другіе министры отвѣчали, что приняты мѣры къ розыску Добраго. Это, разумѣется, укрѣпляло всѣхъ въ предположеніи о самочинномъ налетѣ. Въ официальныхъ засѣданіяхъ кабинета, какъ мнѣ передавалъ Лацкій, о случаѣ съ Добрымъ говорилось въ такомъ же смыслѣ. Между тѣмъ, одни изъ министровъ знали, а другіе подозрѣвали правду. Какъ выяснилось впоследствии на судѣ, знали ее и премьеръ Голубовичъ. И тѣмъ не менѣе, кабинетъ продолжалъ свою недостойную игру. На мой вопросъ въ закрытомъ засѣданіи Рады, какъ онъ объясняетъ непонятный образъ дѣйствій уголовно-розыскаго отдѣленія, министр юстиціи Шелухинъ кратко отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ дать никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу. Я объяснилъ себѣ его отвѣтъ, сказанный въ довольно рѣзкомъ тонѣ, нежеланіемъ нашего генераль-прокурора обнаруживать тайны незаконченнаго слѣдственнаго производства. Въ дѣйствительности, однако, Шелухинъ, повидимому, также чуялъ правду, но не установилъ еще своей линіи поведенія.

Германскія власти черезъ нѣсколько дней, видимо, получили свѣдѣнія о причастности къ дѣлу Добраго украинскихъ министровъ. Это и рѣшило судьбу министерства Голубовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ судьбу избравшей его Центральной Рады.

Наши политическіе круги, и прежде всего Рада, были чрезвычайно взволнованы приказомъ Эйхгорна. Малая Рада собиралась 27 апрѣля три раза: утромъ въ закрытомъ засѣданіи, вечеромъ въ открытомъ и ночью снова въ закрытомъ. Премьеръ Голубовичъ въ открытомъ засѣданіи заявилъ съ трибуны протестъ противъ нарушенія германцами суверенныхъ правъ Украинской Народной Республики; онъ сказалъ, что правительство обратится въ Берлинъ съ требованіемъ объ отозваніи изъ Кіева представителей высшаго германскаго командованія. Послѣ рѣчи Голубовича начались пренія. Говорилъ въ тотъ вечеръ, впрочемъ, одинъ только представитель «руководящей фракціи» — у. с.-р. Янко; а затѣмъ засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня.

На слѣдующее утро, при громадномъ стеченіи публики, засѣданіе возобновилось. Настроеніе было очень встревоженное, но не безнадежное. Въ кулуарахъ Рады передавали, что отъ берлинскаго посланника Севрюка получена телеграмма съ благопріятными свѣдѣніями. По открытіи засѣданія, первымъ выступилъ представитель у. с.-д. Поршъ, послѣ него Виниченко, впервые появившійся въ Радѣ со времени ея бѣгства изъ Кіева въ январѣ 1918 года. Виниченко говорилъ часа полтора, онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію объ украинскомъ національномъ движеніи. Затѣмъ появлялись на трибунѣ представители «меньшинствъ» — эсеръ Зарубинъ, поалей-ціонъ Гольдельманъ, еврейскій социалистъ Шаць. Всѣ рѣчи въ той или другой формѣ протестовали противъ поведенія нѣмцевъ. Зарубинъ, какъ убѣжденный украиннофобъ, перекладывалъ вину на правительство, призвавшее нѣмцевъ. А Шаць — молодой человекъ съ франтоватымъ видомъ — такъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что назвалъ

70-тилѣтняго фельдмаршала Эйхгорна «прусскимъ лейтенантикомъ съ нафабреными усами».

Министерская ложа была въ началѣ засѣданія полна, но постепенно большинство министровъ, въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковскій, исчезли. Помню, какъ поразило меня въ этотъ день осунувшееся лицо Ткаченко и лихорадочный блескъ его глазъ. Засѣданіе все продолжалось, приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать и, около 4 часовъ дня, на трибунѣ появился Рафесъ. Его рѣчь — послѣдняя рѣчь, сказанная въ Радѣ, — была очень удачной. Онъ пытался очертить реальное положеніе вещей, потонувшее «въ морѣ словъ, сказанныхъ сегодня къ дѣлу и не къ дѣлу». И эта неприкрашенная дѣйствительность состояла, по его словамъ, въ томъ, что нѣмцы совершенно пренебрегаютъ Радой и правительствомъ и начинаютъ хозяйничать по своему. Такого оборота событій слѣдовало ожидать съ того момента, какъ нѣмцевъ призвали; и за него отвѣтственны тѣ, кто призвалъ ихъ. «Говорю это, — сказалъ Рафесъ, — не съ злорадствомъ, а съ печалью въ душѣ». . . . Во время рѣчи Рафеса кто-то подошелъ сзади къ предсѣдательствовавшему Грушевскому и шепнулъ ему что-то на ухо. Грушевскій ничѣмъ не реагировалъ на сообщенное ему извѣстіе и только черезъ нѣсколько минутъ, посмотрѣвъ на часы, замѣтилъ Рафесу, что его время закончилось. Рафесъ, однако, продолжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Грушевскій снова обратился къ нему, со словами: «Ваш часъ скончився».

Рафесъ еще говорилъ заключительныя фразы своей рѣчи, когда съ лѣстницы донесся шумъ, дверь въ залъ растворилась и на порогѣ появились нѣмецкіе солдаты. Нѣсколько десятковъ солдатъ тотчасъ вошли въ залъ. Какой-то фельдфебель (потомъ выяснилось, что это былъ чинъ полевой тайной полиціи) подскочилъ къ предсѣдательскому креслу и на ломанномъ русскомъ языкѣ крикнулъ:

«По распоряженію германскаго командованія, объявляю всѣхъ присутствующихъ арестованными. Руки вверхъ!»

Солдаты взяли ружья на прицѣль.

Всѣ присутствующіе встали съ мѣстъ и подняли руки. Съ поднятыми руками, саркастически улыбаясь, стоялъ на трибунѣ Рафесъ. Поршъ (какъ будто въ знакъ своей нѣмецкой лойяльности) высоко поднялъ руку съ номеромъ «Neue Freie Presse»; въ другой, также поднятой рукѣ онъ держалъ свой паспортъ.

Грушевскій, смертельно блѣдный, оставался сидѣть на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, и, единственный во всей залѣ, рукъ не поднялъ. Онъ по-украински говорилъ что-то нѣмецкому фельдфебелю о неприкосновенности правъ «парламента», но тогъ еле его слушалъ.

Нѣмецъ назвалъ нѣсколько фамилій — въ томъ числѣ Ткаченко и Жуковского, — которые приглашались выступить впередъ. Никого изъ названныхъ въ залѣ не оказалось.

Тогда всѣмъ депутатамъ было предложено перейти въ сосѣднюю комнату; при этомъ въ дверяхъ залы засѣданія солдаты ощупывали насъ, ища оружія.

Мы столпились въ указанномъ намъ помѣщеніи. Комизмъ положенія невольно настроилъ всѣхъ юмористически. Обсуждали вопросъ, что же съ нами будетъ — поведутъ ли въ тюрьму, или, можетъ быть, вышлютъ въ концентраціонный лагерь?

Я оказался рядомъ съ украинскимъ эсэромъ Янко, выступавшимъ наканунѣ отъ имени своей фракціи. «Теперь вы видите, — сказалъ я ему, — что было довольно легкомысленно, не имѣя никакой силы, вести политику, которая шла въ разрѣзъ съ видами тѣхъ, у кого сила была. Отчего вы не столковались во-время съ нѣмцами?» Мой эсэръ былъ видимо подавленъ. «Да, нужно было пойти на уступки въ земельномъ вопросѣ», сказалъ онъ наконецъ.

Наше сидѣніе взаперти продолжалось не больше часу. Вдругъ двери на лѣстницу раскрылись и кто-то грубымъ и насмѣшливымъ тономъ крикнулъ намъ:

Raus! Nach Hause gehen!

Мы спустились по лѣстницѣ внизъ. На улицѣ, у входовъ въ зданіе Рады, стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытныхъ глазѣла на пикантное зрѣлище.

Мы разошлись по домамъ . . .

III. Гетманъ и Директорія

(май 1918 — январь 1919)

Пантомима въ циркѣ. — Новое правительство. — Высокая конъюнктура. — Защиты въ нѣмецкихъ военно-полевыхъ судахъ. — Политическія преслѣдованія. — Въ еврейскомъ національномъ совѣтѣ. — Московскій адъ и кievское эльдорадо. — Финалъ германской оккупации. — Внутренняя политика гетмана. — Напускной украинскій націонализмъ. — Возстаніе Петлюры и крушеніе гетманства. — Директорія. — Борьба противъ русскихъ вывѣсокъ. — Трудовой Конгрессъ. — Налеты. — Большевики съ сѣвера или союзники изъ Одессы? — Исходъ изъ Кіева.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гетманскаго переворота въ Кіевѣ состоялась всеукраинская конференція Еврейской народнической Партіи (Фолькспартай). Комитетомъ партіи мнѣ было поручено прочесть на этой конференціи рефератъ о политическомъ моментѣ. Я началъ его слѣдующими словами:

«Въ результатъ политической пантомимы, разыгранной 29 апрѣля въ циркѣ Крутикова, гетманъ Скоропадскій возсѣлъ на свой прародительскій престолъ. Его избраніе произошло, какъ и полагается въ пантомимѣ, почти безъ словъ, одними жестами и восклицаніями. И любопытнѣйшей чертой всего спектакля было то, что наиболѣе активное (въ сущности: единственное активное) дѣйствующее лицо фигурировало не на эстрадѣ и не на трибунѣ, а на крышѣ цирка: это былъ тотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ, который долженъ былъ съ этой крыши охранять государственный переворотъ отъ возможныхъ покушеній со стороны законной государственной власти» . . .

Этотъ нѣмецкій солдатъ съ пулеметомъ былъ не метафорой, а самой подлинной реальностью. Мы видѣли, какъ онъ съ нашего двора влѣзъ на крышу цирка и стоялъ тамъ въ полной боевой готовности. Съ нашего же двора производилось снабженіе этого своеобразнаго фронта продовольствіемъ.

А въ циркѣ была, дѣйствительно, разыграна пантомима. Каждое слово и каждый жестъ былъ заранѣе подготовленъ и инсценированъ. Все и прошло,

какъ по нотамъ. Всенародно избранный гетманъ отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ онъ обосновался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ*. Никакого сопротивленія, даже никакой попытки сопротивленія ни съ чьей стороны не было.

Какъ могло случиться, чтобы кучка дрессированныхъ «хлѣборобовъ» въ нѣсколько часовъ свергла власть Центральной Рады и учредила гетманство? Объясненіе этого дикаго факта лежитъ, прежде всего, въ томъ, что Рада не имѣла ни физической, ни моральной опоры въ городскихъ массахъ. Что же касается деревни, то она «безмолвствовала» 29 апрѣля, но послѣдующимъ своимъ поведеніемъ по отношенію къ гетману и къ нѣмцамъ показала, что она, во всякомъ случаѣ, не на ихъ сторонѣ. У Рады имѣлся военный министръ Жуковскій, который занимался похищеніемъ банкировъ, но украинской арміи, которая могла бы защитить Раду, не существовало. Если не считать нѣсколькихъ сотенъ сѣчевыхъ стрѣльцовъ, то военная опора Рады могла бы базироваться исключительно на германскихъ войскахъ, да еще на привезенныхъ нѣмцами частяхъ, составленныхъ изъ бывшихъ русскихъ военно-плѣнныхъ. Эти послѣднія, маршируя по улицамъ города, вызывали всеобщую зависть своей новѣхонькой формой изъ синяго сукна. Ихъ и стали называть «синими жупанами». Но въ политическомъ отношеніи синіе жупаны въ концѣ концовъ показали нѣмцамъ слишкомъ красными, и, наканунѣ паденія Рады, они были разоружены. Позиція же самихъ германскихъ войскъ воплощалась фигурой солдата съ пулеметомъ на крышѣ цирка...

Рада успѣла собраться еще разъ въ самый день 29 апрѣля — мнѣ не удалось попасть на это засѣданіе — и впопыхахъ принять конституцію Украинской Народной Республики, выработанную Грушевскимъ. Сейчасъ послѣ засѣданія Грушевскій скрылся, а члены Рады разошлись по домамъ, безъ особой увѣренности въ томъ, что имъ дадутъ ночевать дома. Однако, въ этотъ и ближайшіе дни никакихъ арестовъ не было**. Нѣмцы чувствовали себя слишкомъ непреоборимо сильными, чтобы охранять себя отъ членовъ разогнанной и униженной Центральной Рады. Гетманская же власть еще не успѣла наладить свой собственный полицейскій аппаратъ.

Гетманскій переворотъ произошелъ во всей Украинѣ совершенно безболѣзненно. Никакого сопротивленія новая власть не встрѣтила. Ей оставалось выжить свое лицо и организовать.

Члены комитета Фольксспартай собирались въ эти дни на квартирѣ С. Б. Ратнера для взаимнаго обмѣна информацией. Тамъ-же, помню, мы прочли первое проунціаменто гетмана, оправдывавшее переворотъ и устанавливавшее конституцію новой власти. Когда стали читать вслухъ, статью за статьей, эту необычайно быстро испеченную конституцію, она показалась мнѣ подозрительно-знакомой. Я взялъ изъ шкафа т. I ч. 1 Свода Законовъ и началъ сравнивать читаемое съ Основными законами по изд. 1906 года. Оказалось, что, за немногими отступленіями, гетманская конституція воспроизводила эти Основные законы. Порядокъ и почти весь текстъ статей Основныхъ законовъ 23 апрѣля

* Такъ свѣтскаго человѣка и бывшего придворнаго, повидимому, удержалъ его отъ того, чтобы поселиться въ императорскомъ дворцѣ. У Керенскаго этого такта, къ сожалѣнію, не оказалось.

** Насколько я помню, былъ только временно задержанъ И. О. Фруминъ, какъ разъ не состоявшій членомъ Рады.

1906 года былъ сохраненъ. Недоставало только «Учрежденія Государственнаго Совѣта и Думы». Зато былъ почему-то воспроизведенъ архаическій «Комитетъ Финансовъ».

Составленіе министерства представляло нѣкоторыя трудности. Украинскія партіи, въ частности социалисты-федералисты, съ которыми велись переговоры, отказались участвовать въ правительствѣ. Правыя группы охотно пошли бы, но придавать кабинету явно реакціонную окраску, повидимому, не хотѣли. Къ участию въ правительствѣ были приглашены кадеты, среди которыхъ произошелъ по этому вопросу расколъ, причемъ большинство высказалось за вхожденіе въ кабинетъ.

Этотъ шагъ былъ особенно труденъ для кадетовъ вслѣдствіе той германской оріентаціи, которую сама сила обстоятельствъ предуказывала гетманскому правительству. Участіе въ такомъ правительствѣ означало для партіи Народной Свободы рѣзкій разрывъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отказъ отъ основной своей позиціи по вопросамъ внѣшней политики. Съ другой стороны, нельзя же было требовать отъ гетмана и его министровъ, чтобы они выступили противъ того нѣмецкаго солдата, который защищалъ ихъ рожденіе на свѣтъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, областной комитетъ партіи Народной Свободы высказался за участіе кадетовъ въ министерствѣ. Собравшійся вслѣдъ затѣмъ областной съѣздъ подтвердилъ это рѣшеніе, причемъ на этомъ съѣздѣ выступили съ программными рѣчами новые министры-кадеты Н. П. Василенко, А. К. Ржепецкій и С. М. Гутникъ. Однако, эти рѣчи только усилили впечатлѣніе отступничества, совершеннаго партіей. Если при создавшейся ситуациі кадеты имѣли полное основаніе считаться съ германской оккупаціей, какъ съ совершившимся фактомъ, и не устранять себя отъ работы для пользы населенія, то уже совершенно излишне было выступать съ историческимъ обоснованіемъ германофильства, какъ это сдѣлалъ Василенко, припомнившій въ своей рѣчи всѣ грѣхи англичанъ противъ Россіи начиная съ 1878 года . . .

Кабинетъ былъ въ концѣ концовъ составленъ подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Лизогуба, — полтавскаго предсѣдателя губ. земск. управы, человѣка, пользовавшагося безукоризненною репутацией, но въ политическомъ отношеніи довольно бездѣтнаго. Онъ же былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ украинецъ Д. И. Дорошенко, замѣчательный главнымъ образомъ своей красивой наружностью, министромъ народного просвѣщенія — Н. П. Василенко, финансовъ — А. К. Ржепецкій, юстиціи — проф. Чубинскій, труда — проф. Ю. Н. Вагнеръ, торговли — С. М. Гутникъ, военнымъ министромъ — ген. Рогоза и министромъ здравоохраненія — д-ръ П. И. Любинскій. Составъ этого перваго гетманскаго министерства былъ отнюдь не правый; напротивъ, наряду съ умѣренными консерваторами, въ него вошли дѣятели опредѣленно прогрессивнаго направленія. Но трагедія гетманскаго правительства въ томъ и состояла, что по существу дѣла его направленіе и политическая программа были совершенно безразличны. Надъ нимъ была болѣе сильная, бронированная рука, отъ которой въ дѣйствительности зависѣло все.

«Въ лицѣ гетмана Скоропадскаго, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Людендорфъ, — получилъ въ Кіевѣ власть человѣкъ, съ которымъ можно было хорошо работать»*.

* Meine Kriegserinnerungen, S. 502.

Естественно, что нѣмцы стремились всемирно использовать эту возможность и направляли политику гетмана въ ту сторону, въ какую имъ казалось выгоднымъ. Истиннымъ главой Украинской Державы былъ все это время не ясновельможный Панъ Гетманъ, и не Голова Рады Министровъ, а — начальникъ штаба армейской группы Эйхгорна ген. Грѣнеръ. Впрочемъ, Грѣнеръ не только по своему положенію, но и по своей личности былъ самый крупный человекъ изъ всѣхъ подвизавшихся тогда въ Кіевѣ дѣятелей, русскихъ и нѣмецкихъ; мы не были удивлены, когда въ октябрѣ 1918 года его призвали на самый высшій постъ въ германской арміи, на мѣсто ушедшаго въ отставку Людендорфа*.

Германская гражданская власть была, напротивъ, представлена довольно блѣдно въ лицѣ посланника барона Мумма. Зато австро-венгерскимъ посланникомъ въ Кіевѣ былъ знаменитый графъ Форгачъ, котораго считаютъ авторомъ пресловутаго ультиматума Сербіи въ іюль 1914 г.

Гетманскій переворотъ прошелъ подъ лозунгомъ возстановленія земельной собственности и свободы торговли. Въ этомъ отношеніи программа новаго правительства вполне соответствовала видамъ нѣмцевъ; поэтому здѣсь ему давалась полная свобода дѣйствій. Въ первое время особенно проводилась политика покровительства торгово-промышленнымъ кругамъ; и только въ послѣдніе мѣсяцы гетманщины, съ дальнѣйшимъ поворотомъ вправо, объектомъ попеченія сдѣлалось землевладѣльческое дворянство.

Эта политика принесла реальные плоды.

Эпоха гетмана, дѣйствительно, характеризуется нѣкоторымъ экономическимъ подъемомъ. Она была у насъ временемъ «высокой конъюнктуры». Промышленные и торговые круги, съ одной стороны, были близки къ власти имущимъ и вліяли на послѣднихъ въ выгодномъ для себя направленіи; а съ другой, обеспеченный сбытъ всевозможныхъ товаровъ въ Германію и Австрію создавалъ и въ чисто-экономическомъ смыслѣ весьма благопріятную конъюнктуру для нашего края. Мы и пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки. Парализованная буржуазія съвера устремилась въ Кіевъ. А у насъ учреждались все новыя и новыя акціонерныя компаніи и дѣлались крупныя дѣла.

Эта черта гетманскаго времени воплощается для кіевлянъ въ таинственномъ словѣ «Протофисъ». Таково было сокращенное наименованіе Всеукраинскаго союза торговли, промышленности и финансовъ. Протофисъ образовался въ первые же дни гетманщины, на торгово-промышленномъ съѣздѣ, на которомъ съ большой рѣчью выступилъ новый министръ торговли Гутникъ. Онъ существовалъ все это время и былъ весьма активнымъ факторомъ въ нашей внутренней политикѣ.

Въ связи съ оживленіемъ промышленности, банковъ, биржи, въ эпоху гетмана возстановились до нѣкоторой степени и функціи суда. Помогли этому и невольныя послабленія въ области украинизаціи, о которыхъ рѣчь впереди. Адвокатура вновь почувствовала нѣкоторую почву подъ ногами. Превращеніе Кіева въ столицу, обиліе административныхъ дѣлъ, — въ частности, проведеніе уставовъ и концессій, — обеспечивали для дѣловыхъ адеокатовъ хорошія времена. Наряду съ этимъ, начавшіяся нѣсколько позднѣе политическія преслѣдованія вызывали необходимость въ организаціи политическихъ защитъ. Были даже попытки учрежденія «группы политическихъ защитниковъ», подобно той группѣ, которая работала въ 1905 — 1907 гг.

* Въ настоящее время Грѣнеръ, какъ извѣстно, является министромъ путей сообщенія въ республиканскомъ правительствѣ Германіи.

У меня лично связано съ гетманскимъ временемъ одно весьма своеобразное воспоминаніе изъ области адвокатской практики.

Это было въ концѣ мая 1918 года. Однажды предъ вечеромъ телефонируютъ ко мнѣ изъ комитета еврейск. объедин. соц. партіи и просятъ выѣхать въ тотъ же вечеръ съ членомъ комитета Шацомъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ нѣсколько дней тому назадъ арестованъ тов. городского головы Лембергъ, председатель Гор. Думы Рутгайзеръ и еще одинъ гласный, по обвиненію въ анти-германской пропагандѣ. Завтра утромъ ихъ будутъ судить въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Возможно, что допустятъ защитниковъ. Комитетъ проситъ меня, вмѣстѣ съ Шацомъ, взять на себя защиту.

Я былъ крайне взбудораженъ и смущенъ этимъ предложеніемъ. Военно-полевой судъ, особенно германскій, — тотъ самый военно-полевой судъ, который былъ введенъ роковымъ апрѣльскимъ приказомъ Эйхгорна, — представлялся намъ чѣмъ-то весьма жуткимъ. О дѣлѣ Бѣлоцерковскихъ гласныхъ я слышалъ впервые и не имѣлъ никакого понятія ни о сущности обвиненія, ни о возможностяхъ защиты. И притомъ предстояло выступить въ германскомъ судѣ, процессуальные порядки котораго были мнѣ совершенно неизвѣстны, и пледировать на нѣмецкомъ языкѣ...

Но отказать въ своемъ содѣйствіи я считалъ себя не въ правѣ и поэтому, сложивъ фракъ и необходимыя вещи, отправился на вокзалъ. Въ поѣздѣ меня познакомили съ пріѣхавшими изъ Бѣлой-Церкви членами городской управы, которые и рассказали намъ вкратцѣ суть дѣла. Подсудимыхъ обвиняли въ произнесеніи «рѣчей возмутительнаго содержанія» въ засѣданіи думы вскорѣ послѣ германскаго переворота. Они нѣсколько дней тому назадъ были арестованы, допрошены и въ любой день, когда засѣдаетъ полевой судъ, дѣло ихъ можетъ быть заслушано. Завтра, въ субботу, въ 8 часовъ утра — очередное засѣданіе суда. Къ этому времени нужно явиться въ штабъ, прочитать дѣло и «подготовиться къ защитѣ».

На слѣдующее утро, — надѣвъ фраки со значками, чтобы хоть чѣмъ-нибудь импонировать нѣмецкимъ офицерамъ, — мы отправились въ штабъ расположенной въ Бѣлой-Церкви германской дивизіи. Штабъ помѣщался въ старинной помѣщицкѣй усадьбѣ владѣлицы мѣстечка — графини Браницкой. Наши информаторы еще раньше объяснили намъ, что все дѣло находится въ рукахъ одного лейтенанта, котораго называютъ «Gerichtsoffizier»; онъ вѣлѣ слѣдствіе, онъ же будетъ и обвинять на судѣ. Послѣ переговоровъ съ накрашенной особой, которая исполняла обязанности секретаря и переводчика, мы и предстали предъ свѣтлыми очми этого лейтенанта.

Лейтенантъ Флешъ принялъ насъ вѣжливо, но съ глубокимъ сознаниемъ своего величія. Дѣло, къ счастью, должно было слушаться только черезъ недѣлю, и, хотя показать самые акты Флешъ обѣщалъ только предъ засѣданіемъ, но изъ разговора съ нимъ мы составили себѣ приблизительное представление о томъ, что ожидаетъ насъ на судѣ. Самъ Флешъ былъ великолѣпенъ въ истинно-прусскомъ апломбѣ своихъ непогрѣшимыхъ сужденій. Разумѣется, обвиняемые были виновны во всемъ, что имъ приписываютъ; и разумѣется, ничего другого нельзя и ожидать отъ этой городской управы, состоящей изъ русскихихъ социалистовъ. Дума занимается только политическими разговорами и агитацией. А всѣ отрасли городского хозяйства, — и въ томъ числѣ, какъ онъ выразился, «das Bordellenwesen», — совершенно запущены...

Изъ разговора съ Флешемъ мы приблизительно уяснили себѣ характеръ германскаго военно-полевого судопроизводства. Постояннаго состава суда не существовало. Судъ назначался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приказомъ командующаго генерала. Вся подготовка дѣла, слѣдствіе, прокурорскія обязанности и наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ лежали на «судебномъ офицерѣ (Gerichtsoffizier), имѣвшемся при каждомъ штабѣ или комендатурѣ. Онъ фактически предсѣдательствовалъ и въ засѣданіи и даже, самъ не подавая голоса, руководилъ совѣщаніемъ судей.

Самый процессъ былъ свободенъ отъ формальностей и не очень связанъ законами*. Судъ могъ по своему усмотрѣнію повышать и понижать назначенныя въ уголовномъ кодексѣ наказанія. А командующій генералъ, въ качествѣ верховнаго распорядителя надъ судомъ, обладалъ неограниченнымъ правомъ не утверждать и измѣнять уже состоявшіеся приговоры суда. Отъ него же зависѣло и допущеніе защиты, преданіе суду, назначеніе засѣданій и т. д. Всѣ эти правила имѣлись въ видѣ печатной инструкціи, которая, однако, какъ военная тайна, штатскимъ на руки не выдавалась.

Ощущеніе нѣкоторой жути, съ которымъ я взялся за эту защиту, разумѣется, не могло пройти послѣ разговора съ Флешомъ. Мало того, что приходилось защищать на чужомъ языкѣ, предъ враждебными судьями — не юристами; какъ теперь выяснилось, намъ предстояло участвовать въ процессѣ, не зная и даже не имѣя возможности узнать тѣ законы, по которымъ онъ происходитъ . . .

Однако, дѣлать было нечего. Положеніе обвиняемыхъ безъ защитника представлялось намъ при этихъ условіяхъ еще въ тысячу разъ трагичнѣе. И мы надѣялись, по мѣрѣ силъ, помочь имъ въ предстоявшей неравной борьбѣ.

Повидавшись съ подзащитными и условившись относительно подлежащихъ вызову свидѣтелей, мы съ Шацомъ въ тотъ же вечеръ отправились обратно въ Кіевъ. Черезъ недѣлю я снова поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь, но уже не съ Шацомъ, который заболѣлъ тифомъ, а съ членомъ центрального комитета Бунда Ниревбергомъ. Остановились мы въ Бѣлой-Церкви у городского головы Каткова — симпатичнѣйшаго провинціального ветеринара и земца старой школы, который долженъ былъ быть главнымъ свидѣтелемъ защиты.

На слѣдующее утро, предъ засѣданіемъ, мы успѣли наскоро просмотрѣть протоколы допросовъ и уяснили себѣ уязвимыя мѣста обвиненія. Оно было цѣликомъ построено на показаніяхъ полицейскаго чина, присутствовавшаго въ засѣданіи Думы, но сидѣвшаго у выходныхъ дверей и часто покидавшаго залъ, чтобы подышать воздухомъ. У нѣмцевъ, на основаніи малограмотнаго доноса этого урядника, создалось впечатлѣніе, что это собраніе было чѣмъ-то въ родѣ митинга. Намъ нетрудно было установить на судѣ, что въ дѣйствительности имѣло мѣсто очередное засѣданіе Городской Думы, на которомъ подсудимые выступали съ докладомъ о сѣздѣ городскихъ дѣятелей, незадолго предъ тѣмъ происходившемъ въ Кіевѣ. Въ дѣйствительности докладъ, разумѣется, носилъ рѣзко анти-германскій и анти-гетманскій характеръ. Но Флешу не удалось установить это путемъ допроса, при помощи переводчика, полицейскаго урядника.

---

* Между прочимъ, въ рядѣ случаевъ германскій судъ, предвкушая грядущіе пріемы большевистскаго трибунала, превращалъ во время самаго засѣданія свидѣтелей въ обвиняемыхъ и тутъ же выносилъ имъ приговоръ. Такъ было, напр., съ Голубовичемъ въ дѣлѣ объ арестѣ Добраго.

Катковъ же и нѣкоторые гласные, допрошенные по нашей ссылкѣ, дали показанія въ пользу подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, на судебномъ слѣдствіи создалась обстановка, довольно благоприятная для подсудимыхъ. Наши защитительныя рѣчи судъ выслушалъ со вниманіемъ. Къ намъ вообще относились корректно и съ видимымъ любопытствомъ. Бравый майоръ, предѣдательствовавшій въ судѣ, только одинъ разъ остановилъ моего коллегу.

Несмотря на всѣ эти признаки, я лично не сомнѣвался въ обвинительномъ вердиктѣ. Отношеніе судей къ подсудимымъ, какъ къ русскимъ, революціонерамъ и евреямъ, было явно враждебнымъ. Флешъ, подзадориваемый наличностью защиты, изо всѣхъ силъ старался добиться обвиненія. Казалось, что, каковы бы не были результаты слѣдствія, приговоръ долженъ былъ прежде всего поддержать нѣмецкій престижъ и, ужь во всякомъ случаѣ, не оскандалить Флеша.

Съ большимъ волненіемъ возвратились мы поэтому въ залъ, когда насъ позвали для объявленія приговора. «Судъ постановилъ, — заявилъ Флешъ, — признать подсудимыхъ оправданными. У суда имѣются подозрѣнія, что рѣчи возмутительнаго содержания дѣйствительно были произнесены. Но слѣдствіе не дало тому достаточныхъ доказательствъ» . . .

— Нѣмецкая добросовѣстность за себя постояла, подумалъ я, услышавъ этотъ неожиданно-пріятный приговоръ.

Послѣ этого перваго дебюта мнѣ приходилось еще не разъ выступать въ нѣмецкомъ военно-полевомъ судѣ. Въ той же Бѣлой-Церкви я защищалъ нѣкоего Гельфмана, который имѣлъ неосторожность насплетничать въ Кіевѣ, Кіевѣ, что бѣлоцерковскіе нѣмецкіе интенданты берутъ взятки. Гельфманъ былъ привлеченъ къ суду за ложный доносъ, Флешъ издѣвался надъ нимъ и назвалъ его въ своей рѣчи «ein schmutziger Jude»; доказательствъ злоупотребленій со стороны интендантовъ у обвиняемаго, разумѣется, не было. Послѣ продолжительнаго засѣданія, онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюрьмы. Я никогда не забуду отчаянія и плача, съ которымъ встрѣтила этотъ суровый приговоръ многоголовная семья Гельфмана. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что нѣмцы вѣроятно не просидятъ и года на Украинѣ, такъ что пятилѣтнее заключеніе останется только на бумагѣ. Такъ оно впоследствии и случилось: уже въ декабрѣ 1918 года Гельфманъ былъ освобожденъ изъ Васильковской тюрьмы, въ которой отбывалъ наказаніе.

Было у меня нѣсколько дѣлъ въ нѣмецкомъ полевомъ судѣ и въ Кіевѣ: храненіе оружія, шпіонажъ, оскорбленіе величества. Была и защита домовладѣльца, обвинявшагося въ спекулятивномъ повышеніи цѣнъ на квартиры. Какъ это послѣднее преступленіе можно было подвести подъ приказъ Эйхгорна, — это остается на совѣсти кіевского Gerichtsoffizier'a лейтенанта Бютнера.

Подслѣдственные и обвиненные германскимъ судомъ содержались въ арестномъ дсмѣ, рядомъ съ Лукьяновской тюрьмой, который, послѣ надлежащей чистки, былъ превращенъ въ особую германскую тюрьму. Тамъ въ отдѣльной камерѣ содержались обвиненные по дѣлу Добраго — Голубовичъ, Жуковский и др. Тамъ же окончилъ свои дни несчастный убійца Эйхгорна Борисъ Донской.

Ежедневно къ ворстамъ «нѣмецкой тюрьмы» подходили и подъѣзжали жены заключенныхъ и передавали имъ обѣдъ. Свиданія разрѣшались довольно либерально; въ частности я, какъ защитникъ, имѣлъ всегда доступъ къ своимъ кліентамъ.

Самымъ тяжелымъ моимъ дѣломъ въ нѣмецкомъ судѣ былъ процессъ бывшаго мирового судьи П., обвинявшагося въ шпионажѣ. Онъ передалъ какому-то посланцу пакетъ съ различными свѣдѣніями о германской арміи и въ томъ числѣ съ картой ея расположенія на Украинѣ для врученія англійскому консулу въ Москвѣ. Посланецъ, однако, предпочелъ вручить преступный пакетъ нѣмецкому начальству въ Кіевѣ. Отрицать, что онъ передалъ пакетъ посланцу, было для П. невозможно.

Положеніе его предъ германскимъ военнымъ судомъ было трагическое. Въ результатѣ дѣла нельзя было и сомнѣваться, если бы только оно дошло до разбирательства. Вся наша цѣль въ томъ и состояла, чтобы «тянуть» и какъ-нибудь отдалить этотъ роковой день. Судьба помогла намъ въ этихъ нелюдяныхъ намѣреніяхъ и дѣло было назначено къ слушанію только въ ноябрѣ, незадолго до заключенія перемирія на Западномъ фронтѣ.

Вечеръ, когда я узналъ о назначеніи дѣла, былъ самымъ тяжелымъ моментомъ въ моей адвокатской практикѣ. Одновременно съ извѣстіемъ о назначеніи дѣла къ слушанію на слѣдующее утро, мнѣ сообщили, что комендантъ города въ послѣднюю минуту отказался допустить меня къ защитѣ и назначилъ защитникомъ какого-то офицера . . .

Какимъ-то образомъ, однако, колесо фортуны въ послѣднюю минуту повернулось въ сторону моего кліента. Часовъ въ семь вечера я былъ экстренно вызванъ въ комендатуру и лейтенантъ Бюттнеръ сообщилъ мнѣ, что онъ все-таки побудилъ коменданта допустить меня къ защитѣ; дѣло поэтому откладывается и мнѣ дается срокъ для ознакомленія съ документами. Черезъ недѣлю произошла революція въ Берлинѣ, еще черезъ два дня было подписано перемиріе. О назначеніи дѣла П. къ слушанію не было и рѣчи. «Es macht keinen Spaß mehr!» какъ откровенно признался Бюттнеръ.

П., вмѣстѣ съ другими заключенными «нѣмецкой тюрьмы», былъ вскорѣ освобожденъ въ силу общей амнистіи.

Нѣмецкіе военно-полевые суды налагали на подсудимыхъ очень тяжкія наказания — 5 лѣтъ тюрьмы за пустяшный проступокъ Гельфмана, 2½ года тюрьмы за нарушение приказа о выдачѣ оружія и т. п. могутъ служить тому примѣрами. Положеніе подсудимыхъ, не знающихъ нѣмецкаго языка, было ужасно; произволь «Gerichtsherr'a» (коменданта) и всепоглощающія функціи «Gerichtsoffizier'a» мало соответствовали представленію объ упорядоченномъ судопроизводствѣ. Однако, если сравнить эти суды съ остальными формами политической расправы, которыя практиковались въ то время, то придется признать, что это была еще наилучшая форма. Она была лучше административныхъ высылкъ, производимыхъ въ большомъ количествѣ самими нѣмцами; и она была несравненно лучше полицейскихъ репрессій, за которыя принялось гетманское правительство.

Къ серединѣ лѣта въ кабинетѣ министровъ наибольшее вліяніе получилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Игорь Кистяковскій. Онъ былъ самымъ толковымъ и активнымъ членомъ гетманскихъ кабинетовъ. Но и въ новой роли его не оставила та неудержимая безпринципность, которой онъ отличался уже въ качествѣ адвоката. Вплоть до послѣдней фазы гетманщины онъ проводилъ украинскую національную политику, что не помѣшало ему вступить 15 ноября 1918 года въ новый кабинетъ, лозунгомъ котораго было восстановление единой и недѣлимой Россіи. . . Игорь Кистяковскій и во время и послѣ гетмана былъ у насъ притчей во языцѣхъ. Его обвиняли во всевозможныхъ порокахъ и называли «злымъ

геніемъ» Скоропадскаго. Едва ли, однако, это было такъ. Народная молва, по моему убѣжденію, сильно преувеличивала значеніе и зловерность его личности.

Въ одной изъ своихъ программныхъ рѣчей Кистяковскій установилъ принципиальное различіе между «эволюціоннымъ» и «революціоннымъ» социализмомъ; по отношенію къ первому обѣщана была терпимость, второму же объявлялась беспощадная борьба. И, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эта борьба свелась къ тому, что «вартовые», замѣнившіе прежнихъ урядниковъ, хватили кого имъ было угодно изъ общей массы участниковъ революціоннаго движенія; этимъ послѣднимъ затѣмъ предоставлялось, сидя въ узникахъ, доказывать, что они исповѣдуютъ не «революціонный», а «эволюціонный» социализмъ. Кому не удавалось доказать это, тотъ обычно подвергался выдачѣ германскимъ властямъ, упрятаввшимъ его въ одинъ изъ ближайшихъ концентраціонныхъ лагерей.

И какъ неизбежно бываетъ при всѣхъ формахъ административныхъ репрессій, личные счеты, доносъ и взятка стали рѣшающими факторами этой организованной Кистяковскимъ юстиціи.

Положеніе адвоката въ подобныхъ дѣлахъ было совершенно безсильно. Приѣзжаетъ, бывало, изъ какого-нибудь городка мать, сестра или жена арестованнаго, устанавливаетъ со слезами на глазахъ гнусную подоплеку дѣла и молитъ о защитѣ. Но что дѣлать и чѣмъ ей помочь? Приходилось обыкновенно ограничиваться составленіемъ какого-нибудь прошенія, которое имѣло единственной цѣлью успокоить несчастную женщину и едва ли когда-либо дѣйствительно помогало арестованному. Если арестъ былъ произведенъ нѣмцами и прошеніе подавалось въ какой-нибудь штабъ, то черезъ нѣсколько дней хоть получался тотъ или иной (обычно, неутѣшительный) отвѣтъ. Если же арестованный числился за «Державной Вартой» или за какимъ-либо «Воеводой» (губернаторомъ), то въ этомъ случаѣ нельзя было рассчитывать даже на отвѣтъ. Въ отдѣльныхъ, наиболѣе серьезныхъ дѣлахъ, когда аресты носили массовый характеръ, мы пытались лично обращаться къ министру юстиціи либо къ прокурору судебной палаты. Насъ обыкновенно принимали очень любезно и обѣщали полное содѣйствіе; тѣмъ дѣло и кончалось. Изъ такихъ крупныхъ дѣлъ я помню въ своей практикѣ случай высылки въ концентраціонный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволеннаго учителя талмудъ-торы; и арестъ нѣсколькихъ десятковъ наиболѣе почтенныхъ обывателей мѣстечка Казатинъ, организованный, съ явно шантажными цѣлями, какимъ-то житомирскимъ портнымъ...

Еще болѣе тяжелый характеръ носили массовыя репрессіи противъ крестьянъ. Были образованы особыя комиссіи по возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ въ революціонную эпоху землевладѣльцамъ. Установленные комиссіями суммы убытковъ безжалостно выколачивались у крестьянъ съ примѣненіемъ начала круговой поруки. Деревня отвѣчала мѣстными возстаніями, подавлявшимися съ большою жестокостью.

Изъ городского населенія больше всѣхъ подвергались репрессіямъ евреи. Гетманское правительство взяло антисемитскій курсъ, котораго и слѣдовало отъ него ожидать. Гетманъ опирался съ одной стороны на нѣмцевъ, съ другой — на правые русскіе круги. Во многихъ отношеніяхъ эти его десница и шуйца расходились и тянули каждая въ свою сторону. Но въ еврейскомъ вопросѣ онѣ были болѣе или менѣе солидарны: и десница, и шуйца не любили евреевъ и приписывали евреямъ всѣ крайности революціи.

Когда, въ концѣ апрѣля 1918 г., Центральная Рада была разогнана, въ новомъ министерствѣ посты министровъ по національнымъ дѣламъ не были заняты, а затѣмъ самыя министерства были упразднены. За ихъ ликвидацію и за отказъ отъ принципа національно-персональной автономіи высказался въ совѣтѣ министровъ, между прочимъ, министръ торговли и промышленности, еврей С. М. Гутникъ. Еврейскій національный совѣтъ, однако, продолжалъ существовать. Имъ мало интересовались, но его не закрывали. Въ главѣ II-ой я указалъ способъ образованія и составъ этого совѣта: въ него входили представители четырехъ партій (3-хъ социалистическихъ и Фольксартай), всего 40 человекъ. Сіонисты бойкотировали Совѣтъ, ортодоксальный «Ахдусъ» не былъ въ него допущенъ. Какъ я указалъ, положеніе Совѣта становилось совершенно ненормальнымъ послѣ того, какъ произведенные всеобщимъ голосованіемъ выборы въ еврейскіе общинные совѣты повсюду доставили большинство сіонистамъ и ортодоксамъ. Теперь, когда за спиной Совѣта уже не было социалистической Рады, онъ совсѣмъ висѣлъ въ воздухѣ. Приходилось либо преобразоваться и включить правыя группы, либо устраниваться.

Мнѣнія по этому вопросу въ Совѣтѣ расходились. «Объед. еврейскіе социалисты», съ Литваковымъ и Хургинымъ во главѣ, заняли совершенно непримиримую позицію. Они отказывались «своими руками передать власть въ руки реакціи». Но Рафесъ, со своимъ реалистическимъ чутьемъ, предлагалъ пойти на компромиссъ. Не считаться съ измѣнившимися условіями, — говорилъ онъ въ своей рѣчи, — не значитъ соблюдать завѣты революціи. Что сказали бы мы о какихъ нибудь 50-ти сѣчевикахъ, которые продолжали бы стоять и, съ бомбами въ рукахъ, охранять опустѣвшее зданіе Рады? И должны ли мы, — сорокъ сѣчевиковъ, — уподобиться имъ и стоять у входа въ Національный Совѣтъ, который превратился въ пустое мѣсто?

Точка зрѣнія Рафеса взяла верхъ. Было рѣшено включить въ составъ Національнаго Совѣта сіонистовъ и Ахдусъ. И послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ принятъ слѣдующій хитроумный модусъ: наличныя партіи сохраняютъ 50% мѣсть и 50% получаютъ вновь вступающія группы.

Нетрудно представить себѣ, сколь плодотворна могла быть работа конструированнаго такимъ образомъ новаго Національнаго Совѣта. По огромному большинству вопросовъ голоса раздѣлялись въ немъ поровну и никакихъ рѣшеній не принималось. Это было абсолютно мертворожденное учрежденіе. Я изрѣдка посѣщалъ засѣданія Совѣта и могъ только удивляться, какъ взрослые люди могутъ такъ безнадежно топтаться на одномъ мѣстѣ.

Къ концу владычества гетмана былъ, по инициативѣ націон. совѣта, созванъ всеукраинскій еврейскій съѣздъ, состоявшій изъ выборныхъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Большинство на съѣздѣ было въ рукахъ сіонистовъ. Съѣздъ избралъ различнаго рода исполнительные органы и даже делегацію на мирный конгрессъ, но работа этихъ учрежденій еще не успѣла обнаружиться, какъ появилась Директорія, воскресившая національную политику Центральной Рады и въ томъ числѣ еврейское министерство во главѣ съ социалистомъ*). А затѣмъ пришли большевики и всѣ національные вопросы были упразднены. . .

Я говорю уже о томъ, что благодаря частичному замиренію, порядку и возстановленію права собственности, эпоха гетмана была для Кіева и всей Украины временемъ высокой конъюнктуры. Дѣйствительно, хотя хозяйственная

* Этотъ постъ занималъ п.-ц. Ревуцкій

жизнь носила нѣсколько взвинченный, спекулятивный характеръ, хотя прочной валюты не было, деньги обезцѣнивались и цѣны росли, — все же лѣтомъ и осенью 1918 года жизнь въ Кіевѣ была ключомъ. Сами нѣмцы, создавшіе у насъ «Ordnung» и сдѣлавшіе возможнымъ хозяйственный подъемъ, позитивно ничѣмъ не могли способствовать благосостоянію оккупированной Украины. Это былъ моментъ наибольшаго экономического истощенія Германіи и нѣмцы ждали отъ насъ питательной манны. Поэтому они, въ нарушение всѣхъ традицій, фигурировали у насъ не какъ импортеры, а исключительно какъ экспортеры. Притомъ предметомъ вывоза въ Германію служило не только продовольствіе и сырье; даже такіе предметы, какъ электрическая арматура и лампочки, скупались нѣмцами въ кіевскихъ розничныхъ магазинахъ и вывозились въ Германію. Снабжали нѣмцы насъ книгами (въ томъ числѣ русскими, въ изданіи Ладыжнкова) и отчасти химическими продуктами, въ частности аптекарскими товарами. Но главная роль ихъ въ хозяйственной жизни была, какъ сказано, роль покупателей. Покупатели же они были крупные и щедрые, платили аккуратно въ германскихъ маркахъ*. Поэтому торгово-промышленный міръ охотно съ ними работалъ.

Огромной заслугой нѣмцевъ было то, что они наладили у насъ транспортъ. Стало опять возможнымъ ѣздить и перевозить грузы по желѣзнымъ дорогамъ. Связь съ Польшей и Германіей была вполнѣ нормальная: изъ Кіева въ Берлинъ поѣзда шли около двухъ сутокъ.

Сравнительное благополучіе Кіева въ гетманское время рѣзко отгѣнялось быстрымъ обнищаніемъ Петрограда и Москвы, подпавшихъ подъ власть большевиковъ. На сѣверѣ начинался уже голодъ, который былъ намъ еще совершенно незнакомъ. А начиная съ осени, послѣ покушенія на Ленина, начался и красный терроръ, съ разстрѣломъ заложниковъ, чрезвычайками и ревтрибуналами.

Всѣ, кто только какъ-нибудь могъ, устремились къ намъ на югъ. Кіевъ, хотя и на короткое время, сталъ подлиннымъ всероссійскимъ центромъ.

Къ намъ переѣхали правленія всѣхъ банковъ, крупные промышленники и финансисты, представители аристократіи, придворныхъ и бюрократическихъ круговъ. За ними потянулась и интеллигенція — адвокаты, профессора, журналисты. Все устремилось въ Кіевъ...

Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1918 г., у насъ, можно сказать, перебивалъ «весь Петроградъ» и «вся Москва». Были основаны газеты съ петроградскими редакторами и сотрудниками, въ театрахъ гастролировали столичные артисты, въ мѣстныхъ банковскихъ филиалахъ пріютились центральныя правленія банковъ.

Городъ былъ переполненъ, найти комнату становилось почти невозможнымъ, квартиры продавались за сотни тысячъ. На улицахъ было необычное оживленіе, кинематографы и театры не вмѣщали всѣхъ жаждавшихъ развлечения, открылись десятки новыхъ кабаре, кафе и игорныхъ клубовъ. Попавъ послѣ московскаго ада въ это кіевское эльдорадо, русскій человекъ кутить, сорилъ деньгами, основывалъ новыя предпріятія и спекулировалъ. Разумѣется, въ этомъ вихрѣ излишествъ кружились только немногочисленные слои богатыхъ и разбогатѣвшихъ. Широкіе же круги Петрограда и Москвы, въ особенности круги

---

* При вступленіи нѣмецкихъ войскъ въ Кіевъ былъ объявленъ обязательный курсъ 1 марка = 66 коп. Затѣмъ курсъ марки былъ повышенъ до 75 коп. Австрійская крона обращалась по курсу 50 коп. Нѣмецкая и австрійская валюты обращались въ публикѣ и охотно принимались по этимъ курсамъ.

интеллигентскіе, снявшись съ мѣстъ, начали тогда свою печальную бѣженскую страду . . .

Не знаю, были ли наши сѣверные гости довольны оказаннымъ имъ приемомъ; думаю даже, что большинство, не имѣвшее въ Кіевѣ родныхъ, могло быть весьма недовольно испытаніями, которыя пришлось пережить въ дорогомъ, переполненномъ и кутящемъ Кіевѣ. Но наша кіевская интеллигентская среда, въ частности адвокатура, была чрезвычайно рада тому оживляющему и стимулирующему контакту со столичными товарищами, которымъ она была обязана ихъ несчастьемъ и изгнанію.

Однажды въ серединѣ іюня, предъ вечеромъ, мнѣ принесли телеграмму со станціи Ворожба отъ М. М. Винавера, извѣщающую о его приѣздѣ въ Кіевъ. Телеграмма не была подписана фамиліей М. М., что указывало на конспиративный характеръ его приѣзда. Я еле успѣлъ выѣхать на вокзалъ ему навстрѣчу. Въ окнѣ подѣзжавшаго поѣзда я увидѣлъ знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ преображенное лицо. Присмотрѣвшись, я замѣтилъ, что М. М. сбрилъ бороду; это одно показало мнѣ, черезъ какія испытанія онъ, должно быть, прошелъ въ послѣдніе мѣсяцы.

М. М. Винаверъ пробылъ тогда въ Кіевѣ, на пути въ Крымъ, недѣли двѣ. На слѣдующій день послѣ приѣзда онъ сообщилъ мнѣ по секрету полученное имъ отъ Григоровича-Барскаго извѣстіе, что П. Н. Милуковъ — также въ Кіевѣ, притомъ также конспиративно, даже съ обритыми усами. Вскорѣ и произошло свиданіе обоихъ кадетскихъ лидеровъ. Вѣсть объ ихъ пребываніи въ Кіевѣ быстро распространилась по городу, а затѣмъ попала и въ печать.

Не буду перечислять всѣхъ перебивавшихъ въ эти мѣсяцы въ Кіевѣ петроградскихъ и московскихъ адвокатовъ. Нашими гостями оказались всѣ видные представители сословія. Число ихъ было такъ велико, что въ цѣляхъ взаимной информации и координированія дѣйствій и петроградцы и москвичи собирались въ общія собранія и избрали исполнительныя бюро обѣихъ группъ. Многіе зачислились въ кіевскую адвокатуру и выступали въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ. —

Установившееся сравнительное спокойствіе и временная остановка процесса обвиненія дали возможность подумать и о научной работѣ. Связь съ Германіей доставляла случай печатать книги по дешевымъ цѣнамъ въ Лейпцигѣ. Представители нѣмецкихъ издательствъ приѣзжали съ этой цѣлью въ Кіевъ и, кажется, были уже подписаны нѣкоторые контракты. Быстрое крушеніе гетманства не дало осуществиться этимъ проэкамъ и, кромѣ карбованцевъ и гривень, ничего въ Германіи для насъ напечатано не было.

Состоявшее при Кіевскомъ университетѣ Юридическое общество, руководимое правою профессурою, бездѣйствовало съ начала революціи. У группы молодыхъ юристовъ, во главѣ съ проф. В. И. Синайскимъ, возникла лѣтомъ 1918 года мысль создать, параллельно съ университетскою, еще одну болѣе живую ассоціацію правовѣдовъ. Вскорѣ такое общество и было основано подъ названіемъ Кіевского О-ва юристовъ «Право и жизнь». Съ осени наше общество стало выпускать еженедѣльный журналъ, также называвшійся «Право и жизнь» и составляемый по образцу заслуженныхъ «Права» и «Вѣстника права и нотаріата». Журналъ дожилъ, кажется, до седьмого или восьмого номера. Набранный въ январѣ 1919 г. очередной выпускъ не былъ разрѣшенъ большевистскою цензурою.

* * *

Нѣмцы, видимо, крѣпко держали въ своихъ рукахъ Украину, Крымъ, Приазовскій край. Отношенія ихъ съ московскимъ совнаркомомъ были какія-то неясныя и нетвердыя *. Но несомнѣнно было одно: они не хотѣли дать большевизму возможность распространиться на плодородный югъ Россіи. И пока германская армія занимала Украину, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Большевики какъ будто признали въ то время независимость «Украинской Державы». Въ Петроградѣ и Москвѣ были учреждены украинскія консульства, которыя стали исполнять функціи, впоследствии оказавшіяся основнымъ назначеніемъ всѣхъ вообще иностранныхъ миссій въ Совѣтской Россіи; а именно, они начали промышленно выдачей болѣе или менѣе законныхъ документовъ объ украинскомъ происхожденіи и подданствѣ. Этимъ способомъ они доставляли тысячамъ возможность выбраться за предѣлы Совѣтскаго государства.

Въ серединѣ лѣта прибыла въ Кіевъ Совѣтская мирная делегачія. Во главѣ ея стоялъ будущій властитель Совѣтской Украины Раковскій.

Въ украинской мирной делегачіи предсѣдательствовали Шелухинъ. Переговоры велись, по большевистскому обычаю, публично, со стенографической записью рѣчей. Для большей продуктивности, объ стороны, прекрасно понимавшія другъ друга, объяснялись черезъ переводчика. Фактически переговоры свелись къ безконечному обмѣну колкостями и не привели ни къ чему. Большевики использовали ихъ для пропаганды и рекогносцировки; но для чего они нужны были украинцамъ и стоявшимъ за ихъ спиной нѣмцамъ, — ты, Господи, вѣси.

Пребываніе нѣмцевъ на Украинѣ совпало съ наиболѣе драматическимъ періодомъ міровой войны — съ грандіознымъ вторичнымъ наступленіемъ германцевъ противъ Парижа и съ послѣдовавшимъ затѣмъ контръ-наступленіемъ Фоша и пораженіемъ германской арміи. Мы принуждены были смотрѣть на всѣ эти событія глазами нѣмцевъ, такъ какъ наша информация ограничивалась нѣмецкими источниками. Официальныя сводки за подписью Людендорфа извѣщали насъ объ успѣхахъ германскаго оружія; попадавшая къ намъ нѣмецкая пресса, какъ водится, раздувала и подогрѣвала эти извѣстія.

Стоявшія у насъ германскія части представлялись намъ чудомъ организованности и дѣловитости. Однако, духъ этой арміи уже давалъ трещины. Правда, офицерство сохраняло свою классическую самоувѣренность и высокомеріе. Но всѣмъ было вѣдомо, что а *parte* тѣ же самые лейтенанты — какъ германскіе, такъ въ особенности австрійскіе — сбавляли тонъ и шибко обдѣлывали всевозможныя дѣла съ русскими, украинскими и еврейскими «лиходателями». Солдаты же расквартированныхъ у насъ нѣмецкихъ частей, набранные изъ наименѣе активныхъ элементовъ арміи, съ самаго начала не проявляли никакого воинскаго энтузіазма. Помню поразившій меня разговоръ между двумя солдатами, читавшими вывѣшенную сводку объ очередной побѣдѣ. «Довольно кормили насъ извѣстіями о тысячахъ плѣнныхъ — мира бы намъ, одного только мира». . . Эти слова были сказаны солдатомъ, на улицѣ, у самаго входа въ комендатуру. Притомъ дѣло было, кажется, еще въ апрѣлѣ 1918 года.

Въ іюлѣ, на пути изъ зданія штаба въ свою квартиру, былъ убитъ брошенной въ него бомбой германскій главнокомандующій фельдмаршалъ Эйхгорнъ.

---

* Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ выражаетъ сожалѣніе по поводу двойственности германской политики въ отношеніи большевиковъ. Слѣдовало, — говоритъ онъ, — въ 1918 г. произвести короткіе удары на Петроградъ и Москву и посадить тамъ другое правительство, хотя бы цѣной измѣненія Брестскаго мира (S. 529).

Почти одновременно съ этимъ, въ Москвѣ, жертвой террористическаго акта палъ германскій посоль графъ Мирбахъ. Эти два факта не вызвали со стороны нѣмцевъ ожидаемой реакціи. Очевидно, Германія не чувствовала себя уже въ силахъ отвѣтить на нихъ такъ, какъ она отвѣтила въ 1900 году китайскимъ боксерамъ на убійство нѣмецкаго посла Келлера...

Аппарансы, впрочемъ, соблюдались до самаго конца. Еще въ сентябрѣ 1918 года, когда положеніе на Западномъ фронтѣ стало уже критическимъ, императоръ Вильгельмъ пригласилъ къ себѣ въ гости гетмана Скоропадскаго, которому показывали заводы Круппа, Кильскія паровозныя верфи и т. д. И по возвращеніи въ Кіевъ, гетманъ заявилъ (эти слова тогда же попали въ прессу), что послѣ всего видѣннаго у него нѣтъ сомнѣній въ необходимости Германіи.

Однако, совершенно скрыть истину становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ. Отступленіе во Фландріи и параллельное отступленіе полицейски-монархическаго режима на внутреннемъ фронтѣ довольно явно обнаруживали приближеніе роковой развязки. А затѣмъ пришло 9 ноября 1918 года, образованіе правительства Эберта въ Берлинѣ и — «Soldaterrat» въ Кіевѣ.

Внезапный разгромъ германской арміи и заключеніе перемирія на продиктованныхъ ей убійственныхъ условіяхъ тотчасъ же отразились на направленіи внутренней политики гетманскаго правительства. Политика эта, съ самаго начала гетманства, была совершенно безпринципной. Единственнымъ постояннымъ элементомъ въ правительственной программѣ было угожденіе нѣмцамъ. Нѣмцы, повидимому, хотѣли образованія независимой Украины*); поэтому гвардейскій офицеръ Скоропадскій сталъ украинскимъ націоналистомъ и самостійникомъ. Но его націонализмъ, какъ и націонализмъ его приближенныхъ и министровъ, не могъ быть искреннимъ; это былъ лицемѣрный, притворный націонализмъ. Когда Грушевскій и Винниченко производили украинизацію и боролись противъ русскаго языка, это могло казаться некультурнымъ и вреднымъ, но во всякомъ случаѣ это было осуществленіе мечты всей ихъ жизни. Но когда насъ стали украинизировать Скоропадскій и Игорь Кистяковскій, то это сугубо оскорбляло и коробило своимъ напускнымъ, дѣланымъ характеромъ.

Опираясь на тѣ круги, на которые опиралось правительство гетмана, — то-есть на помѣщиковъ, буржуазію и старое чиновничество, — невозможно было проводить на дѣлѣ украинизаторскую политику. Въ концѣ концовъ, люди, не умѣвшіе говорить по-украински, не могли украинизировать, какими бы національными титулами ихъ не называли. Потому-то весь историческій церемониаль, которымъ окружалъ себя гетманъ, — всѣ эти хорунжіе, бунчуковые, атаманы и старшины, — производили впечатлѣніе дурного маскарада. А дѣловыя учрежденія — министерства, суды — подъ новыми украинскими наименованіями сохраняли свою прежнюю русскую сущность**.

Полнѣйшая безпринципность гетмана какъ нельзя лучше проявилась въ послѣдній мѣсяцъ его правленія. Въ первыхъ числахъ ноября въ нашихъ «сферахъ» отчего-то взяло верхъ національно-украинское теченіе. Кабинетъ былъ

* За отдѣленіе Украины стояли, по крайней мѣрѣ, германскіе правительственные и парламентскіе круги. Высшее военное командованіе какъ будто предпочитало въ качествѣ германскаго вассала единую Россію.

** «Кіевская Судовая Палата», въ которую былъ преобразованъ учрежденный Радой «Апелляційный судъ», была фактически возстановленной Судебной Палатой; во главѣ ея вновь сталъ Д. Н. Григоровичъ-Барскій. А «Державный Сенатъ», въ который превратился прежній «Генеральный Судъ», фактически сдѣлался кіевскимъ отдѣленіемъ Правительствующаго Сената.

преобразованъ, въ него вошли социалисты-федералисты и былъ взятъ рѣзко-украинскій курсъ. Но прошли двѣ недѣли, принесшія съ собой германскую революцію и конецъ войны, и картина перемѣнилась съ фантастической быстротой. Украинствующій кабинетъ ушелъ въ отставку, ушелъ даже умѣренный премьеръ Лизогубъ. Мѣсто председателя Совѣта Министровъ получилъ царскій министръ земледѣлія Гербель, въ министерство внутреннихъ дѣлъ вернулся преобразенный Кистяковскій и былъ открыто провозглашенъ курсъ на «единую, недѣлимую Россію».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ правительственной политикѣ произошелъ рѣзкій поворотъ вправо. Доминирующую роль стали играть пріѣхавшіе изъ Петрограда генералы, установился контактъ Кіева съ Добровольческой Арміей, которая тогда шла въ значительной мѣрѣ подъ реакціонными лозунгами. И первымъ актомъ новаго правительства былъ вооруженный разгонъ безобидной студенческой манифестаціи, повлекшій за собой много жертвъ.

Однако, «россійскій» и правый кабинетъ гетмана просуществовалъ всего одинъ мѣсяць; образованіе этого кабинета послужило сигналомъ къ возстанію Петлюры, которое закончилось паденіемъ гетманщины.

Петлюра, бывшій въ то время председателемъ кіевской губернской земской управы, лѣтомъ 1918 года былъ признанъ недостаточно «эволюціоннымъ» социалистомъ и упрятанъ Игоремъ Кистяковскимъ въ Лукьяновскую тюрьму. Но эфемерное національно-украинское министерство въ началѣ ноября освободило его. А 15-го того же ноября онъ, вмѣстѣ съ Винниченко, выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлую-Церковь и выпустилъ тамъ воззваніе отъ имени «Директоріи Украинской Народной Республики», въ которомъ призывалъ народъ къ возстанію и сверженію гетмана.

«Это — авантюра!» съ апломбомъ твердили у насъ всѣ, кто только говорилъ о политикѣ. Объ «авантюрѣ Петлюры» и объ его «бандахъ» писала «Кіевская Мысль» и вся остальная пресса. Однако, эта авантюра все распространялась и усиливалась и, въ концѣ концовъ, вплотную подошла къ Кіеву. Правительство гетмана металось въ безсильной злобѣ, вело переговоры съ высадившимися въ Одессѣ войсками союзниковъ, производило мобилизацію*. Но все это было напрасно. «Авантюра» Петлюры была ужъ очень скороспѣлой и его армія, созданная за 2 недѣли, не могла быть сильна. Но гетманъ, со своими хоруужими и министрами, не опирался ни на кого и не могъ создать никакой арміи...

Нѣсколько дней Кіевъ былъ въ осадѣ, ощущался недостатокъ въ продуктахъ, цѣны подскочили, хлѣбъ стоилъ 3 рубля фунтъ. Союзники все не появлялись, никакой помощи ни извнѣ, ни изнутри подоспѣть не могло и, 14 декабря 1918 года, министерство вынесло постановленіе о сдачѣ города. Власть была передана демократической Городской Думѣ, которая нѣсколькими мѣсяцами раньше была распущена и замѣнена «Комиссіей по дѣламъ городского хозяйства» съ И. Н. Дьяковымъ во главѣ. Теперь, въ послѣдній часъ, гетману пришлось потревожить «революціонную реликвию» — Е. П. Рябцова, которому, по традиціи, была вручена власть надъ городомъ въ эти переходные дни.

Въ Кіевъ вступили войска Директоріи, во главѣ съ командиромъ «осаднаго корпуса» галичаниномъ Коновальцемъ.

* 1 декабря былъ объявленъ призывъ 20-тилѣтнихъ, черезъ недѣлю — мобилизація всѣхъ мужчинъ отъ 20—30 лѣтъ. Главнокомандующимъ гетманскими войсками былъ графъ Келлеръ.

Какъ могло случиться, что правительство гетмана, державшееся 8 мѣсяцевъ и установившее во всей странѣ относительный порядокъ, исчезло съ лица земли въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль, почти безъ борьбы и сопротивленія? Ключъ къ разрѣшенію загадки былъ, разумѣется, въ той позиціи, которую заняли въ отношеніи возстанія Петлюры нѣмцы. У насъ настолько прочно укоренилась увѣренность, что на Украинѣ ничто не происходитъ противъ воли нѣмцевъ, что неожиданный успѣхъ возстанія многіе стали объяснять прямымъ содѣйствіемъ и руководительствомъ съ ихъ стороны. Въ дѣйствительности, однако, никакой прямой помощи нѣмецкія войска повстанцамъ не оказывали; содѣйствіе ихъ выражалось, пожалуй, только тѣмъ, что отдѣльные нѣмецкіе отряды охотно давали себя обезоруживать и такимъ образомъ снабжали войска Директоріи оружіемъ. Но не помогали нѣмцы и гетману. А безъ ихъ помощи вся гетманская держава должна была моментально лопнуть, какъ мыльный пузырь.

Нѣмецкій нейтралитетъ во время возстанія Петлюры не объяснялся ни сочувствіемъ повстанцамъ, ни (какъ нѣкоторые говорили) злокозненнымъ желаніемъ оставить на Украинѣ хаосъ и тѣмъ повредить Антантѣ. Лучшее объясненіе этого нейтралитета заключается въ приведенныхъ мною выше словахъ, которыми лейтенантъ Бюттнеръ мотивировалъ прекращеніе дѣла П. о шпионажѣ: «Es macht keinen Spröß mehr». . . У истощенной, уставшей и разочарованной германской арміи не было ни малѣйшей охоты проливать кровь ни за, ни противъ гетмана. Ей хотѣлось возвратиться поскорѣе домой: въ этомъ заключалась вся ея политическая платформа.

Войска Директоріи вступили въ Кіевъ, на Софійской площади былъ устроенъ парадъ; самой Директоріи, пріѣхавшей нѣсколькими днями позже, была устроена торжественная встрѣча на вокзалѣ. Произошла очередная — по счету четвертая — перемѣна власти.

Первые дни Директоріи живо напомнили мнѣ начало ноября 1917 года, когда впервые надъ нами получили власть украинцы. Сразу въ политикѣ и общественности установился тотъ же грубоватый* и вызывающій тонъ. Но только на этотъ разъ наши властители, имѣя за собой феерическій успѣхъ поднятаго ими возстанія, чувствовали себя уже подлинными національными героями. Поэтому время владычества Директоріи — какихъ-нибудь шесть недѣль — было временемъ самаго необузданнаго украинскаго націонализма и руссофобства. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это было время неслыханно-кровавыхъ и жестокихъ еврейскихъ погромовъ.

Единственное административное мѣропріятіе, которое Директорія успѣла не только декларировать, но и осуществить, было снятіе всѣхъ имѣвшихся въ городѣ русскихъ вывѣсокъ и замѣна ихъ украинскими. Центръ тяжести приказа лежалъ не въ томъ (какъ обычно бываетъ), чтобы каждый магазинъ имѣлъ обязательно украинскую вывѣску, а въ томъ, чтобы русскія вывѣски были обязательно сняты. Русскій языкъ не допускался даже наряду съ украинскимъ. Вывѣски же на иностранныхъ языкахъ не подлежали снятію. Приказъ о немедленной украинизаціи вывѣсокъ — частнымъ образомъ — мотивировался тѣмъ, что галиційскія войска, которыхъ Петлюра призвалъ освободить Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладѣвъ наконецъ Кіевомъ, оказались

* Характерно въ этомъ отношеніи то, что народный вождь Петлюра, для поднятія дисциплины въ своихъ войскахъ, — ввелъ наказаніе розгами!

въ совершенно русскомъ городѣ. Между тѣмъ, для нихъ-то русскій языкъ быть дѣйствительно чуждъ и мало понятенъ. И вотъ, уступая чувствамъ своихъ войскъ, атаманъ Коновалецъ издалъ свой историческій приказъ, слѣды котораго долго еще напоминали киевлянамъ объ эфемерномъ владычествѣ Директоріи.

Въ большинствѣ случаевъ — тамъ, гдѣ вывѣски содержали только фамилію владѣльца магазина — реформа ограничилась измѣненіемъ орфографіи. Въ серединѣ словъ «п» были замѣнены «і», въ окончаніи, напротивъ, «і» замѣнялись «п». Такъ, «Вишневскій» превращался въ «Вішневський» и т. п. Твердые знаки исчезли безвозвратно. Ал. Яблоновскій острить потомъ въ одномъ фельетонѣ, что киевскіе спекулянты усиленно скупали въ эти дни всѣ твердые знаки, снимаемые съ вывѣсокъ, рассчитывая, при слѣдующемъ переворотѣ, на большой спросъ на этотъ товаръ. — Реформа именъ нарицательныхъ на вывѣскахъ была болѣе радикальна. «Столовая» превращалась въ «ідалню», «парикмахерская» — въ «голярню», «женскія болѣзни» — въ «жиночи хороби».

Весь городъ въ эти веселые дни представлялъ собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лѣстницъ, ведеръ съ красками и т. п. Особые патрули расхаживали по городу и провѣряли, исполненъ ли приказъ. Въ случаѣ какихъ либо орфографическихъ сомнѣній они же разрѣшали ихъ съ авторитетностью академіи наукъ . . .

Наряду съ націонализмомъ, Директорія воскресила въ усиленномъ видѣ еще одну традицію начальной эпохи Рады: соревнованіе съ большевиками въ лѣвизнѣ. Составъ правительства былъ сплошь социалистическій, причемъ преобладающее значеніе имѣли у. с.-д. и у. с.-р. Въ самой Директоріи руководящей фигурой былъ ея предсѣдатель Винниченко. Окруженный ореоломъ славы Петлюра былъ занятъ войсковыми дѣлами. Остальные члены Директоріи — Швець, Андріевскій и Макаренко — не имѣли значенія. А Винниченко, всегда принадлежавшій къ наиболѣе лѣвому флангу національно-украинскаго движенія, сталъ тогда все болѣе и болѣе, какъ выразились бы теперь, «большеви-занствовать».

Вопросы государственнаго строя возрожденной Украинской Народной Республики были совершенно не выяснены. Ясно было одно: родившаяся изъ народнаго возстанія Директорія должна была опираться на народныя массы. Въ прежнія времена такая предпосылка повела бы къ установленію демократической конституціи, всеобщаго избирательнаго права и т. д. Но вѣдь съ 25 октября 1917 года «nous avons changé tout cela»: демократизмъ былъ объявленъ опаснѣйшимъ изъ буржуазныхъ предрасудковъ. Потому-то Директорія, по примѣру большевиковъ, предпочла ввести аристократію на-изнанку. И воплощеніемъ этого псевдо-народнаго принципа долженъ былъ явиться своеобразный представительный органъ — «Трудовой Конгрессъ».

По закону о выборахъ въ Трудовой Конгрессъ избирательными правами обладали три сословія: крестьяне, рабочіе и трудовая интеллигенція. Собственники, промышленники и торговцы были лишены права голоса. При этомъ весьма любопытна была конструкція представительства отъ третьей группы — «трудовой интеллигенціи». По инструкціи о выборахъ, въ ея первоначальной редакціи, адвокаты, профессора и врачи были исключены изъ числа избирателей. Званіе трудового интеллигента удѣлялось только сельскимъ учителямъ, служащимъ и, — въ качествѣ представителей медицины, — фельдшерамъ. Повидимому, кто-то обратилъ вниманіе Директоріи на вызывающій и каррикатурный характеръ

этой инструкції и, въ концѣ концовъ, наряду съ фельдшерами были допущены и врачи. Адвокаты и профессора также удостоились права голоса. Всѣ интеллигентскія группы въ своей совокупности имѣли, однако, столь ничтожное представительство, что ихъ голоса не имѣли никакого реального значенія.

Среди заинтересованныхъ круговъ города Кіева, предъ созывомъ Трудового Конгресса, довольно горячо обсуждался вопросъ: участвовать ли въ этихъ выборахъ? Была образована комиссія изъ представителей Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, союза врачей, профессоровъ, союза младшихъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, союза инженеровъ, учителей и другихъ интеллигентскихъ группъ. Этой комиссіи, которая получила названіе «контактной», было поручено вынести рѣшеніе по вопросу объ участіи въ выборахъ, а при нуждѣ и руководить самой выборной кампаніей. Большинство въ комиссіи оказалось противъ бойкота и въ выборахъ мы участвовали.

Помню, какъ мы съ д-ромъ Г. Б. Быховскимъ и пр.-доц. А. К. Елачичемъ составляли, по порученію контактной комиссіи, какое-то предвыборное воззваніе. Помню и собраніе адвокатовъ, на которомъ избирались представители на «Губернскій съѣздъ уполномоченныхъ трудовой интеллигенціи». Помню, наконецъ, и самый Губернскій съѣздъ.

Съѣздъ засѣдалъ въ залѣ Купеческаго собранія и продолжался день или два. Выборы депутатовъ въ Конгрессъ производились по спискамъ, согласно пропорціональной системѣ. Всѣ украинскія группы выдвинули блоковый списокъ; кромѣ того, были выставлены списки с.-р., с.-д. и «безпартійной интеллигенціи». Этотъ послѣдній списокъ и принадлежалъ нашей контактной комиссіи; его поддерживало подавляющее большинство делегатовъ адвокатуры, врачей, профессоровъ и т. д. Вѣроятно, онъ нашелъ бы сторонниковъ и среди другихъ группъ. Но запуганность наша въ отношеніи украинскаго засилія была такъ велика, что было рѣшено объединить всѣ неукраинскіе голоса на какомъ-либо одномъ списокѣ, чтобы провести хоть одного депутата-неукраинца. Выборъ палъ на списокъ № 2 — с.-д. меньшевиковъ, возглавляемый бывшимъ министромъ труда во Временномъ Правительствѣ, Гвоздевымъ. Списки с.-р. и нашъ были сняты, всѣ мы голосовали за списокъ № 2 и, къ удивленію и досадѣ, въ конечномъ результатѣ провели не только оборонца Гвоздева, но и слѣдовавшаго за нимъ кандидата — интернаціоналиста П. С. Биска. Остальныя мѣста были заняты кандидатами украинскаго блока.

Какъ производились выборы въ уѣздахъ, по деревнямъ и мѣстечкамъ, при отсутствіи свободной прессы, полнымъ административномъ произволѣ и совершенной пассивности непартійныхъ массъ, — вообразить нетрудно.

Трудовой Конгрессъ собрался въ январѣ 1919 года, за нѣсколько дней до взятія Кіева большевиками. Представители Директоріи выступили на немъ съ декларативными заявленіями; ихъ усиленно критиковали слѣва (въ частности критиковалъ ихъ Рафесъ, ставшій уже на платформу совѣтской власти); затѣмъ ихъ переизбрали, и Конгрессъ закрылся. Это было какое-то повтореніе — *mutatis mutandis* — съѣзда клѣборобовъ въ циркѣ, избравшаго 29 апрѣля 1918 года гетмана: та же инсценированность, то же самозванство, то же фактическое безсиліе номинально-всесильнаго собранія; но только безъ нѣмецкаго солдата съ пулеметомъ на крышѣ...

Въ области административной дѣятельности Директорія доказывала свою лѣвизну объявленіемъ о провѣркѣ сѣфовъ, изытіемъ цѣнностей у ювелировъ и многочисленными арестами. Эти послѣдніе производились такъ безпорядочно и безконтрольно, что трудно было установить, гдѣ былъ арестъ, а гдѣ налетъ и похищеніе. Многократно и въ худшемъ видѣ повторялась исторія съ А. Ю. Добрымъ.

Время Директоріи вообще было для города Кіева эпохой хулиганства *par excellence*. Изъ всѣхъ властей, которыя царили надъ нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшіеся хулиганы спѣшили снять сливки съ понаѣхавшей въ Кіевъ при гетманѣ денежной публики. Импровизированная армія, которая совершила возстаніе, была, разумѣется, полна всяческихъ авантюристовъ; поэтому налетчики иногда носили форму казаковъ или старшинъ. Дѣйствовали они обычными приемами: выслѣдивъ жертву, являлись въ квартиру, начинали какой-нибудь разговоръ, а улучивъ удобную минуту, приставляли къ виску револьверъ и предъявляли свои требованія. Уходя, для острастки, оставляли въ квартирѣ, у выходныхъ дверей, пару ручныхъ гранатъ, — которыя затѣмъ часто оказывались незаряженными.

Бороться противъ налетовъ было очень трудно, и случаевъ ареста налетчиковъ, насколько я помню, почти не было. Во всѣхъ домахъ функционировали охраны изъ жильцовъ; но, какъ всегда, онѣ были совершенно безсильны.

Чтобы получить полную картину жизни Кіева въ эти недѣли, необходимо еще прибавить къ этому угрозу большевистскаго наступленія, которая все болѣе и болѣе выдвигалась на авансцену. Конечная катастрофа — занятіе города большевиками — казалась почти неизбежной. На украинскую армію, послѣ опыта 1918 года, особой надежды не было. Правда, въ Одессѣ уже были войска союзниковъ и стоустая молва всячески старалась преувеличить силы этого десанта. Но Директорія со своими друзьями слѣва не могла призвать на свою защиту капиталистическихъ варяговъ. Говорили о расколѣ, существовавшемъ по этому вопросу между «большевизанствующимъ» Винниченко и болѣе умѣреннымъ Петлюрой; что у послѣдняго не было бы принципиально-соціалистическихъ сомнѣній въ возможности такого алліанса, — это онъ доказалъ впоследствии своимъ союзомъ съ Польшей. Да и вскорѣ послѣ паденія Кіева, въ Винницѣ, какъ потомъ выяснилось, Петлюра велъ переговоры съ французскимъ консуломъ Эно и другими одесскими дипломатами и генералами Антанты.

Но въ декабрѣ и январѣ ни Петлюра, ни солидарный съ нимъ военный министръ Грековъ не могли рѣшиться на открытый шагъ въ сторону союзниковъ. Директорія обмѣнивалась нотами и съ Москвой, и съ Одессой: Москва отвѣчала на ноты и продвигала свои войска на югъ; Одесса также отвѣчала, но войска на сѣверъ не двигала. Нетрудно было предвидѣть, кто окажется раньше въ Кіевѣ.

Кіевляне это и предвидѣли.

Съ первыхъ же недѣль господства Директоріи начался исходъ новыхъ и старыхъ кіевлянъ за-границу и въ Одессу.

Переселившіяся къ намъ при гетманѣ «вся Москва» и «весь Петроградъ» двинулись въ путь дальше, къ слѣдующему этапу своего бѣженства. За ними потянулся и «весь Кіевъ».

Пессимисты, считавшіе, что уѣзжаютъ надолго, старались пристроиться къ отъѣзжавшимъ нѣмецкимъ эшелонамъ и направлялись черезъ Польшу въ Берлинъ. Оптимисты, рассчитывавшіе на скорое избавленіе и на помощь союзниковъ, устремлялись въ Одессу. Уѣзжали всѣми способами и путями, уѣзжали даже украинскіе дѣятели, превращавшіеся для этого въ пословъ и атташе... Уѣзжали за большія деньги и за большія взятки.

Съ тяжелой душой мы съ женой рѣшили остаться въ Кіевѣ. Мы стали ждать прихода большевиковъ.

IV. Большевики

(февраль—августъ 1919 года)

Междувластье. — Первыя впечатлѣнія. — «Жилищная политика совѣтской власти.» — Стратегическое переселеніе буржуазіи. — Большевикъ-идеалистъ. — Професс. союзы. — Въ юридич. отдѣлѣ Совнархоза. — Судебная реформа. — Мой товарищъ Звонштейнъ. — Праздникъ просвѣщенія. — Работа въ школѣ для взрослыхъ. — Наркомвоенъ, Предсовнаркомъ, Наркомсобезъ. — Губчека и Вучека. Лацисъ. — Жертвы: Раичъ, Приступа, Науменко, Горбуновъ, Пересвѣтъ-Солтанъ. — Дѣлопроизводство Чрезвычайки. — Городская жизнь и городскія настроенія. — Военныя дѣла большевиковъ. Повстанцы. — Наступленіе Добровольческой арміи. — Кіевъ предъ эвакуаціей. Петерсъ и послѣднія жертвы Че-ка.

Войска Директоріи оставили Кіевъ заблаговременно и съ преувеличенной поспѣшностью. Большевики были еще не близко и никакъ не могли вступить въ городъ тотчасъ же послѣ ея эвакуаціи. Поэтому между уходомъ однихъ и приходомъ другихъ образовался нѣкоторый вакуумъ — періодъ безвластья, когда никто нами не володѣлъ и никакого начальства въ Кіевѣ не было.

Періодъ этотъ продолжался цѣлую недѣлю. За это время все населеніе убѣдилось въ томъ, что отсутствіе правительства есть тоже своего рода форма государственнаго строя, притомъ, пожалуй, не самая худшая форма. Царило совершенное спокойствіе, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ѣздили. Было только какъ-то неуютно-тихо...

Ожиданіе большевиковъ стало уже нѣсколько надоѣдать, а Директорія почувствовала неловкость изъ-за своего не въ мѣру поспѣшнаго бѣгства. Снова стали поговаривать о предстоящемъ приходѣ французовъ изъ Одессы и былъ изданъ какой-то приказъ о мобилизаціи. Въ этомъ приказѣ, между прочимъ, дезертирамъ угрожали каторжной работой на срокъ 15—20 лѣтъ; это звучало довольно комично въ устахъ власти, которой, по всеобщему (и въ томъ числѣ ея собственному) мнѣнію, оставалось существовать не болѣе нѣсколькихъ дней... Былъ еще какой-то шутовской приказъ, предостерегавшій населеніе отъ губельнаго дѣйствія «химическихъ лучей», которые будутъ пущены въ ходъ противъ большевиковъ. Объ этомъ новомъ смертоносномъ оружіи, будто бы употреблявшемся на Западномъ фронтѣ, уже давно шли разговоры. Въ дѣйствительности, это былъ мифъ. И со стороны главнаго командованія Директоріи «пугать» такимъ образомъ врага (подобно тому, какъ говорятъ, китайцы нѣкогда рисовали декорации крѣпостей) было недостойнымъ и неумѣстнымъ фарсомъ.

Такъ прошло нѣсколько сравнительно спокойныхъ дней, въ которые многіе, не успѣвшіе уѣхать въ дни паники 28—29 января, выѣхали въ болѣе сносныхъ условіяхъ въ Одессу.

Въ концѣ концовъ, однако, — это было, помнится, 6 февраля 1919 года, большевистскія войска вступили въ Кіевъ.

На этотъ разъ приходъ большевиковъ обошелся безъ избіеній и разстрѣловъ. Первое наше специфическое переживаніе, связанное съ совѣтской властью, были солдатскіе посты, которые расположились по всеѣмъ лучшимъ домамъ города.

Большевики оправдывали необходимость расквартированія войскъ по частнымъ домамъ тѣмъ, что украинскія части, уходя, привели казармы въ совершенно нежилое состояніе: выломали окна, сожгли нары, испортили водопроводъ и т. д. Это былъ, дѣйствительно, варварскій пріемъ; онъ лишній разъ подтверждаетъ уже высказанное мною наблюденіе о той распоясанности, съ которой уходящая власть поступаетъ въ отношеніи мирнаго населенія города. Въ самомъ дѣлѣ, Совѣтскія войска ничуть не пострадали оттого, что казармы оказались загаженными и необитаемыми: они тѣмъ удобнѣе размѣстились по «буржуазнымъ» квартирамъ. Но легко вообразить, каково было обитателямъ этихъ квартиръ въ присутствіи такихъ гостей. Первые недѣли пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ по всему городу стоялъ настоящій стонъ отъ требованій и издѣвательствъ, которыя приходилось переносить жителямъ отъ своихъ новыхъ постояльцевъ. Все наперерывъ рассказывали другъ другу о поведеніи стоявшихъ у нихъ красноармейцевъ.

Хуже всего солдаты вели себя въ квартирахъ, оставленныхъ хозяевами. Тогда появился терминъ «бѣжавшій буржуй», вполне соответствовавшій древнеримскому *sacer* или германскому *friedlos*. Имущество «бѣжавшихъ» отдавалось — и *de jure*, и *de facto* — на потокъ и разграбленіе.

Вскорѣ начались повальные обыски. За нѣсколько дней предъ ними были изданы громовой приказъ объ обязательной сдачѣ оружія. А затѣмъ патрули, подъ начальствомъ чекистовъ, стали обходить одинъ домъ за другимъ въ поискахъ не сданнаго оружія. Настоящаго обыска, разумѣется, при этомъ произвести не могли: это отняло бы слишкомъ много времени въ каждой квартирѣ. А при поверхностномъ осмотрѣ, конечно, невозможно было обнаружить оружія, даже если бы таковое дѣйствительно было припрятано. Такъ эти повальные обыски и свелись къ трепкѣ нервовъ для обывателей и къ нѣкоторой возможности «незаконнаго обогащенія» для обыскивающихъ.

Еще при директоріи въ Кіевѣ нелегально существовалъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ которомъ большинство принадлежало фракціи большевиковъ. Съ вступленіемъ совѣтской власти онъ вышелъ на поверхность и избранный имъ «Исполкомъ» принялъ бразды правленія городомъ.

Предсѣдателемъ Исполкома былъ въ это время Бубновъ, человекъ энергичный и рѣчистый, который очень хорошо позировалъ подъ завоевателя. Онъ принялся съ перваго же дня «разносить» сохранившіеся въ Кіевѣ остатки буржуазіи.

На городъ была наложена контрибуція въ размѣрѣ 200 милліоновъ рублей — тогда это была колоссальная сумма, собрать которую было совершенно невозможно. Образовались комисіи и подкомисіи для распределенія контрибуціи между отдѣльными категоріями «буржуевъ» — сахарозаводчиками, торговцами, банкирами, домовладѣльцами и т. д. Такъ какъ большинство внесенныхъ въ проскрипціонные списки оказались въ отсутствіи, то Чека, которой

было поручено взысканіе контрибуціи, арестовывало женъ, дѣтей и служащихъ въ качествѣ заложниковъ. Ихъ затѣмъ выкупали . . .

Одновременно съ наложеніемъ на городъ контрибуціи, на насъ какъ изъ рога изобилія посыпались мобилизаціи. До этого времени мы знали только одинъ видъ мобилизаціи — призывъ на военную службу. Теперь оказалось, что и помимо военного призыва каждый человѣкъ можетъ быть мобилизованъ. Мобилизовались врачи, инженеры, техники, фельдшера, санитары, ветеринары, артисты; регистрировались, въ виду предстоящей мобилизаціи, юристы. Люди, съ сотворенія міра, занимались добровольно каждый своимъ дѣломъ; безъ этого они умерли бы съ голода. Но явились большевики и оказалось, что работать можно только по мобилизаціи.

Самый тяжелый видъ мобилизаціи это была «мобилизація буржуазіи». Мобилизованныхъ посылали на принудительныя работы, — разумѣется, самыя тяжелыя и отвратительныя, и въ самыхъ невыносимыхъ условіяхъ, моральныхъ и физическихъ. Въ категорію «буржуевъ» входили и «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Освобождались отъ мобилизаціи совѣтскіе служащіе (въ ту эпоху это было еще вполнѣ привилегированное сословіе); страхъ предъ принудительными работами побудилъ многихъ искать прибѣжища въ какомъ-нибудь изъ быстро размножавшихся учрежденій.

Солдатскіе посты продолжались сравнительно недолго — недѣли четыре, — такъ какъ часть арміи была постепенно выведена изъ Кіева и продвинута дальше на югъ. Солдатъ гарнизона, въ концѣ концовъ, переселили въ казармы; самимъ большевикамъ стало ясно, что пребываніе въ «буржуазныхъ квартирахъ» ужъ слишкомъ развращаетъ ихъ и отбиваетъ всякую охоту служить.

Но освобожденные отъ постоя обыватели сейчасъ же начали испытывать прелесть реквизиціи. Это излюбленное словцо большевистской терминологіи, примѣняемое рѣшительно ко всѣмъ родамъ и видамъ жизненныхъ благъ, самый ужасный свой смыслъ приобрѣтаетъ въ отношеніи жилыхъ помѣщеній. Всякій человѣкъ, имѣющій хоть минимальныя культурныя потребности и привычки, дорожитъ своимъ жильемъ. И опасность ежеминутно его лишиться, которая живетъ въ Россіи въ сознаніи всѣхъ и cadaго, — кладетъ особый отпечатокъ на человѣческое прозябаніе подъ властью совѣтовъ.

Для большевиковъ же реквизиція помѣщеній, уплотненіе и выселеніе — это неизбѣжный, естественно-необходимый атрибутъ власти. Никакія перемѣны курса и политики не могутъ ничего измѣнить въ немъ. Даже противъ своей воли они не могутъ къ нему не прибѣгать . . .

Учрежденія растутъ какъ грибы, служащіе плодятся и размножаются, все организованное реорганизуется и снова реорганизуется: для всего нужны новыя и новыя помѣщенія. Изъ Харькова, вскорѣ по занятіи Кіева большевиками, долженъ былъ переселиться украинскій совнаркомъ и уже съ нимъ; по этому поводу въ Кіевъ были присланы «квартиреры» (характерное слово, перешедшее изъ терминологіи штабовъ и казармъ въ словоупотребленіе совдеповъ и исполкомовъ), съ порученіемъ реквизировать, кажется, 3000 комнатъ. При гетманѣ у насъ существовали всѣ министерства, вплоть до министерства здравоохраненія, и всѣ они имѣли вполнѣ комфортабельныя помѣщенія. Казалось бы, отчего не вѣхать каждому наркому по своему вѣдомству и дѣло съ концомъ? Такъ рассуждали мы, непосвященные профаны. А совнаркомъ прислалъ квартиреровъ и онъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ: сколько бы они не реквизировали квартиръ и комнатъ, все было недостаточно.

Осуществленіе «жилищной политики» большевиковъ началось въ Кіевѣ съ восхитительнаго по формѣ приказа коменданта города — матроса съ какой-то односложной фамиліей. Приказъ этотъ предлагалъ томящимся въ подвалахъ рабочимъ переселиться въ хоромы ихъ бывшихъ эксплуататоровъ и заканчивался словами: «а буржуазію переселить въ подвалы и потѣснить».

Затѣмъ стали рыскать по городу «квартирьеры», которые брали на учетъ «лишнія» комнаты и объяснялись съ протестующими хозяевами. Комнаты эти немедленно заполнялись совѣтскими сотрудниками, приносившими свои мандаты и удостовѣренія. Послѣ этого на городъ налетѣла саранча сотрудниковъ изъ Харькова: для нихъ реквизировали цѣлые этажи, расселяя несчастныхъ жильцовъ, не въ счетъ уплотненія, по остальнымъ этажамъ дома. И наконецъ начались выселенія цѣлыхъ домовъ — для переселенія рабочихъ и по стратегическимъ соображеніямъ. Въ освобожденные специально для рабочихъ дома, при посредствѣ профессиональныхъ союзовъ, попадали въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣ же совѣтскіе сотрудники.

Огромный домъ, въ которомъ мы жили, оказался первой жертвой «комиссіи по стратегическому переселенію буржуазіи». Эта комиссія и руководившія ею стратегическія соображенія — это было какое-то вопіющее издѣвательство надъ здравымъ смысломъ. Какія военныя дѣйствія имѣла въ виду эта стратегія, оставалось неизвѣстнымъ. Уличныхъ боевъ не ожидалось и не было; а если бы они и были, то всякая квартира съ окнами на улицу имѣла одинаковое «стратегическое значеніе». Тѣмъ не менѣе образовалась специальная комиссія, съ полагающимся штатомъ «отвѣтственныхъ» и «техническихъ» сотрудниковъ, и начала намѣчать свои жертвы. Во главѣ комиссіи стоялъ 18-тилѣтній стратегъ Шейнишъ.

Стратегическая Комиссія какъ-то являлась къ намъ, осматривала съ серьезнымъ видомъ подвалы и другія помѣщенія, сдѣлала распоряженіе объ отводѣ помощникамъ швейцаровъ комнатъ въ барскихъ квартирахъ партера* и удалилась. Посѣщеніе стратегической комиссіи носило настолько несолидный характеръ, что какъ-то не вѣрилось въ возможность серьезныхъ результатовъ этого визита. Однако, черезъ нѣсколько дней нашъ Домовый Комитетъ получилъ приказъ, какъ обухомъ ударившій насъ по головѣ.

Я очень жалѣю, что не сохранилъ копій этого приказа; онъ достоинъ помѣщенія въ музей. Приказъ гласилъ, что жильцы трехъ верхнихъ этажей должны въ теченіе 24 часовъ оставить свои квартиры. Взять съ собой разрѣшалось по 2 смѣны бѣлья и, на каждаго члена семьи, по одной ложкѣ, вилкѣ, ножу, тарелкѣ и проч. Все остальное предписано было оставить въ квартирахъ.

Одновременно съ объявленіемъ намъ приказа стратегической комиссіи, на лѣстницахъ между несчастнымъ седьмымъ и шестымъ этажами, были поставлены красноармейцы, которые слѣдили за тѣмъ, чтобы никакія вещи не переносились изъ обреченныхъ квартиръ въ нижнія... Тѣмъ не менѣе, разумѣется, главной заботой всѣхъ верхнихъ жильцовъ было именно стремленіе спустить такъ или иначе все портативное имущество въ тѣ квартиры, которыя должны были

* Противъ переселенія швейцаровъ и мальчиковъ изъ сырыхъ, темныхъ подваловъ нельзя было возражать по существу. Но своей агрессивной манерой большевики и здѣсь, въ этомъ справедливомъ дѣлѣ, достигли самыхъ отрицательныхъ результатовъ. Мальчики были поселены въ комнатахъ съ роскошной обстановкой, изъ которой собственникамъ было строго наказано ничего не забирать. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ новыхъ обиталищахъ и, одинъ за другимъ, бросили службу, захвативъ съ собой лучшія вещи изъ своихъ комнатъ.

уцѣлѣть. И тѣ 24 часа, которые продолжали срокъ нашего ультиматума, въ особенности ночные часы, были посвящены перетаскиванію вещей чернымъ ходомъ, въ скрытомъ подѣ платьями видѣ и т. п.

На слѣдующій день, стратегическая комиссія въ полномъ составѣ явилась въ нашъ домъ и, въ сопровожденіи Домового Комитета, начала осмотръ подлежащихъ выселенію квартиръ. Осмотрѣть ихъ до изданія своего приказа Комиссія не удосужилась.

Я былъ тогда членомъ Домкома, избраннаго еще до прихода большевиковъ, и продѣлалъ вмѣстѣ съ тов. Шейннимъ и другими этотъ обходъ обреченныхъ квартиръ. Я никогда не забуду этихъ нѣсколькихъ часовъ униженія — униженія за себя и за тѣхъ, кого мы стремились защитить. Во всѣхъ квартирахъ насъ встрѣчала та же картина.

Благоустроенная обстановка, уютъ. Нѣкоторые слѣды поспѣшнаго изъятія отдѣльныхъ цѣнныхъ предметовъ. Вся семья въ сборѣ, налицо и коммунантматы. Всѣ вооружены «бумажками» — удостовѣреніями о принадлежности къ той или другой категоріи привилегированнаго сословія: къ совѣтскимъ служащимъ, артистамъ, членамъ профессиональныхъ союзовъ и т. д. Въ глазахъ испугъ, трепеть, иногда отчаяніе. Говорятся безсвязныя слова, взываютъ къ справедливости или снисхожденію. Наши стратеги отвѣчаютъ или съ презрительной сдержанностью или съ издѣвательски-приторнымъ сочувствіемъ. Число комнатъ и составъ жильцовъ записывается, документы приобщаются къ дѣлу и мы идемъ дальше — изъ квартиры въ квартиру, изъ этажа въ этажъ.

Осмотръ конченъ. Комиссія садится за столъ и готовитъ свою резолюцію. Черезъ четверть часа она объявляется жильцамъ. Подлежатъ освобожденію всѣ квартиры, кромѣ квартиръ пѣвца Смирнова, жены одного московскаго большевика и еще двухъ или трехъ. Правила о взятіи вещей нѣсколько смягчаются. Зато строго предписывается оставлять квартиры въ порядкѣ, съ полнымъ оборудованіемъ и, въ частности, не прикасаться къ библіотекамъ. Домовой Комитетъ составлялъ впослѣдствіи описи всѣхъ оставленныхъ въ каждой квартирѣ вещей и передавалъ ихъ подѣ росписку новымъ жильцамъ; въ Россіи тогда еще была лишняя бумага...

Вечеръ. Стратегическая Комиссія, сдѣлавъ свое дѣло, удалилась. Но нашъ домъ продолжаетъ быть въ лихорадочномъ оживленіи. Линіи оконъ всѣхъ обреченныхъ квартиръ ярко освѣщены: за ними на спѣхъ собираютъ и упаковываютъ вещи. Это продолжается всю ночь. А съ утра дворъ полонъ площадокъ и возовъ, развозящихъ по роднымъ и знакомымъ достояніе выселенныхъ...

Господа члены стратегической комиссіи сразу облюбовали нашъ домъ и, до самаго ухода большевиковъ въ августѣ 1919 года, не оставляли насъ въ покоѣ. Прежде всего они поселились у насъ сами. Шейннинъ занялъ комнату у почтеннаго присяжнаго повѣреннаго Ш. и первымъ его дѣйствіемъ по укрѣпленію завоеванной стратегической позиціи было то, что онъ вырѣзалъ изъ рамокъ разставленныхъ въ комнатѣ семейныя фотографіи и вставилъ въ рамки свои. Въ остальныхъ освобожденныхъ квартирахъ размѣстились военные, чекисты, а въ нѣкоторыхъ — какіе-то подозрительные рабочіе. Разъ десять въ теченіе этихъ мѣсяцевъ намъ снова грозило выселеніе, домъ осматривался, составъ жильцовъ переписывался, даже назначался къ намъ особый комендантъ по переселенію. Но нашъ переизбранный Домовой Комитетъ (въ которомъ я участія уже не принималъ) сумѣлъ войти въ контактъ съ Жилищнымъ отдѣломъ и, при посредствѣ этой высшей инстанціи, парализовалъ дѣйствія стратегической комиссіи. Главнѣйшимъ

средствомъ къ этой цѣли были обѣды и ужины, которыми Комитетъ угощалъ членовъ жилищной коллегіи въ организованной у насъ общественной столовой. При этомъ приходилось быть, по возможности, внимательными хозяевами; и когда какимъ-то образомъ стало извѣстно, что одинъ изъ членовъ коллегіи «обожаетъ» тыквенныя сѣмечки, наши жильцы специально отправлялись на базаръ, чтобы добывать къ столу тыквенныя сѣмечки...

*   *
*
*
*

Заступникомъ моей квартиры былъ все это время покойный Гессель Рувиновичъ Гинзбургъ. Это былъ глубоко честный и добрый человекъ, совершенно не гармонировавшій со средой, въ которой онъ оказался. Вѣчный студентъ, перебивавшій на всѣхъ факультетахъ; неблагонадежный, посидѣвшій по тюрьмамъ; по способу заработка репетиторъ и учитель, — онъ въ 1918 году, по внутреннему убѣжденію, примкнулъ къ партіи коммунистовъ. Когда большевики заняли Кіевъ Г. Р. пошелъ работать въ жилищно-реквизиціонный отдѣлъ, полагая, — и не безъ основанія, — что именно тамъ будутъ злоупотребленія, отъ которыхъ онъ страстно желалъ оградить совѣтскую власть. Разумѣется, его — человека уже немолодого и вполне интеллигентнаго — приняли съ распростертыми объятіями. Ему давали ответственныя назначенія и, въ концѣ концовъ, онъ сталъ членомъ коллегіи Отдѣла Коммунальнаго хозяйства — то-есть большевизированной Городской управы, — завѣдывавшимъ юридической и жилищной частью.

Среди совѣтскихъ властителей Г. Р. занималъ совершенно исключительное положеніе: онъ былъ коммунистомъ и работалъ въ самомъ ненавистномъ совѣтскомъ учрежденіи — въ жилищномъ отдѣлѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ я ни отъ кого не слышалъ о немъ буквально ни одного дурного слова. Можно себѣ представить, сколько жалобъ и просьбъ приходилось выслушивать этому человеку; его приемы тянулись по пять-шесть часовъ. И не смотря на то, что въ значительномъ большинствѣ жалобы были справедливыя, а онъ былъ безсиленъ помочь, — все же жалобщики уходили отъ него сравнительно успокоенными и отзывались о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ. Въ клоакѣ жилищнаго отдѣла, въ которой ему пришлось работать, среди шарлатановъ, взяточниковъ и воровъ, — Г. Р. сумѣлъ сохранить чистый душевный идеализмъ, сердечное отношеніе къ людямъ и наивный оптимизмъ.

При всемъ томъ Г. Р. былъ убѣжденный коммунистъ, съ увлеченіемъ говорилъ объ успѣхахъ совѣтской власти и твердо вѣрилъ въ то, что «реакція не побѣдитъ». Какъ настоящій партійный работникъ, онъ усваивалъ себѣ всѣ ходячія въ его «наркомѣ» мотивировки и разсужденія, и оправдывалъ почти всѣ мѣропріятія совѣтской власти. Онъ искренно вѣрилъ въ необходимость чрезвычайной комиссіи и даже въ цѣлесообразность «стратегическаго переселенія буржуазіи».

Я старался не пускаться съ Г. Р. въ политическіе разговоры, но иногда невольно бесѣда переходила на эти темы. Помню, какъ однажды я не удержался и высказалъ ему самое банальное, но тѣмъ не менѣе неопровержимое возраженіе противъ тактики большевиковъ. «Вашъ учитель Марксъ, — сказалъ

я ему; — основывалъ свое учение на началѣ закономерности социальнаго развитія. Оттого онъ и считаетъ себя въ правѣ называть свою теорію научнымъ социализмомъ. Можно ли признать правовѣрнымъ марксизмомъ тактику большевиковъ, которые хотятъ осуществить социализмъ въ странѣ наиболѣе отсталой по капиталистическому развитію, незрѣвшей до экономической концентраціи и притомъ страдающей не отъ перепроизводства, а отъ недостатка товаровъ? Какъ примирить съ идеей социальной закономерности то, что въ Россіи будетъ социализмъ въ то время, какъ Англія и Германія до него еще не доразвились?» — «Марксъ, — невозмутимо отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — не ограничивалъ своей теоріи территориально. Онъ разсматривалъ весь міръ, какъ единый хозяйственный организмъ. И для момента, когда назрѣетъ переворотъ, онъ не предугадалъ, гдѣ именно начнется его осуществленіе».

Такъ, значитъ, большевики устраняли тогда свое противорѣчіе съ Марксомъ. Ихъ, видимо, не смущала явная несообразность, которую они такой интерпретаціей приписывали своему учителю. Вѣдь марксистская закономерность получала при такомъ толкованіи совершенно непонятный характеръ; выходило, что въ Лондонѣ будутъ предпосылки для социализма, а въ Россіи — социализмъ . . .

Но Г. Р., повидимому, не замѣчалъ этой несообразности.

Судьба бѣднаго Г. Р. Гинзбурга и всей его семьи была глубоко трагической. Ихъ было пять братьевъ. Одинъ умеръ молодымъ, еще до революціи, отъ болѣзни сердца. Другой — Абрамъ — былъ въ плѣну и въ 1918 г. возвратился въ Россію. Третій — Исаакъ — много лѣтъ мучился, лишившись мѣста и не находя новой службы. Всѣ они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу и особенно Исаакъ служилъ всеобщей нянькой. — Когда большевики въ августѣ 1919 года эвакуировали Кіевъ, всѣ три брата выѣхали съ ними на сѣверъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одного изъ нихъ не было уже на свѣтѣ. Г. Р. получилъ въ Москвѣ назначеніе членомъ коллегіи Коммунодѣла въ Уфу. Не смотря на даль, тяжелыя условія переѣзда и эпидеміи, онъ съ радостью отправился туда, желая, какъ онъ говорилъ, прикоснуться къ землѣ — увидѣть работу Совѣтской власти среди чисто русскаго населенія. Поѣхалъ въ Уфу и Исаакъ. То, что они застали въ Уфѣ, — рассказывала мнѣ впоследствии жена Г. Р., — не поддается описанію. Этотъ городъ представлялъ сплошной тифозный баракъ. При этомъ городъ былъ переполненъ и морозы стояли жестокіе. Едва вступивъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, Г. Р. заболѣлъ сыпнякомъ, а черезъ нѣсколько дней слегла его жена. Ихъ перевезли въ больницу, гдѣ они лежали въ различныхъ палатахъ, оба въ сорокаградусномъ жару и безъ сознанія. Братъ сначала посѣщалъ ихъ, сообщая женѣ, въ свѣтлыя минуты, свѣдѣнія о состояніи мужа. Затѣмъ онъ исчезъ. Никакихъ извѣстій о состояніи Г. Р. его жена не получала, больничный персоналъ отдѣливался незначущими фразами. Несчастливая женщина рѣшилась, наконецъ, спросить: «когда умеръ Гинзбургъ?» — и узнала ужасную правду . . . Когда она вышла изъ лѣчебницы, ей рассказали, что Исаакъ Гинзбургъ, едва успѣвъ похоронить брата, очертя голову бросился обратно въ Москву. Этотъ самоотверженный, заботливый Исаакъ вдругъ преобразился. Имъ овладѣлъ какой-то непреодолимый страхъ предъ тифомъ. Онъ оставилъ невѣстку въ тяжеломъ состояніи и бѣжалъ . . . Въ Москву онъ пріѣхалъ уже больнымъ, умолялъ помѣстить его въ лучшую лѣчебницу, добился этого, пролежалъ тамъ двѣ или три недѣли, всѣми силами цѣпляясь за жизнь, и — умеръ. — А третій братъ Абрамъ,

вернувшійся въ 1918 году изъ плѣна, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Исаака гдѣ-то въ Брянскѣ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое унесло и его...

* * *

*

Въ 1919 году большевики явились въ Кіевъ на всей высотѣ своего величія. Неувѣренность и болѣзни дѣтства прошли, преждевременная старость еще не наступила. «Старый міръ» былъ разрушенъ, но не всѣ оставшіеся отъ него запасы съѣдены; всякія сдержки въ печатаніи бумажныхъ денегъ были устранены, а деньги еще не были окончательно обезцѣнены. Однимъ словомъ, была полная возможность, подъ видомъ строительства новой жизни, расточать остатки наслѣдія старой.

Совѣтская власть проявила въ это свое появленіе къ намъ максимальную энергію какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической области. Притомъ Кіевъ былъ тогда еще украинской столицей и резиденціей всѣхъ совѣтскихъ наркомовъ, главковъ и центровъ. И Совнархозъ и Совнаркомъ работали полнымъ ходомъ. А надъ ними обоими бодрствовала В. У. Че-Ка.

Работа Совнархоза (Губернскаго и Всеукраинскаго) сводилась къ взятію на учетъ матеріаловъ и сырья, къ націонализациі банковъ и къ обобществленію большинства промышленныхъ предпріятій. Магазины торговали болѣе или менѣе по прежнему, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что крупнѣйшія фирмы укрылись подъ флагомъ кооперативовъ или «товариществъ служащихъ».

Весьма энергично дѣйствовалъ тогда и Совѣтъ профессиональныхъ союзовъ, занимавшій большое зданіе гостиницы «Савой» на Крещатикѣ. Организованныя съ самаго начала революціи примирительныя камеры, страховые суды и фабрично-заводскіе комитеты развили весьма интенсивную дѣятельность. Начало паритетности, на которомъ были прежде основаны рабочія судилища, теперь, при диктатурѣ пролетаріата, отпало: всѣ мѣста во всѣхъ органахъ были заняты представителями рабочихъ. Соотвѣтственно съ этимъ, не могъ не измѣниться ихъ характеръ. Работая въ такомъ одностороннемъ составѣ, да еще обвѣваемые духомъ времени, они не могли дѣлать ничего иного, какъ бить и добивать лежащую буржуазію. Нужно сказать, что сами органы союзовъ, — тогда еще въ большинствѣ свободно избранные рабочими, а не назначенные коммунистической властью, — проявляли нѣкоторую сознательность и всячески старались не перетягивать дуги. Но на всю массу опекаемыхъ ими — рабочихъ, низшихъ служащихъ и прислуги — наличность Профсоюза, въ такой противоестественной конструкціи и съ такими громадными полномочіями, дѣйствовала развращающимъ образомъ.

Я стоялъ не особенно близко къ профессиональному движенію ни до, ни послѣ революціи. Въ эту эпоху мнѣ пришлось участвовать въ такъ-называемомъ «Рабочемъ секретариатѣ» — своего рода бюро юридической помощи при Совѣтѣ Профсоюзовъ. Въ качествѣ представителя секретариата я присутствовалъ раза два на засѣданіяхъ примирительныхъ камеръ и, по назначенію отъ секретариата, выступалъ повѣреннымъ потерпѣвшихъ въ страховомъ судѣ.

Во времени пребыванія большевиковъ у насъ въ 1919 году относится и мой кратковременный экспериментъ состоянія на «совѣтской службѣ». Въ концѣ іюня мой товарищъ по адвокатурѣ Пл. Льв. Симиренко убѣдилъ меня вступить вмѣстѣ съ нимъ въ юридическій отдѣлъ «Губсовнархоза». Я пробывъ

на службѣ ровно два мѣсяца, — до ухода большевиковъ, — и очень радъ какъ тому, что имѣлъ случай взглянуть въ жизнь совѣтскаго учрежденія, такъ и тому, что происшедшій переворотъ далъ мнѣ возможность такъ скоро вернуться на свободу.

«Юридическій подъотдѣлъ Отдѣла Управленія Кіевскаго Губернскаго Совѣта Народнаго Хозяйства» состоялъ изъ пяти лицъ: трехъ членовъ коллегіи, секретаря и дѣлопроизводительницы. Впрочемъ, непосредственно предъ моимъ поступленіемъ, было сдѣлано еще «сокращеніе штатовъ», жертвой котораго палъ шестой чинъ нашего подъотдѣла (если не ошибаюсь, «завѣдующій канцеляріей»). Среди этихъ пяти человекъ было четыре юриста. Кромѣ того, большинство отдѣловъ Совнархоза — какъ, напримѣръ, лѣсной, страховой и т. д. — имѣли своихъ юрисконсультовъ. Такимъ образомъ, господство права было какъ будто вполне обеспечено.

Что дѣлала вся эта орава юрисконсультовъ? По своему кратковременному опыту могу констатировать, что не менѣе 75% всѣхъ восходившихъ на наше заключеніе вопросовъ касались интересовъ служащихъ — ликвидационныя, тарифныя ставки, наказы, регламенты и т. д., — а, изъ остальныхъ, процентовъ двадцать упало на дѣла о злоупотребленіяхъ служащихъ.

Въ «юридическихъ отдѣлахъ», бюрократическая экспансія, составляющая неизбѣжный атрибутъ социалистическаго хозяйства, выкристаллизовывалась особенно явно и особенно явно доходила до полного абсурда. Разъ всѣ совѣтскія учрежденія главнымъ образомъ обслуживаютъ своихъ служащихъ, то ихъ юридическіе отдѣлы, естественно, должны заниматься главнымъ образомъ оказаніемъ тѣмъ же служащимъ юридической помощи. Нашъ юридическій отдѣлъ и былъ бесплатнымъ консультаціоннымъ бюро для сотрудниковъ Совнархоза.

Хотя служащихъ въ многочисленныхъ отдѣлахъ Совнархоза было много (кажется, около 2000) и хотя юридическихъ вопросовъ служебныя дѣла каждаго изъ нихъ вызывали немало, — нашъ многоголовый подъотдѣлъ не былъ заваленъ работой. По совѣсти, для выполненія всей нашей работы было бы достаточно одного юриста и, пожалуй, въ виду бюрократической переписки со всѣми отдѣлами, — дѣлопроизводительницы. Но вѣрный совѣтскимъ принципамъ, нашъ подъотдѣлъ обслуживалъ сначала шесть, а затѣмъ пять сотрудниковъ. Свободное время мы посвящали регистраціи декретовъ и т. п. душеспасительнымъ занятіямъ. Отсиживать положенныя шесть, а затѣмъ, при милитаризаціи, восемь часовъ полагалось. При полной невозможности заполнить это время, мы, какъ гимназисты, читали принесенныя изъ дому книги. Мы скоро усвоили себѣ чиновничью психологію, защищали свои штаты и ставки и не жаловались на отсутствіе работы.

Во главѣ Губсовнархоза стоялъ въ мое время Алексѣй Ивановичъ Ашупъ-Ильзень. Это былъ коммунистъ самаго лучшаго типа. Но окруженъ онъ былъ либо малонинтеллигентными ремесленниками, либо партійными карьеристами, либо, наконецъ, нечистыми на руку инженерями и спекулянтами. Поэтому хозяйственная работа Совнархоза шла изъ рукъ вонъ плохо, а количество служебныхъ злоупотребленій все возрастало. Совершенная неразбериха царила во взаимоотношеніяхъ между Губсовнархозомъ, засѣдавшимъ въ Дворянскомъ домѣ, и Укрсовнархозомъ, занявшимъ гостиницу Михайловскаго монастыря. Повидимому, это послѣднее учрежденіе, при наличности Выссовнархоза въ Москвѣ и Губсовнархозовъ на мѣстахъ, не имѣло рѣшительно никакого *raison d'être*. И

дѣйствительно, въ слѣдующій приходъ большевиковъ на Украину оно не было возстановлено. —

Приходъ большевиковъ въ февралѣ 1919 года засталъ меня начинающимъ адвокатомъ и активнымъ участникомъ сословныхъ дѣлъ адвокатуры, въ качествѣ старшины Кіевского Совѣта помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Естественно, что съ особымъ вниманіемъ я относился къ операціямъ большевиковъ надъ судомъ и адвокатурой. Предстоящее упраздненіе судовъ, дѣйствующихъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года, и всѣхъ связанныхъ съ этими судами учрежденій, въ томъ числѣ независимаго сословія адвокатовъ, — было намъ вѣдомо. Совершенно туманными представлялись намъ только тѣ новые институты, которымъ предстояло смѣнить эти близкія и родныя учрежденія. Да и сами большевики не были подготовлены къ судебной реформѣ; народные суды и правозаступники, введенные годомъ раньше въ Великороссіи, уже успѣли обнаружить свою нежизнепригодность; но ничего иного въ запасѣ у Совѣтскихъ законодателей не было. Поэтому, послѣ непродолжительнаго періода колебаній, московскіе декреты объ упраздненіи судовъ и адвокатуры и о введеніи народнаго суда и правозаступничества были, съ несущественными вариантами, опубликованы и у насъ.

Въ отношеніи правозаступниковъ были первоначально введены нѣкоторыя послабленія; въ частности, по изданной въ Кіевѣ инструкціи, за ними признавалась извѣстная самостоятельность и, что было особенно важно, ихъ нельзя было, противъ ихъ воли, назначать обвинителями. Инструкція была составлена съ несомнѣнной цѣлью *captare benevolentiam* кіевской адвокатуры; до извѣстной степени это и удалось, такъ какъ на многочисленномъ собраніи адвокатовъ было признано вполне допустимымъ для члена сословія вступать въ число правозаступниковъ. Таково же было финальное рѣшеніе по этому вопросу Московскаго и Петроградскаго сословій, о которомъ намъ докладывали въ Кіевскихъ Совѣтахъ М. Л. Гольдштейнъ и Л. Д. Ляховецкій. Но на Сѣверѣ приѣмлемость правозаступничества была провозглашена только черезъ годъ послѣ октябрьской революціи, — годъ, въ который проводилась тактика саботажа. Впрочемъ, наше кіевское рѣшеніе реальныхъ результатовъ почти не имѣло. Данной индульгенціей воспользовались весьма немногіе коллеги; притомъ всѣ они, почти безъ исключеній, потомъ сожалѣли о сдѣланномъ шагѣ. Самый же институтъ правозаступниковъ, несмотря на либеральную инструкцію, оказался на практикѣ весьма непривлекательнымъ учрежденіемъ.

Большевики не только упразднили адвокатуру, но и всячески старались деклассировать самихъ адвокатовъ. Не было ни одного декрета или приказа, перечисляющаго предосудительныя категоріи гражданъ въ родѣ фабрикантовъ, домовладѣльцевъ и т. д., въ которомъ среди прочихъ «буржуевъ» не значились бы «бывшіе присяжные повѣренные и ихъ помощники». Мы подлежали всѣмъ мобилизаціямъ и повинностямъ; у насъ съ особой охотой производили реквизиціи конторской мебели, пишущихъ машинъ и даже портфелей; наше званіе приходилось, при всякихъ столкновеніяхъ или опасностяхъ, по возможности скрывать.

Адвокатскіе Совѣты въ первое время засѣдали довольно часто, обсуждая вопросъ о позиціи адвокатуры и о допустимости для адвоката тѣхъ или иныхъ занятій; но съ теченіемъ времени ихъ жизнь замерла — безъ официальнаго самоупраздненія, но сама собой. Къ тому же и помѣщеніе наше въ Окружномъ судѣ было занято Народнымъ Комиссаріатомъ Юстиціи.

Въ теченіе послѣдовавшихъ шести мѣсяцевъ я всего нѣсколько разъ по неотложнымъ дѣламъ заходилъ въ зданіе суда. Было тяжело видѣть въ этомъ мѣстѣ, которое съ дѣтства въ моихъ глазахъ окружалось какимъ-то ореоломъ, новыхъ людей и новыхъ учрежденія. Коробила введенная большевиками померація комнатъ и прикрѣпленные ко всѣмъ дверямъ вывѣски. Коробила и работа засѣдавшихъ въ этомъ домѣ людей, которые легкомысленно и безответственно разрушали то самое лучшее, что въ смыслѣ соціального устройства и правопорядка завѣщало намъ старый режимъ.

Однажды, — кажется, въ серединѣ апрѣля, — я былъ вызванъ въ «Нарком'юсть» для переговоровъ объ участіи въ работахъ комиссіи по кодификаціи гражданскаго права. Предсѣдателемъ комиссіи состоялъ нѣкто Гроссъ, но верховное руководство надъ ея работами сохранялъ самъ Народный Комиссаръ Юстиціи Хмѣльницкій. Со специфической вѣжливостью, напоминавшей обходительность жандармскихъ офицеровъ, Гроссъ пытался уловить меня на службу въ это учрежденіе. Когда это не удалось сдѣлать добромъ, онъ попробовалъ пугнуть мобилизаціей юристовъ; но я уже состоялъ лекторомъ на различныхъ курсахъ и мобилизаціи не боялся. Въ концѣ концовъ, кодификаціонная комиссія, въ которую Гроссу удалось различными способами втянуть нѣкоторыхъ юристовъ, такъ и обошлась безъ моего сотрудничества.

Приглашеніемъ въ комиссію я, какъ затѣмъ выяснилось, былъ обязанъ протекціи одного моего университетскаго товарища, фигура котораго настолько характерна для совѣтскаго Министерства Юстиціи, что я не могу оставить его безъ упоминанія.

Назову его Звонштейномъ.

Впервые я услышалъ его вкрадчивый голосъ и размѣренную рѣчь въ корридорѣ кievскаго университета, вскорѣ послѣ моего поступленія. Онъ что-то проповѣдовалъ своимъ сосѣдямъ, стоявшимъ въ очереди въ деканскую. Снова тотъ же голосъ донесся до моего слуха на практическихъ занятіяхъ у проф. Билимовича. Вскорѣ мы познакомились, стали бывать другъ у друга и работали вмѣстѣ въ цѣломъ рядѣ научныхъ кружковъ.

Звонштейнъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный. Сынъ умнаго провинціального адвоката дѣлческаго типа, онъ необыкновенно рано началъ «жить и мыслить». Кажется, уже 10 лѣтъ отъ роду онъ писалъ письма въ редакцію уманской газеты, защищая невинность Дрейфуса. Аттестатъ зрѣлости онъ, въ качествѣ экстерна, получилъ въ 15 или 16 лѣтъ и тогда же поступилъ на юридическій факультетъ университета. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія Звонштейнъ выступилъ съ часовой рѣчью въ качествѣ оппонента на диспутѣ проф. Билимовича. А на послѣднемъ курсѣ онъ сумѣлъ въ короткій срокъ написать объемистое сочиненіе по гражданскому праву, удостоенное золотой медали.

При всѣхъ талантахъ, феноменальной памяти и трудоспособности, Звонштейну чего-то не хватало, чтобы быть «настоящимъ человѣкомъ» въ какой бы то ни было роли. Все въ немъ было утрировано; у него совершенно отсутствовало чувство мѣры и то, что англичане называютъ «sense of humour». Воплощеніе шаржа, онъ такъ и просился на карикатуру. При всѣхъ обстоятельствахъ и со всякими собесѣдниками онъ говорилъ тѣмъ же докторальнымъ тономъ съ тѣмъ же гомерическимъ количествомъ цитатъ, именъ, цифръ и терминовъ. Собесѣдникъ былъ ему, вообще, безразличенъ — онъ самъ шикого не

слушалъ и считалъ (или дѣлалъ видъ, что считаетъ) всякаго достойнымъ слушателемъ своихъ рѣчей.

Случилось такъ, что Звонштейнъ, который по окончаніи университета бросилъ науку и занимался коммерческими дѣлами на Кавказѣ, въ 1919 году счелъ своимъ гражданскимъ долгомъ вступить въ партію коммунистовъ. Онъ объявилъ объ этомъ во всеуслышаніе открытымъ письмомъ въ одной изъ кievскихъ газетъ и началъ работать въ партіи.

Звонштейнъ былъ неоцѣнимой находкой для большевиковъ. Онъ вѣдь былъ въ состояніи псепекать по дюжинѣ декретовъ въ день, выступать на неограниченномъ числѣ митинговъ и читать любое количество лекцій. Онъ и сталъ на нѣкоторое время воплощать своей персоной «весь Нарком'юсть». Звонштейнъ былъ и обвинителемъ, и защитникомъ, и юрисконсультomъ, и инструкторомъ, и декретодателемъ. Нужно было видѣть, какъ онъ, со своимъ шалымъ лицомъ, съ длинными кудрями, въ какомъ-то пальто весьма страннаго покроя и съ красной звѣздой на груди, носился по городу — изъ учрежденія въ учрежденіе, изъ засѣданія въ засѣданіе. . .

Воспоминанія о большевистскихъ судахъ и, въ частности, о Революціонномъ трибуналѣ невольно ассоціируются для меня съ фигурой Звонштейна.

Мы со Звонштейномъ и съ другими товарищами по университету одно время очень увлекались «литературными процессами». Мы судили, по всѣмъ правиламъ Устава уголовного судопроизводства, Алеко изъ «Цыганъ», Карла и Франца Моора изъ «Разбойниковъ», графа Старшенскаго изъ Гауптмановской «Эльги», Хлестакова и многихъ другихъ литературныхъ преступниковъ. Суды происходили у кого либо изъ знакомыхъ, въ присутствіи многочисленной публики. Подысканіе подходящей квартиры для этихъ судьбищъ служило предметомъ постоянныхъ заботъ для нашихъ предсѣдателей и прокуроровъ. И каждый разъ, какъ я слышалъ о «постановкѣ» большевиками того или иного дѣла въ Ревтрибуналѣ (засѣдавшемъ въ Купеческомъ собраніи со всѣми атрибутами эффектнаго зрелища), у меня невольно въ ушахъ звучалъ торжественный голосъ Звонштейна и слова: «Товарищъ, не имѣете ли вы въ виду квартиры для предстоящаго процесса?»

У большевиковъ квартира для процессовъ къ несчастью всегда была. И они «ставили» и «ставили» ихъ, собирая полные сборы любопытныхъ. Въ отличіе отъ нашихъ литературныхъ судилищъ, ихъ суды кончались кровью и страданіями.

Ассоціація Ревтрибунала съ нашими инсценированными процессами такъ прочно укоренилась въ моемъ сознаніи изъ-за того, что первая судебная постановка, инсценированная большевиками, носила особенно эксцентричный характеръ. Это былъ судъ надъ палачемъ, казнившимъ убійцу Эйхгорна — Бориса Донского и надъ всѣми участниками его дѣла въ германскомъ военно-полевомъ судѣ. Большевиковъ ничуть не смущало то, что почти всѣ обвиняемые — германскіе офицеры — были въ то время уже въ Германіи и даже ничего не знали о судѣ надъ ними. И къ отвѣтственности предъ революціонной совѣстью кievскихъ судей были привлечены, кромѣ имѣвшася въ наличности палача, также всѣ отсутствовавшіе члены военного суда, обвинитель, директоръ тюрьмы и др. Всѣхъ ихъ заочно приговорили къ смертной казни. . . Чѣмъ не процессъ Франца и Карла Моора? — Среди обвиненныхъ былъ и мой знакомый Gerichtsoffizier кievской комендатуры лейтенантъ Бюттнеръ. Воображаю, какіе глаза бы сдѣлалъ этотъ дѣтина — онъ былъ въ косую сажень ростомъ и атлетическаго тѣло-

сложенія, — если бы узналъ, что кіевскій Ревтрибуналъ приговорилъ его къ смерти . . .

Въ довершеніе каррикатурности, Ревтрибуналъ постановилъ «снести съ германскимъ правительствомъ о приведеніи приговора въ исполненіе» . . . Чѣмъ не литературный процессъ? * . . .

* * *

*

Я говорилъ уже, что пребываніе Совѣтской власти въ Кіевѣ въ 1919 году совпадаетъ съ эпохой ея полного расцвѣта. Размахъ строительства былъ у нея еще неудержимо широкъ, никакія досадныя сомнѣнія въ осуществимости затѣянныхъ нововведеній еще не появлялись. И большевики строили и строили.

Строили они — учрежденія. Ничего иного они и тогда не были въ силахъ создать. Но учрежденія создавались по истинѣ безъ удержанія.

Особенно въ фаворѣ была въ то время просвѣтительная часть. Почти вся интеллигенція, постепенно отходившая отъ тактики саботажа, охотно шла на службу именно въ просвѣтительныя учрежденія. Такимъ образомъ, личный составъ учреждений наркомпроса былъ всегда обезпеченъ. Съ другой стороны, здѣсь легче и проще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было создать «потемкинскія деревни». И ихъ создавали сотнями.

Каждое уважающее себя совѣтское учрежденіе имѣло «культ-просвѣтъ» либо «агит-просвѣтъ», то-есть культурно-просвѣтительный либо агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ. При болѣе крупныхъ учрежденіяхъ были также особые издательскіе, библиотечные, лекціонные, школьные и внѣшкольные отдѣлы. Болѣе всего умиляли меня имѣвшіеся въ разныхъ «губвоен-продснабахъ» и «компочтеляхъ» особые «кино-комитеты» или «кино-секціи», специально вѣдавшіе кинематографической частью.

Такъ какъ бумажныхъ денегъ печатали *ad libitum* и на просвѣтительныя цѣли экономничать не полагалось, то народнымъ просвѣщеніемъ занимались рѣшительно всѣ вѣдомства. Военное вѣдомство, въ которомъ денегъ было особенно много, представляло собой настоящее царство науки. Народный Комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ, окружный военный комиссаріатъ, губернский военный комиссаріатъ — всѣ учреждали школы, читальни, кинематографы и клубы.

Громадное большинство всѣхъ этихъ начинаній оставалось, разумѣется, на бумагѣ, а во многихъ случаяхъ просвѣтительная цѣль была лишь предлогомъ для реквизиціи помѣщеній и мебели. Кое-что, однако, было все же сдѣлано; кое-какія, если не знанія, то полужнанія, получили и большинство красноармейцевъ и довольно значительный контингентъ городского населенія. И изъ всей массы богатствъ, растроченныхъ совѣтской властью, деньги, потраченные на просвѣтительныя цѣли, израсходованы наименѣе непродуманно.

Рядомъ со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ обезпеченныхъ средствами военныхъ и политическихъ органовъ, работа самаго вѣдомства народного просвѣщенія была сравнительно скромной. Почти всѣ силы его уходили на ежемѣсячную реорганизацію университетовъ и гимназій, на засѣданія по выработкѣ

* Коммунистическая авѣада Звонштейна скоро закатилась. У него были какія-то непріятности и въ результатѣ онъ былъ исключенъ изъ партіи. Послѣ этого онъ, кажется, и самъ разочаровался въ большевизмѣ.

программъ и т. д. Притомъ, по старой традиціи, средства самому Наркомпросу отпускались не столь щедро, чтобы могло хватать на всѣ старыя и новыя школы.

Народнымъ Комиссаромъ Просвѣщенія былъ Затонскій — приватъ-доцентъ Кіевскаго политехникума и лютый коммунистъ. Съ работой комиссаріата мнѣ сталкиваться не приходилось, но зато весьма близкая связь установилась у меня съ «Губернскимъ отдѣломъ народнаго образованія».

Я впервые попалъ въ «Губотдѣлъ» еще въ февралѣ или началѣ марта, хлопоча объ «охранной грамотѣ» для своей бібліотеки. Среди служащихъ отдѣла я встрѣтилъ много знакомыхъ изъ газетнаго и литературнаго міра, которые съ увлеченіемъ принялись тогда за работу надъ различными культурными начинаніями. Меня прилекли къ участию по отдѣлу виѣшкольнаго образованія, вѣдавшему публичными лекціями, вечерними курсами и бібліотеками. Я подалъ заявленіе о зачисленіи меня лекторомъ по исторіи и правовѣдѣнію и былъ назначенъ преподавателемъ въ первую изъ открывшихся вечернихъ школъ для взрослыхъ. Отношенія мои съ Губотдѣломъ продолжались и послѣ зачисленія лекторомъ, такъ какъ я принималъ участіе въ комиссіяхъ по работкѣ программъ для вечернихъ школъ.

Наша школа открылась 24 апрѣля 1919 года, въ помѣщеніи Екатерининскаго реального училища, въ которомъ намъ отвели на вечерніе часы нѣсколько классовъ. Ученики были разбиты на двѣ группы по степени подготовки.

О работѣ въ школѣ у меня остались въ общемъ самыя лучшія воспоминанія. Нѣсколько мѣсяцевъ я преподавалъ также въ другой подобной же школѣ на Печерскѣ, но та съ уходомъ большевиковъ въ августѣ 1919 года заглохла, тогда, какъ наша первая школа — единственная изъ сотенъ основанныхъ тогда школъ — пережила, мѣняя наименованія, всѣ послѣдовавшіе перевороты и, вѣроятно, существуетъ и понынѣ. Ея жизненность обуславливалась тѣмъ, что въ нее съ самаго начала вступило крѣпкое ядро сознательныхъ и интересовавшихся дѣломъ слушателей. Это ядро и вынесло школу на своихъ плечахъ чрезъ всѣ политическія бури, тогда какъ составъ преподавателей (за исключеніемъ завѣдующаго школой Л. М. Левицкаго и меня — преподавателя второстепенныхъ предметовъ) постоянно мѣнялся.

Я не педагогъ и не берусь судить, насколько раціонально было поставлено наше начинаніе, правильны ли были наши методы и достаточны ли результаты. Склоненъ думать, что лекціонная система, по которой я велъ занятія, не вполне соответствовала уровню слушателей. Однако, самый интересъ, съ которымъ эти послѣдніе относились къ урокамъ, а также составлявшіяся нѣкоторыми изъ нихъ записки, показываютъ, что совершенно безрезультатно лекціи не проходили.

Записки подавались мнѣ слушателями для просмотра и исправленія. Разумѣется, регулярныя записки лекцій умѣли вести только нѣсколько человекъ изъ всего класса. Но читая записки этихъ нѣсколькихъ слушателей и слушательницъ, я поражался здравому смыслу, воспріимчивости и понятливости, которыя обнаруживались въ этихъ неотесанныхъ, не издавшихъ настоящей школы мозгахъ. Нѣкоторымъ, по умѣнію схватить и изложить сущность лекции, могли бы позавидовать иные студенты. И это впечатлѣніе выигрывало въ яркости оттого, что записки обычно были писаны полу-дѣтскими, невыписанными почерками — писаны нерѣдко съ грубыми орфографическими ошибками.

Послѣднее, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ нейтрализовалось благодаря новой орографіи.

Составленные комиссіями при Губотдѣлѣ учебныя программы были посланы на утвержденіе въ Наркомпросъ. Но тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, программы были признаны буржуазными (это, дѣйствительно, были серьезныя учебныя программы безъ всякихъ тенденцій и безъ политики) и въ утвержденіи ихъ было отказано. Программы были сданы для переработки въ новую комиссію при Комиссаріатѣ, которая своихъ занятій, какъ водится, такъ и не закончила. Къ счастью, школы не были закрыты въ ожиданіи новыхъ программъ — по видимому, и большевикамъ нѣсколько импонировало, что какое-то ихъ культурное начинаніе существуетъ не только на бумагѣ. Мы обходились безъ утвержденныхъ учебныхъ программъ, фактически руководствуясь неутвержденными проектами комиссіи при Губотдѣлѣ. Преподаваніе наше было совершенно свободно. Я, по крайней мѣрѣ, читая самый скользкій предметъ (начальное правовѣдѣніе, переименованное впоследствии въ «обществовѣдѣніе», а затѣмъ даже политическую экономію), до самаго конца моей работы въ школѣ, то-есть до поздней осени 1920 года, ни единого раза не удостоился ни посылки какого либо ревизора, ни вообще давленія съ той или иной стороны. Разумѣется, я тщательно избѣгалъ касаться вопросовъ злободневной политики, — но вѣдь, съ точки зрѣнія марксизма, теорія цѣнности есть также политика.

Пришлось мнѣ лѣтомъ 1919 года принять участіе еще въ одномъ просвѣтительномъ проектѣ, посившемъ уже болѣе декоративный характеръ. «Агитпросвѣтъ Полит-управленія Наркомвоен» (читай: агитаціонно-просвѣтительный отдѣлъ политическаго управленія Народнаго Комиссаріата по военнымъ дѣламъ) затѣялъ организацію «Дворца просвѣщенія». Средства должно было быть отпущено сколько угодно (у Наркома Подвойскаго была широкая натура) и въ этомъ «дворцѣ» предполагалось сосредоточить и театры, и кинематографъ, и лекціи, и курсы, и Богъ знаетъ что еще. Я былъ приглашенъ въ организаціонную комиссію въ качествѣ консультанта по научно-учебному отдѣлу. Изъ всей затѣи ничего не вышло.

Участіе въ организаціи Дворца Просвѣщенія привело меня въ контактъ съ однимъ изъ бывшихъ тогда въ Кіевѣ центральныхъ учреждений У. С. С. Р. — съ Наркомвоен'омъ. Комиссаріатъ, со всеми своими оперативными, интендантскими, агитаціонными, библиотечными, кинематографическими и прочими отдѣлами, занималъ огромный домъ 1-го Россійскаго Страховаго Общества, на углу Крещатика и Прорѣзной улицы. Во главѣ его стоялъ Подвойскій — по общимъ отзывамъ, наряду съ Раковскимъ, самая яркая фигура украинскаго Совнаркома.

Самъ Раковскій — предсѣдатель Совнаркома и Наркомъ Иностранныхъ Дѣлъ — имѣлъ штабъ-квартиру во дворцѣ, а частное жилье — въ особнякѣ миллионера Могилевцева, на парадной лѣстницѣ котораго былъ, на страхъ врагамъ, установленъ пулеметь.

Я ни разу его не видѣлъ, такъ какъ на митингахъ не бывалъ, а съ комиссаріатами имѣть соприкосновенія не приходилось. Репутація и имя у Раковскаго были громкія и низкопоклонничество предъ нимъ (и даже предъ его секретаремъ, товарищемъ Миррой) было громадное. Но, насколько я могу судить, въ коммунистической партіи его не считали вождемъ или даже лидеромъ группы. Онъ былъ безспорно талантливый и ловкій исполнитель московскихъ предписаній, по видимому, не имѣвший самъ никакого политическаго багажа. Раковскій слылъ умѣреннымъ, но это не мѣняло ему издавать декреты, объявлявшіе

форменную войну украинской деревнѣ, не мѣшало проклампировать «красный терроръ». Думаю, что его репутація и сравнительно благожелательное отношеніе къ нему не-совѣтскихъ круговъ основывалось исключительно на его внѣшнемъ европеизмѣ и на томъ, что онъ составлялъ оппозицію такимъ опалѣлымъ элементамъ, какъ Георгій Пятаковъ. Однако, эта оппозиція, какъ и вся линия поведенія Раковского, была основана исключительно на улавливаніи московскихъ директивъ. Карьеризмъ и безпринципность Раковского были и морально-отвратительнѣе, и политически-опаснѣе, нежели прямолинейная пугачевщина Пятакова. А европейскій лоскъ, — быть можетъ, пріятный въ личномъ обращеніи, весьма мало гармонировалъ съ внутренними качествами его ума и сердца. Что можетъ быть ужаснѣе палача въ смокингѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ? Раковский же моментально становился палачемъ, какъ только это соответствовало видамъ Левина.

Хорошо отзывались въ Кіевѣ о Наркомѣ Соціального Обеспеченія (фамилін его не могу припомнить). Это былъ убѣжденный и безкорыстный коммунистъ, весьма благожелательно относившійся къ своимъ сотрудникамъ изъ интеллигенціи. Ему удалось сосредоточить въ своемъ комиссаріатѣ весьма видный составъ работниковъ. Юрисконсультомъ комиссаріата былъ Ю. И. Лещъ, заведующимъ однимъ изъ отдѣловъ — В. К. Калачевскій. Наркомсобезъ слылъ «нейтральнымъ», «аполитичнымъ» — поэтому въ него охотно шла интеллигенція. Однако, поступившіе въ Собезъ интеллигенты жестоко разочаровались въ немъ, и многіе изъ нихъ пережили тяжелую душевную драму. Въ дѣйствительности, работа Собеза была далеко не такой аполитичной, какъ казалось извнѣ. Не знаю, кого обезпечило это «Соціальное обезпеченіе», — но уничтожило оно цѣлый рядъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ, дѣйствительно аполитичныхъ учрежденій.

Однимъ изъ первыхъ, палъ его жертвой Международный Красный Крестъ. За нимъ послѣдовалъ черезъ нѣкоторое время «Всеукраинскій комитетъ помощи пострадавшимъ отъ погромовъ». Этотъ комитетъ былъ организованъ еще во времена Директоріи, въ самую эпоху погромовъ. Во главѣ его стоялъ сначала М. Н. Крейнинъ, а затѣмъ продолжительное время М. Л. Гольдштейнъ. Я принималъ участіе въ Юридической комиссіи комитета, председателемъ которой состоялъ маститый Я. Л. Тейтель. Комитетъ работалъ и при большевикахъ. М. Л. Гольдштейнъ употреблялъ всѣ свои адвокатскіе таланты, чтобы защитить его или, по крайней мѣрѣ, затянуть процессъ его уничтоженія. Но существованіе общественно-филантропическаго комитета противорѣчило духу времени, а духъ времени былъ тогда очень силенъ. Онъ и смель погромный комитетъ съ своего пути, замѣнивъ его какой-то подкомиссіей при подѣлѣ Собеза, главная задача которой состояла въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы возстановливались только пострадавшія отъ погромовъ трудовыя хозяйства и чтобы ни одна копѣйка денегъ, собранныхъ среди буржуевъ, не попала въ руки вдовы или сироты убитаго погромщиками буржуя.

Въ Погромномъ Комитетѣ, въ предвидѣніи его неминуемой гибели, всѣ бумаги составлялись въ двухъ экземплярахъ. Второй экземпляръ сохранился у президіума Комитета послѣ официальной передачи дѣлъ Собезу. Онъ явится цѣннымъ источникомъ для исторіи этой мрачной полосы изъ жизни украинскаго еврейства.

* * *

Въ первые же дни прихода большевиковъ у насъ была организована «Чрезвычайная Комиссія» и первымъ ея предсѣдателемъ былъ нѣкто Соринъ. При немъ этотъ «аппаратъ» только налаживался — реквизировалась мебель, набирался штабъ шпиковъ и другихъ сотрудниковъ, оборудовались необходимыя помѣщенія. Соринъ былъ человекъ недисциплинированный и не подчинялся распоряженіямъ и декретамъ. Говорили, что онъ бралъ взятки. Въ концѣ концовъ, его убрали, причѣмъ въ поднятой противъ него кампаніи большую роль игралъ, — къ чести его будь сказано, — Звонштейнъ. На смѣну Сорину въ кievскую Губчека былъ назначенъ нѣкто Дегтяренко, но къ этому времени губернская чрезвычайка потеряла всякое значеніе, такъ какъ, вмѣстѣ съ центральнымъ правительствомъ, переѣхала изъ Харькова въ Кіевъ Чрезвычайка Всеукраинская.

Эта послѣдняя (Вучека, какъ ее называли) размѣстилась въ лучшемъ особнякѣ въ Липкахъ, въ которомъ во время войны жилъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, а при нѣмцахъ — фельдмаршалъ Эйхгорнъ. Ея предсѣдателемъ еще въ Харьковѣ былъ назначенъ знаменитый Лацисъ. Это имя весьма много говоритъ уху кievлянина...

Лацисъ не былъ взяточникомъ, онъ не былъ атаманомъ разбойничьей шайки, онъ не былъ одураченнымъ идеалистомъ. Онъ былъ настоящей организаторъ и глава своего специфическаго вѣдомства. При немъ чрезвычайка разрослась и обогатилась цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ учрежденій — особымъ корпусомъ войскъ, клубомъ, кинематографомъ, больницей. Онъ редактировалъ и специальный печатный органъ че-ка, который назывался «Красный мечъ» и имѣлъ подзаголовокъ: «Органъ Всеукраинской Чрезвычайной Комиссіи». Впослѣдствіи, на досугѣ, Лацисъ издалъ цѣлую книжку о дѣятельности чрезвычайки, — кажется, подъ названіемъ «Два года борьбы на внутреннемъ фронтѣ». Въ этой книжкѣ со статистическими данными и даже діаграммами изображается вся дѣятельность чрезвычайки, число разстрѣловъ, распределеніе ихъ по годамъ и мѣсяцамъ, по полу, возрасту и сословію жертвъ... Въ своихъ писаніяхъ Лацисъ всецѣло опирался на марксистскія представленія о государствѣ, какъ орудіи классоваго господства. Изъ этой доктрины онъ дѣлалъ вышше послѣдовательные выводы, сводившіеся къ теоретическому оправданію всякаго насилія, и такъ, съ феноменальнымъ цинизмомъ, выступалъ публицистомъ, теоретикомъ, а иногда и фельетонистомъ заплечнаго мастерства.

Вучека, руководимая министерской головой Лациса, развила въ Кіевѣ, лѣтомъ 1919 года, весьма напряженную дѣятельность. Былъ декретированъ красный терроръ и это давало возможность разстрѣливать всѣхъ и каждого, безъ указанія какой-либо индивидуальной вины. Въ публикуемыхъ въ газетахъ «сводкахъ» обычно послѣ имени разстрѣляннаго, въ скобкахъ, приводилась причина разстрѣла: бандитизмъ, контр-революціонность, преступленіе по должности, спекуляція и т. п. Но послѣ декрета о красномъ террорѣ нерѣдко, вмѣсто опредѣленнаго мотива, значились слова: «разстрѣлянъ въ порядкѣ краснаго террора».

Первыми жертвами краснаго террора были 68 кievлянъ, значавшихся въ обнаруженномъ у кого-то списокѣ членовъ клуба націоналистовъ. Среди нихъ были почтенные судебные дѣятели, какъ товарищъ предсѣдателя окружнаго суда Н. Н. Раичъ, профессора университета, какъ Армашевскій и Флоринскій, адвокаты, какъ Мининковъ и Приступа, гласные Городской Думы, какъ Коноплицъ и Моссаковскій. Большинство казненныхъ были глубокими стариками (и Раичу, и Армашевскому, и Моссаковскому, и директору Общества

Взаимнаго Кредита Цытовичу, и владѣлицѣ мастерской падробныхъ памятниковъ вдовѣ Де-Векки было за 70 лѣтъ). Нѣкоторые изъ нихъ были активными правыми дѣятелями (Коноплянъ, Мининковъ, Армашевскій), но большинство было политически безцвѣтно и состояло въ клубѣ націоналистовъ только потому, что того требовало ихъ служебное положеніе и господствовавшія въ этихъ кругахъ правила приличія и тона. Гнетущее впечатлѣніе производило убійство Раича — популярнѣйшаго старожила кievскаго суда, строгаго и по-генеральски рѣзкаго предсѣдателя, но умнаго и независимаго судьи. Траги-комедіей было политическое мученичество присяжнаго повѣреннаго Приступы — адвоката по крестьянскимъ дѣламъ, забитаго и заваленнаго мелкой практикой, не выльзавшаго изъ своего старенькаго фрака, въ которомъ онъ ежедневно выступалъ во всѣхъ отдѣленіяхъ суда и палаты. Онъ былъ безтолковый, но вполне честный и порядочный ходатай за своихъ кліентовъ-крестьянъ, чѣмъ выгодно выдѣлялся изъ среды остальныхъ специалистовъ по крестьянскимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что онъ не имѣлъ никакого отношенія къ политикѣ, — никто въ судѣ не зналъ, какому направленію онъ сочувствуетъ, — и, по всей вѣроятности, какой-либо пріятель на его несчастье записалъ его въ клубъ націоналистовъ . . .

Вторая партія разстрѣлянныхъ ударила прямо по кievской интеллигенціи. Списокъ былъ короче, но среди именъ были два близкихъ и родныхъ Кіеву имени — имена Владиміра Павловича Науменко и Сергѣя Ивановича Горбунова. Разстрѣлъ Науменко былъ, несомнѣнно, самымъ вопіющимъ преступленіемъ кievской чрезвычайки. Какъ мотивъ разстрѣла было указано, что Науменко состоялъ членомъ послѣдняго гетманскаго кабинета и что онъ, вмѣстѣ съ братомъ Игоря Кистяковскаго — профессоромъ Богданомъ Кистяковскимъ, основалъ какуис-то умѣренную украинскую партію. Я лично не былъ знакомъ съ Науменко и не хочу посвящать его свѣтлой памяти банальныхъ или заимствованныхъ словъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей, пользовавшихся совершенно исключительной репутаціей и извѣстныхъ всему Кіеву, — одно изъ немногихъ именъ, которое произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Если бы ему дали умереть своей смертью, за его гробомъ шла бы сотысячная толпа . . . И такого человѣка схватили и поспѣшили разстрѣлять черезъ 24 часа, — чтобы никто не успѣлъ за него заступиться. А въ качествѣ основанія казни не сумѣли объявить ничего иного, какъ то, что онъ былъ товарищемъ по партіи съ братомъ Игоря Кистяковскаго . . .

С. И. Горбуновъ, павшій жертвой своего юрисконсульства въ гетманскомъ Министерствѣ Финансовъ, былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ кievскихъ адвокатовъ. Онъ былъ человѣкъ умный и способный, но вмѣстѣ съ тѣмъ надломанный, неврастеничный, прекрасный товарищъ и собутыльникъ — настоящая русская «широкая натура». Онъ былъ прирожденнымъ пессимистомъ и скептикомъ; общественная и сословная работа у него какъ-то не клеилась. Предъ приходомъ большевиковъ онъ бѣжалъ въ Одессу, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на свою погибель, возвратился и поступилъ на службу въ «карательный отдѣлъ» Комиссаріата Юстиціи. Отчего палъ на его несчастную голову гнусный мечъ Лациса, — невѣдомо и необъяснимо.

Процедура арестовъ, сидѣнія въ че-ка, вызова смертниковъ и разстрѣла много разъ описана. Я стараюсь передавать только непосредственныя впечатлѣнія и не буду поэтому своимъ блѣднымъ перомъ вновь описывать всѣ эти ужасы въ своей упрощенности пріемы чекистской расправы . . . Намъ

пришлось столкнуться съ этимъ кошмаромъ лицомъ къ лицу въ связи съ разстрѣломъ одной изъ жертвъ пресловутаго проходимца, «бразильскаго консула» графа Пирро. Я не буду касаться и этой драмы, такъ какъ вся роль Пирро для меня остается загадочной*.

Однажды — это было въ іюль, — развернувъ газету, я былъ потрясенъ. прочитавъ въ кровавомъ синодикѣ еще одно имя. Че-ка сообщала о разстрѣлѣ Иордана Николаевича Пересвѣтъ-Солтана. Онъ былъ пламенный польскій патриотъ и погибъ на посту, какъ рыцарь безъ страха и упрека. I. H. былъ въ то время предсѣдателемъ польскаго Исполнительнаго Комитета. Когда начались аресты среди поляковъ, онъ временно скрылся на пригородную дачу одного товарища по адвокатскому сословію. И вотъ однажды зять его Стемковскій, посѣтившій его въ этомъ убѣжищѣ, передалъ ему, что въ польскомъ обществѣ существуетъ неудовольствіе тѣмъ, что онъ, оффиціальная глава его, скрывается и какъ бы бросаетъ тѣнь на всѣхъ поляковъ. Иордану Николаевичу было достаточно этихъ словъ, чтобы немедленно же сняться съ мѣста и возвратиться обратно въ городъ. Въ ту же ночь онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ невольнымъ виновникомъ его гибели Стемковскимъ. Черезъ нѣсколько недѣль они оба были разстрѣляны по обвиненію въ связяхъ съ польскими легионами. Въ очередной газетной «сводкѣ» подлѣ имени Пересвѣтъ-Солтана значилось: «бывшій предсѣдатель Кіевской Судебной Палаты». Въ дѣйствительности, онъ никогда не былъ судьей, а былъ извѣстнымъ въ городѣ адвокатомъ и состоялъ предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета, а затѣмъ товарищемъ предсѣдателя Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Но такими деталями, повидимому, не интересовались слѣдователи и судьи, рѣшавшіе вопросъ о его жизни и смерти...

Такъ дѣлала свое дѣло чрезвычайка.

Типичное «совѣтское учрежденіе», со своими сотрудниками, барышнями, комслужемъ, агит-просвѣтомъ и прочими атрибутами, — осуществляло функціи террористовъ и палачей...

Достоевскій вложилъ въ уста Шатова слѣдующія слова о «бѣсахъ» революціи:

«О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ»...
(«Бѣсы», ч. II, гл. VI.)

Этотъ гениальный психологическій штрихъ слишкомъ хорошо подтвержденъ большевизмомъ и чрезвычайкой. Послѣ прихода Добровольческой Арміи среди оставленныхъ Вучека бумагъ нашлись нѣкоторые журналы засѣданій ея коллегіи, подъ предсѣдательствомъ Лациса. Журналы эти были составлены, примѣрно, по слѣдующему типу:

С л у ш а л и

1) Объ отпускѣ по болѣзни товарищу Иванову.

2) О бывшемъ профессорѣ университета Арманевскомъ, обвиняемомъ въ контръ-революціи.

П о с т а н о в и л и

1) Дать отпускъ на 2 недѣли по представленіи медицинскаго свидѣтельства.

2) Подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія.

* См. Архивъ, т. 3 с. 210.

И такъ далѣе, — приговоры къ разстрѣлу въ перемежку съ постановленіями о выдачѣ ликвидаціонныхъ и наградныхъ и съ другими вопросами внутренней жизни канцеляріи. Нельзя себѣ представить ничего характернѣе этихъ кровавыхъ журналовъ «Коллегіи В. У. Ч. К.». Какъ эти люди — революціонеры и ниспровергатели *par excellence* — раболѣпно цѣплялись за самую внѣшнюю, мелкую сторону разрушаемаго міра! Коллегія чекистовъ, «отрекшихся отъ стараго міра», творить судъ и расправу надъ контръ-революціонерами — и въ то же время всѣми силами стремится ни на шагъ не отойти отъ шаблона какого-нибудь уѣзднаго сѣзда земскихъ начальниковъ. При этомъ, въ качествѣ настоящихъ выскочекъ и *parvenus*, канцеляристы изъ че-ка употребляютъ техническіе термины тамъ, гдѣ это даже и не полагается. Уголовный приговоръ, а тѣмъ паче приговоръ къ смертной казни, разумѣется, никогда не бывалъ изложенъ въ видѣ абстрактной формулы — «подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія». Но вѣдь рабоче-крестьянская власть такъ безмѣрно любитъ выскопарные термины и бумаги съ печатями, которыя «три съ половиной чело-вѣка подписываютъ» . . .

* * *

*

Занятые высокой политикой и борьбой на многочисленныхъ фронтахъ, большевики въ 1919 году еще не успѣли наложить своей мертвящей руки на всѣ проявленія хозяйственной и культурной жизни Кіева. Магазины продолжали торговать*, гимназій и университеты еще существовали въ прежнемъ видѣ. Населеніе еще не успѣло изголодаться и опуститься. Люди жили съ запасовъ или со службъ; жалованій еще хватало на минимальныя потребности, особенно если въ семьѣ было нѣсколько служащихъ. Независимыхъ газетъ въ Кіевѣ не выходило. Помѣщеніе «Кіевской Мысли» было занято редакціей «Извѣстій Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета». Кромѣ этого оффиціального органа выходилъ оффиціозъ «Коммунистъ» и нѣсколько украинскихъ большевистскихъ газетъ. Въ Харьковѣ нѣкоторое время еще существовалъ меньшевистскій органъ — не помню его названія, — въ которомъ военный обозрѣватель различными темными намеками поддерживалъ въ публикѣ надежду на интервенцію союзниковъ. Эта газета бралась въ Кіевѣ на расхватъ и мы называли ее «буржуазнымъ утѣшителемъ».

Слухи о помощи со стороны союзниковъ, объ ихъ близкомъ приходѣ изъ Одессы, о спасительныхъ условіяхъ Версальскаго мирнаго договора, возлагавшихъ будто бы не то на Германію, не то на Польшу миссію удушенія большевиковъ, — уже тогда непрерывно муссировались въ Кіевѣ. Большевистскій режимъ вообще является золотымъ вѣкомъ слуховъ; впрочемъ, эта черга эпохи, вмѣстѣ съ другими бытовыми чертами, вполнѣ проявилась впоследствии, въ третій и четвертый приходы большевиковъ.

Въ дѣйствительности, несмотря на обнадеживающія статьи «буржуазнаго утѣшителя» и на слухи объ интервенціи, военныя дѣла большевиковъ шли, по началу, блестяще. Ихъ власть распространялась все дальше и дальше на югъ; въ началѣ апрѣля пала Одесса, за ней послѣдовалъ и Крымъ. Вся Украина и Донъ были подъ властью большевиковъ... Одновременно съ этимъ спартаковскій

* Кромѣ націонализированныхъ книжныхъ магазиновъ.

«путчъ» въ Берлинѣ и авантюра Бѣла-Куна въ Венгріи поддерживали разговоры о начинающейся всемірной революціи.

Однако, большевикамъ на этотъ разъ не было дано и часа насладиться плодами побѣды. Какъ морской прибой, безъ единой минуты остановки, смѣняется отливомъ, такъ и волна большевистскаго наступленія, достигнувъ предѣльной точки, въ тотъ же моментъ покатилаcь обратно. Первые удары военному могуществу большевиковъ на Украинѣ были нанесены повстанцами. Отложился покоритель Одессы атаманъ Григорьевъ, затѣмъ возникли повстанческіе очаги въ Уманьщинѣ, въ Подоліи, у Полтавы. Струкъ, Ангелъ, Зеленый, Махно — всѣ эти имена бандитскихъ и повстанческихъ вождей привлекали къ себѣ все большее вниманіе. Каждый отрядъ въ отдѣльности былъ слабъ, никакихъ лозунговъ (кромѣ неизмѣннаго «бей жидовъ!») у нихъ не существовало и возстанія обычно безъ труда ликвидировались красной арміей. Но, разсѣянные въ одномъ уѣздѣ, повстанцы появлялись черезъ нѣкоторое время въ другомъ. Они останавливали поѣзда, убивали коммунистовъ и евреевъ, грабили, портили желѣзно-дорожный путь.

Эта партизанская война подкашивала силы большевиковъ, необходимыя имъ для сопротивленія противъ начавшагося въ іюнь 1919 г. историческаго похода Добровольческой арміи. Ей предстояло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ завоевать не только всю Украину, но и почти всю Россію.

Кіевскіе шептуны и передатчики слуховъ какъ будто меньше всего интересовались Добровольческой арміей. Имя Деникина, унаслѣдовавшаго постъ ея вождя послѣ смерти ген. Алексѣева, очень мало говорило тогда уму и сердцу кіевлянъ. А единственное соприкосновеніе съ добровольческими частями, которое мы имѣли во время защиты Кіева отъ Петлюры въ декабрѣ 1918 года, не могло оставить особенно обнадеживающихъ воспоминаній. Однако, со времени занятія добровольцами Донскаго бассейна наступленіе ген. Деникина силою вещей выдвинулось на первый планъ общественнаго вниманія. Стало ясно, что не взирая на всѣ слухи, только это и есть тотъ единственный сильный врагъ, съ которымъ большевикамъ предстоитъ бороться не на жизнь, а на смерть.

Наступленіе добровольцевъ шло чрезвычайно быстро, какъ всѣ пережитыя нами наступленія — отступленія. 25 іюня 1919 г. палъ Харьковъ, черезъ нѣсколько дней — Екатеринославъ. Положеніе красной арміи на Украинѣ становилось серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что основная коммуникаціонная линія съ Москвой была подъ угрозой. Наше правительство начало нервничать. Раковскій послалъ по митингамъ и провозглашалъ повсюду, что республика въ опасности.

Начались мобилизаціи. Сначала было декретировано «всеобщее военное обученіе», — глупая затѣя, изъ которой абсолютно ничего не вышло. Затѣмъ пошли призывы все новыхъ и новыхъ возрастовъ. Параллельно начались усиленные хлопоты объ отсрочкахъ. За время гражданской войны мы пережили безконечное количество мобилизацій; насъ мобилизовалъ гетманъ противъ Петлюры, затѣмъ Петлюра противъ большевиковъ, затѣмъ большевики противъ добровольцевъ, затѣмъ добровольцы противъ большевиковъ, наконецъ, снова большевики противъ поляковъ и Врангеля. Всѣ эти мобилизаціи были, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Всегда въ мобилизаціонномъ декретѣ стремились захватить возможно болѣе широкій кругъ лицъ и каждому уклоняющемуся отъ призыва отставному ветеринару или бѣлобилетнику грозили самыми суровыми наказаніями. Вопросъ о предоставленіи отсрочекъ учащимся и служащимъ различныхъ учреждений регламентировался съ величайшей подробностью. Устанавливались

процентныя нормы, по которымъ учрежденіямъ предоставлялось ходатайствовать объ отсрочкѣ исключительно для самаго органиченнаго числа своихъ самыхъ необходимыхъ, незамѣнимыхъ и неоцѣнимыхъ сотрудниковъ. Разрѣшенный процентъ былъ обыкновенно весьма малъ и, при точномъ соблюденіи нормы, оказывалось, что на отсрочку можетъ разсчитывать, въ каждомъ учрежденіи, примѣрно, $\frac{3}{4}$ одного служащаго. Однако, ходатайства о предоставленіи отсрочки можно было возбуждать въ неограниченномъ числѣ. И съ первыхъ же дней мобилизаціи, комиссіи по отсрочкамъ бывали завалены такимъ необозримымъ количествомъ прошеній, что на разсмотрѣніе ихъ уходило нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ кандидаты на отсрочку были свободны отъ явки. Обыкновенно, эти кандидаты такъ и не успѣвали получить отвѣта изъ комиссіи, пока не приходила новая власть и не нужно было готовиться уже къ новой мобилизаціи.

По мѣрѣ приближенія Добровольческой арміи положеніе въ Кіевѣ становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Была объявлена милитаризація учрежденій, при которой служащихъ заставляли бездѣльничать, вмѣсто шести, восемь часовъ въ день. Наряду съ этимъ, шло сокращеніе штатовъ и начиналась подготовка къ эвакуаціи. По мѣрѣ того какъ приходъ добровольцевъ представлялся уже неминуемымъ, вопросъ объ эвакуаціи пачиналъ все больше и больше волновать населеніе. Было тяжело и противно видѣть, какъ увозилось безконечное количество запасовъ и всякаго имущества, въ томъ числѣ, напр., оборудованія реквизированныхъ частныхъ лѣчебницъ и т. д. Но самымъ грознымъ былъ вопросъ о возможности принудительной эвакуаціи людей. Въ городѣ распространялись слухи о предстоящемъ увозѣ цѣлаго ряда категорій интеллигенціи — инженеровъ, профессоровъ, адвокатовъ, врачей. Въ дѣйствительности, это несчастье стряслось только надъ послѣдними. «Обычай» гражданской войны, повидимому, допускалъ, чтобы населеніе эвакуируемой территоріи было оставлено безъ медицинской помощи. Какія-то чрезвычайныя коллегіи и комитеты съ неограниченными полномочіями, руководствуясь какими-то загадочными критеріями, намѣчали, по спискамъ врачей, своихъ жертвъ и публиковали ихъ имена въ «Извѣстіяхъ». Обреченные должны были въ 2 — 3 дня сняться съ мѣсть и вѣхать куда-то вдалѣ . . .

Между тѣмъ, извѣстія съ фронта становились все менѣе и менѣе утѣшительными для красной арміи. На западѣ, у австрійской границы, воскресъ Петлюра, собравшій снова какую-то армію и также двигавшійся на Кіевъ. Его войска заняли Жмеринку и перерѣзали прямую связь Кіева съ Одессой.

Въ то же время добровольцы не переставали приближаться. Палъ Константинополь, пала Полтава. Стали поговаривать о томъ, что Деникинъ не идетъ прямо на Кіевъ только для того, чтобы совершенно отрѣзать большевиковъ отъ Москвы, занявъ, прямымъ ударомъ изъ Харькова, Бахмачъ и Ворожбу. Настроеніе въ совѣтскихъ кругахъ сдѣлалось паническимъ. Многіе стали спѣшно отправлять на сѣверъ своихъ женъ, оставаясь въ Кіевѣ налегкѣ, чтобы уѣхать въ послѣднюю минуту. Для отступленія большевикамъ оставалось только два пути — гужомъ по Черниговскому шоссе или по Днѣпру въ Гомель. Для высшихъ сановниковъ были приготовлены автомобили, которые должны были увезти ихъ, въ минуту опасности, по шоссе. А остальные уѣзжавшіе дрались изъ-за мѣсть на пароходахъ.

Совѣтскія учрежденія стали спѣшно готовиться къ эвакуаціи. Это выражалось, прежде всего, въ томъ, что «отдѣлы личнаго состава» тщательно сжигали

всевозможные таблицы и списки съ именами служащихъ. Въ этомъ дѣлѣ «совѣтскія барышни» и кавалеры проявляли колоссальное рвеніе. Они высиживали цѣлыя ночи на пролетѣ, пересматривая груды бумагъ и выскивая подлежащія уничтоженію фамиліи сотрудниковъ.

Одновременно съ этимъ шелъ спѣшный раздѣлъ всѣхъ запасовъ комслужей, продовольственныхъ секцій и т. п.

Учрежденія, вѣдавшія транспортъ, — въ частности Губтрамоть Совнархоза, — были облечены исключительными полномочіями и стремились осуществить широкіе планы увоза изъ Кіева всего того, что большевикамъ хотѣлось бы захватить съ собой.

Результаты дѣятельности Трамота были видны на улицахъ города.

Безконечное количество подводъ, груженныхъ всякими вещами, спускалось по улицамъ города на Подоль, къ гавани. Тутъ были и реквизируемыя швейныя машины, и утварь эвакуируемыхъ учреждений, и кожа, и мѣшки съ солью. . . Иногда попадалась подвода съ щегольскими чемоданами, довольно часто — подводы съ мебелью. Возлѣ гавани, особенно въ послѣдніе дни, происходилъ форменный базаръ: половина свезенныхъ къ Днѣпру вещей попадала не на пароходы, а въ руки перекупщиковъ. Этотъ специфическій видъ спекуляціи — скупка подлежащихъ вывозу «казенныхъ» вещей — впервые возникъ въ эти дни; въ послѣдствіи онъ всплывалъ на поверхность при каждой эвакуаціи, которыхъ мы пережили еще немало. . .

Когда дѣло начинало уже близиться къ развязкѣ и окончательное оставленіе Кіева ожидалось со дня на день, въ нашемъ городѣ появился спеціальныи посланецъ Москвы — Петерсъ. Ему, повидимому, было поручено вспырнуть камфору умиравшей совѣтской власти на Украинѣ. Кіевъ былъ объявленъ «укрѣпленнымъ райономъ» и Петерсъ назначенъ его комендантомъ. Его помощникомъ былъ назначенъ Лацисъ.

Будучи не въ силахъ измѣнить что-либо въ военномъ положеніи, Петерсъ и Лацисъ стали отыгрываться на внутреннемъ врагѣ. Была объявлена какая-то грозная мобилизація для рытья окоповъ, участились облавы на дезертировъ и провѣрки документовъ на улицахъ. При этомъ хватали и сажали въ че-ка по малѣйшему подозрѣнію и безъ всякаго подозрѣнія.

Такимъ образомъ, въ подвалахъ чрезвычайки набрались сотни сидѣльцевъ. И надъ ними была учинена кровавая расправа.

Однажды утромъ газеты вышли съ безконечно-длиннымъ, столбца въ два, спискомъ разстрѣлянныхъ. Ихъ было, кажется, 127 человекъ; мотивомъ разстрѣла было выставлено враждебное отношеніе къ совѣтской власти и сочувствіе добровольцамъ. Въ дѣйствительности, какъ выяснилось потомъ, коллегія чрезвычайки, усиленная Петерсомъ, рѣшила для острастки произвести массовый разстрѣлъ и выбрала по списку заключенныхъ всѣхъ, противъ кого можно было выставить хоть что-нибудь компрометирующее.

Среди 127-ми разстрѣлянныхъ былъ Мих. Ник. Добрынинъ — предсѣдатель Домоваго Комитета нашего дома. Эти семь мѣсяцевъ онъ по должности присутствовалъ на всѣхъ обыскахъ, арестахъ, реквизиціяхъ. Онъ держался вполне корректно съ большевиками и былъ вообще очень остороженъ. Но въ каждомъ его словѣ, въ самыхъ интонаціяхъ его по великосвѣтскому картавящей рѣчи чувствовалось такое безконечное презрѣніе къ своимъ собесѣдникамъ изъ че-ка или жилотдѣла, — что онъ не могъ не нажить себѣ враговъ и педоброжелателей

въ совѣтскихъ кругахъ. И вотъ, наканунѣ освобожденія Кіева, они свели съ нимъ счеты . . .

Дѣйствительное число разстрѣлянныхъ не ограничивалось опубликованнымъ въ газетахъ спискомъ. Въ самый послѣдній день предъ уходомъ большевиковъ въ че-ка разстрѣливали уже безъ всякаго учета и контроля. Ужасная судьба постигла одного изъ жильцовъ нашего дома — Юс. Сол. Горенштейна. Несчастье его состояло въ томъ, что онъ выглядѣлъ не по лѣтамъ молодо. При уличной провѣркѣ документовъ указанный въ его паспортѣ возрастъ — 53 года — вызвалъ подозрѣніе. Горенштейнъ былъ арестованъ. Стали за него хлопотать, но изъ высшихъ чекистскихъ сферъ былъ полученъ отвѣтъ: кто это беспокоится о немъ, вѣдь онъ сахарозаводчикъ? Заступники, послѣ этого, не рѣшались проявлять большой активности въ его дѣлѣ. — Въ списокѣ разстрѣлянныхъ Горенштейнъ не значился, это отчасти успокаивало его семью. Но его все же не освобождали. Наонець, большевики ушли — а узникъ домой не вернулся и среди увезенныхъ заложниковъ его также не было . . .

Только черезъ нѣсколько дней выяснилась его участь. Люди, жившіе въ домѣ напротивъ Губчека, видѣли, какъ за нѣсколько часовъ до оставленія города красноармейцы вывели изъ помѣщенія че-ка нѣсколькихъ человекъ, въ томъ числѣ одного съ длинной бородой и въ черныхъ лакированныхъ ботинкахъ съ сѣрыми вставками; ихъ повели въ домъ на Садовой № 5, гдѣ производились разстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома вышелъ красноармеецъ, державшій въ рукахъ черные, съ сѣрыми вставками, ботинки.

Быть можетъ, эти голубившіеся солдату ботинки и погубили Горенштейна . . .

V. Добровольцы

(сентябрь — ноябрь 1919 года)

Деникинъ или Петлюра? — Печальныя реликвіи. — Начало юдофобской травли. — Подъ знакомъ возстановленія. — Адвокатура и бывшіе совѣтскіе служащіе. — День 1 октября 1919 г. — Погромъ. — «Пытка страхомъ». — Разочарованіе и упадокъ. — Политическія ошибки и военныя неудачи. Деморализація. — Кіевскія настроенія въ октябрѣ и ноябрѣ. — Паническая эвакуація 28 ноября. — Ночь на вокзалѣ. — «Въ третій и послѣдній разъ».

По направленію къ Кіеву продвигались одновременно двѣ противобольшевистскія арміи — съ востока добровольцы, съ запада Петлюра съ галичанами. Было неясно, кто изъ нихъ займетъ городъ и каковы ихъ взаимоотношенія.

Наши кіевскіе всезнайки — а таковыхъ много въ каждомъ городѣ — утверждали, что, какъ само собою разумѣется, между Петлюрой и добровольцами есть соглашеніе, чуть ли ни санкціонированное Антантой. Приводили и детали этого соглашенія . . . Любопытно, что диллетантизмъ въ политическихъ сужденіяхъ часто приводитъ къ чрезмѣрной рационализациі всего происходящаго: для всезнаекъ причина всякихъ переворотовъ, завоеваній и т. д. есть всегда чье-то тайное велѣніе, тайное соглашеніе и т. п. Только простаки, по ихъ глубокому убѣжденію, могутъ удѣлять въ современной исторіи мѣсто и для случайности, и для бессознательныхъ стихійныхъ процессовъ . . .

Въ данномъ случаѣ, вопреки всякой очевидности, оказались правы именно простаки. Добровольцы и петлюровцы шли навстрѣчу другъ другу не только безъ всякаго соглашенія между собой, но даже съ опредѣленно враждебными намѣреніями. И тѣ, и другіе стремились захватить Кіевъ. Особенно добивались этого петлюровцы, которые, въ сущности, шли почти безъ боя, слѣдуя за эвакуирующими правобережную Украину красноармейскими частями.

Украинцамъ и удалось перехватить на одинъ день нашъ городъ. Утромъ 31 августа 1919 года, послѣ довольно тревожной ночи, со снарядами и пожарами, мы застали на Городской Думѣ желто-голубое знамя и увидѣли на Думской площади хорошо одѣтыхъ и имѣющихъ европейскій видъ галиційскихъ солдатъ. Неизмѣнный Е. П. Рябцовъ, уже вступившій въ исполненіе обязанностей Городского Головы, велъ переговоры съ галиційскимъ начальствомъ. Въ тотъ же день съ утра стали появляться въ городѣ пришедшіе изъ-за Днѣпра патрули добровольцевъ.

Населеніе встрѣчало тѣхъ и другихъ съ энтузіазмомъ. Но было непонятно, кѣмъ же, собственно говоря, Кіевъ занятъ и что будетъ дальше.

Въ серединѣ дня въ городъ вступилъ значительный конный отрядъ добровольцевъ во главѣ съ генераломъ Бредовымъ. Въ первый же часъ его пребыванія въ Кіевѣ произошелъ инцидентъ, ускорившій дальнѣйшее развитіе событий. Когда отрядъ Бредова спускался внизъ по Александровской улицѣ, его встрѣтили съ Крещатика выстрѣлами; то же потворилось у Думы, когда добровольцы пожелали водрузить, рядомъ съ желто-голубымъ, также и трехцвѣтное русское знамя.

Генераль Бредовъ немедленно вызвалъ къ себѣ представителей галиційскихъ частей и предложилъ послѣднимъ въ теченіе 24-хъ часовъ покинуть городъ. Тѣ подчинились и на слѣдующее утро въ Кіевѣ оставались уже одни только добровольцы.

Настроеніе въ городѣ было приподнятое. Все населеніе высыпало на улицы, мелькали бѣлыя платья и праздничные наряды. Сами добровольцы въ своихъ англійскихъ хаки имѣли щегольской и молодцеватый видъ. Толпы народа ходили по городу съ національными флагами и, — несмотря на тяжелыя воспоминанія, связанныя съ «патріотическими манифестаціями», — въ этотъ день было пріятно видѣть и эти толпы, и эти знамена. Чувствовалось всеобщее единеніе, напоминавшее первые дни революціи. Большевицкая власть, чрезвычайка и разстрѣлы представлялись какимъ-то дурнымъ сномъ, навсегда схороненнымъ. Поспѣшное бѣгство большевиковъ, кровавыя расправы предъ уходомъ, всеобщее возмущеніе противъ нихъ — все это не оставляло, казалось, и сомнѣнія въ томъ, что эта опозорившаяся и всѣми проклиная власть окончательно отошла въ исторію . . .

Впрочемъ, эти мысли невольно охватывали насъ регулярно при каждой эвакуаціи . . . Тѣмъ трагичнѣе бывало разочарованіе, когда большевики — возвращались.

Анти-большевицскія чувства толпы били черезъ край. Они особенно мусировались тѣми печальными реликвіями, которыя оставили по себѣ послѣдніе дни совѣтской власти. Слово «чрезвычайка» было у всѣхъ на устахъ. Толпы народа тянулись въ бывшія помѣщенія че-ка. Самая ужасная картина открывалась предъ посѣтителями въ домѣ на Садовой № 5. Какъ я уже говорилъ, тамъ Губчека (помѣщавшаяся напротивъ, въ генераль-губернаторскомъ домѣ) производила разстрѣлы. Для этого дѣла былъ приспособленъ особый бетонированный

сарай, стѣны котораго хорошо заглушали звуки выстрѣловъ... Сарай этотъ былъ оставленъ ушедшими большевиками въ самомъ кошмарномъ видѣ. Полъ былъ залитъ кровью, по угламъ валялись куски человѣческихъ мозговъ. Картина была потрясающая.

Хотя дѣйствительность была достаточно ужасна, но народная молва стремилась сдѣлать ее еще ужаснѣе. Создавались легенды о будто бы найденныхъ изуродованныхъ трупахъ, объ орудіяхъ пытокъ и т. д. Все это было чистымъ вымысломъ. Большевики дѣлали свое заплочное дѣло самымъ упрощеннымъ и быстрымъ образомъ...

Тѣла жертвъ послѣднихъ разстрѣловъ, въ большинствѣ, не были еще похоронены. Они лежали въ мертвецкой Анатомическаго театра, гдѣ несчастные родные разыскивали и опознавали ихъ. Изъ Анатомическаго театра ежедневно направлялись на кладбища похоронныя процессіи.

Во всѣхъ учрежденіяхъ служили панихиды по погибшимъ сочленамъ. На нашемъ первомъ адвокатскомъ собраніи мы не досчитались десяти товарищей, павшихъ жертвами чрезвычайки и самосудовъ...

Газеты чернѣли траурными объявленіями.

* * *

Съ первыхъ же дней добровольческой власти, фанатики и слѣпцы стремились использовать всеобщія чувства траура и скорби для челоѣконенавистническихъ, пагубныхъ цѣлей.

Возбужденіе народа, какъ и слѣдовало ожидать, направилось съ первыхъ же дней противъ евреевъ. Въ эту имепно сторону направляли его, если не сами добровольцы, то весьма значительная часть ихъ политическихъ друзей.

Шульгинъ въ первомъ же номерѣ возобновленнаго «Кіевлянина» счелъ умѣстнымъ напомнить слова своего отца о томъ, что «Юго-Западный Край — русскій, русскій, русскій», и обѣщалъ отнынѣ не отдавать его больше «ни украинскимъ предателямъ, ни еврейскимъ палачамъ». Въ своемъ націоналистическомъ ослѣпленіи Шульгинъ считалъ, что сила Добровольческаго движенія — въ національныхъ русскихъ лозунгахъ. Въ дѣйствительности, однако, сила движенія была въ лозунгахъ не національныхъ, а государственныхъ, не русскихъ, а російскихъ. И какъ разъ роковой ошибкой для всего грандіознаго движенія оказалось то, что оно не сумѣло побѣдить въ себѣ національное высокомеріе и оттолкнуло отъ себя всѣ не націоналистически-русскіе элементы населенія.

Въ отношеніи украинства ложный шагъ былъ сдѣланъ самимъ Деникинымъ. Въ отношеніи же еврейства ему оказали медвѣжьёю услугу его правые сторонники во главѣ съ В. В. Шульгинымъ.

Что бы ни говорить о роли евреевъ въ большевистскомъ движеніи, — изображеніе большевизма какъ національнаго еврейскаго движенія, направленнаго противъ всего русскаго, есть не только клевета, но невѣжество и глупость. Большевизмъ не есть національное движеніе; напротивъ, онъ уничтожаетъ всѣ національные институты. Большевизмъ и не направленъ специально ни противъ какой націи; среди его жертвъ наблюдается полное равноправіе національностей. И если Троцкій и Урицкій евреи, то евреями же были Дора Капланъ и Каннегиссеръ.

Этихъ безспорныхъ истинъ не существовало тогда ни для несознательныхъ массъ, ни для нѣкоторыхъ вполне сознательныхъ руководителей. Народъ, проклиная большевизмъ, находилъ въ евреяхъ его живое воплощеніе. А погромные идеологи всѣми силами поддерживали и дѣлѣли въ немъ эти чувства и представленія.

Съ первыхъ же дней послѣ ухода большевиковъ начались анти-еврейскіе эксцессы. Примѣръ показали наши калифы на часъ — галичане. На одной изъ окраинъ они захватили небольшой отрядъ гражданской милиціи, наспѣхъ организованной въ эти дни Городской Думой, и безжалостно разстрѣляли 34 еврейскихъ юношей, бывшихъ среди милиціонеровъ. Какъ жестоко и слѣпо національное предубѣжденіе: эти юноши, самоотверженно откликнувшіеся на зовъ Думы и еще въ присутствіи большевиковъ, съ большимъ рискомъ для себя, образовавшіе охрану мирныхъ жителей, — эти несчастные юноши были привлечены къ отвѣту за преступленія большевиковъ...

Отдѣльные эксцессы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе дни на улицахъ города. Хватали и избивали людей, которыхъ — правильно или неправильно — «признавали» за бывшихъ комиссаровъ. Въ лучшемъ случаѣ ихъ отводили въ Контръ-развѣдку. Оттуда же продержавъ ихъ пару недѣль, обычно отпускали съ миромъ.

Въ одинъ изъ этихъ первыхъ дней, возвращаясь домой, я увидѣлъ группу возбужденныхъ людей, толпившихся у подъѣзда. Я подошелъ ближе. Одинъ изъ нашихъ жильцовъ, К., съ прежнихъ временъ имѣвшій отношеніе къ сыскной полиціи, съ азартомъ доказывалъ, что стоявшій тутъ же молодой человекъ — комиссаръ изъ чрезвычайки. Къ ужасу я узналъ въ этомъ послѣднемъ своего хорошаго знакомаго Б., шедшаго ко мнѣ въ гости. Б. служилъ въ городскомъ управленіи и былъ нѣсколько разъ въ че-ка, хлопоча за арестованныхъ рабочихъ городскихъ предприятий. Нашъ жилецъ, очевидно, встрѣтилъ его тамъ дважды. И этой встрѣчи было для него достаточно, чтобы теперь называть Б. комиссаромъ и чекистомъ.

К. видимо уже успѣлъ завести связи въ контръ-развѣдкѣ, такъ какъ, по его вызову, черезъ полчаса явился взводъ солдатъ, арестовавшій моего знакомаго. Я направился за нимъ. Его предъявили начальствовавшему въ нашемъ районѣ полковнику, который велѣлъ перевести арестованнаго на ночь въ какое-то помѣщеніе на глухомъ Кловскомъ спускѣ.

«Г. полковникъ, — спросилъ я его, подавляя волненіе, — арестованному ничего не угрожаетъ?»

Полковникъ перемѣнился въ лицѣ и рѣзко отвѣтилъ: «Мы не большевики, не разстрѣливаемъ».

Однако, эту ночь мы были не вполне спокойны за судьбу Б. — На слѣдующее утро его перевели въ контръ-развѣдку, помѣщавшуюся на Фундуклеевской улицѣ, а оттуда въ тюрьму. Мы сейчасъ же подняли на ноги всѣхъ и вся, получили отъ Городского Головы удостовѣреніе о совершенной лояльности Б., но все это не произвело большого впечатлѣнія. Его освободили только недѣли черезъ двѣ. Впослѣдствіи, по другому дѣлу, я обратился съ просьбой о заступничествѣ къ прокурору судебной палаты С. М. Чебакову, который лично зналъ арестованную (помощника присяжнаго повѣреннаго). Но тогда же мнѣ передали отзывъ о Чебаковѣ одного генерала изъ контръ-развѣдки, заявившаго, что Чебаковъ, котораго назначилъ прокуроромъ «мерзавецъ — Керенскій», для него не авторитетъ... Единственнымъ способомъ вызволить

кого-либо изъ контръ-развѣдки было найти знакомаго слѣдователя или нащупать путь къ кому либо изъ не безсеребряныхъ чиновъ канцеляріи . . .

Въ этомъ всѣ подобныя учрежденія — большевистскія и анти-большевистскія — похожи другъ на друга! . .

* * *

*

Эпоха добровольцевъ, — особенно въ первое время, — была эпохой возрожденія и возстановленія всего разрушеннаго совѣтскимъ режимомъ. Скажу болѣе: это была послѣдняя возможная попытка возстановленія въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. возстановленія безъ постройки на-ново, путемъ простой отмѣны всего содѣяннаго большевиками. Въ Кіевѣ, гдѣ большевики провели всего полгода, такое возстановленіе было тогда еще возможно. Уничтоженныя большевиками учрежденія еще существовали, ихъ матеріальный и личный составъ былъ еще налицо. Достаточно было снять валетъ декретовъ, и все могло еще воскреснуть — судъ, городское самоуправленіе, университетъ, торговля, банки и т. д. Эта возможность тогда еще была, но, повторяю, это была послѣдняя возможность . . .

Подъ знакомъ возстановленія и прошли первыя недѣли Деникинскои власти. Всѣ выселенные устремлялись обратно въ свои квартиры, разыскивая по городу реквизированную у нихъ мебель. Банки, изъ которыхъ были увезены векселя и процентныя бумаги, открыли вновь свои операціи. Заработали фабрики и заводы. Жизнь стала значительно дешевле — хлѣбъ дошелъ до 7-ми рублей за фунтъ, въ то время какъ при большевикахъ онъ стоилъ около 20 рублей, а предъ эвакуаціей даже 70 рублей.

Нѣкоторое смятеніе на рынкѣ вызвали валютныя мѣропріятія новой власти. До этого момента широкая публика почти не дѣлала различія между различными сортами русскихъ денегъ. Извѣстнымъ фаворомъ пользовались только такъ-называемыя «царскія деньги», которыя почти не обращались на рынкѣ. Но о возможности различныхъ цѣнъ на одинъ и тотъ же предметъ при расчетѣ на разную валюту никто тогда еще и не подозрѣвалъ. «Керенки», «украинки» и «совѣтскія» шли совершенно на-равнѣ; послѣднія принимались даже охотнѣе всего, такъ какъ среди «керенокъ» и особенно среди украинскихъ пятидесятирублевокъ было много фальшивыхъ и рваныхъ. — Непосредственно предъ приходомъ добровольцевъ появился лажъ на керенки и украинки; курсъ совѣтскихъ денегъ палъ. А вскорѣ послѣ переворота совѣтскія деньги были аннулированы особымъ приказомъ и большая масса населенія, снабженная главнымъ образомъ этими деньгами, оказалась въ весьма тяжеломъ положеніи.

Валютный вопросъ, повторяю, внесъ нѣкоторое смятеніе и вызвалъ неудовольствіе противъ новой власти; но общая картина была все же картиной возрожденія нормальной хозяйственной жизни. Всѣ продукты появились въ изобиліи, продавцы перестали бояться реквизицій, условія транспорта улучшились. Жить стало легче.

Быстро возродилась, съ приходомъ добровольцевъ, также общественная и правовая жизнь.

Городская управа, съ Городскимъ Головою Рябцевымъ во главѣ, стояла на своемъ посту съ самыхъ первыхъ дней. Впослѣдствіи составъ управы былъ измѣненъ и мѣсто Рябцова занялъ кадетъ П. Э. Бутенко.

Возродился старый судъ. Старшій предсѣдатель судебной палаты Д. Н. Григоровичъ-Барскій пріѣхалъ въ Кіевъ чуть не съ передовымъ отрядомъ генерала Бредова и тотчасъ же созвалъ общее собраніе судебной палаты, постановившее, начиная съ послѣдующаго дня, открыть вновь всѣ судебныя учрежденія округа. Предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, получивъ отъ Григоровичъ-Барскаго официальное увѣдомленіе объ этомъ, немедленно созвалъ адвокатскіе Совѣты. По зданію суда стали тащить и перетаскивать мебель, возстановливая помѣщенія въ прежнемъ видѣ...

Возродилась и пресса. «Кіевлянинъ», молчавшій съ марта 1918 года, вышелъ съ лирической статьей Шульгина подъ заглавіемъ: «Они вернулись»... «Они» — это были тѣ офицеры и юнкера, которые въ ноябрѣ 1917 года, послѣ побѣды Центральной Рады, ушли изъ Кіева на Донъ. «Кіевская Мысль», вслѣдствіе политическихъ треній въ средѣ редакціи, не могла быть возстановлена въ старомъ видѣ. вмѣсто нея вышла газета подъ названіемъ «Кіевская Жизнь», въ которой не принимали участія руководившіе «Кіевской Мыслью» меньшевики: Эйшикинъ, Балабановъ, Дрелингъ, Наумовъ. Д. І. Заславскій (Nominus) — по партійной принадлежности бундовецъ — остался въ «Жизни». — Появилось нѣсколько новыхъ газетъ: состоявшее при какомъ-то торгово-промышленномъ комитетѣ «Кіевское Эхо», антисемитскіе «Вечерніе Огни» и др.

Возрожденіе кіевской адвокатуры — его мнѣ пришлось наблюдать ближе всего — происходило далеко не безболѣзненно. Вѣроятно, та же картина имѣла мѣсто и въ другихъ сословіяхъ и учрежденіяхъ; но здѣсь, благодаря публичному характеру нашей сословной жизни, все было болѣе открыто и явно. вмѣстѣ съ охватившей всѣхъ радостью, съ перваго же дня поднялась волна злобы. Среди адвокатуры она была направлена противъ бывшихъ «совѣтскихъ служащихъ», то-есть тѣхъ адвокатовъ, которые занимали при большевикахъ тѣ или иныя должности. Почти вся молодая часть сословія относилась къ этой категоріи: не имѣя никакихъ запасовъ и средствъ, представители молодой адвокатуры неминуемо должны были поступать на службу. Они дѣлали это съ тѣмъ большимъ правомъ, что тактика саботажа была уже похоронена и на сѣверѣ, а нашъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, неоднократно запрошенный по данному предмету, никакого принципиальнаго воспрещенія не высказалъ.

Итакъ, было среди насъ много — нѣсколько сотъ — бывшихъ совѣтскихъ служащихъ. Огромное большинство служило въ различныхъ канцеляріяхъ на нейтральныхъ должностяхъ и ничѣмъ себя не скомпрометировало. Тѣ, которые занимали политическіе посты, теперь уѣхали съ большевиками. Наконецъ, было и нѣсколько такихъ, которые, не переходя къ коммунистамъ, опозорили себя и косвенно опозорили сословіе своимъ поведеніемъ, наживая деньги благодаря знакомствамъ въ «сферахъ» или участвуя въ отдѣльныхъ неблаговидныхъ затѣяхъ большевиковъ. Имена этихъ послѣднихъ адвокатовъ были болѣе или менѣе у всѣхъ на устахъ, и, казалось бы, не было ничего проще и естественнѣе, чѣмъ возбудить противъ данныхъ лицъ дисциплинарное преслѣдованіе.

Однако, охватившій довольно широкіе круги духъ мстительности, подогрѣваемый юдофобскими настроеніями, не удовлетворялся такимъ непоказнымъ результатомъ. Многимъ неудержимо хотѣлось вести травлю. Они и стали травить всѣхъ бывшихъ совѣтскихъ служащихъ, выдвигали фантастическіе проекты объ исключеніи всѣхъ ихъ изъ сословія, объ особой реабилитаціонной комиссіи и т. д.

Къ сожалѣнію, въ первыя недѣли этому по существу злобному и несправедливому настроенію поддались довольно многіе искренніе и честные элементны. Нѣкоторыхъ охватила потребность къ покаянію и самобичеванію и они, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, поддерживали этимъ мстительныя тенденціи людей иного типа. Къ числу такихъ невинно-кающихся принадлежалъ и покойный Юрій Исааковичъ Лещъ. Смыслъ его прекрасной рѣчи въ первомъ нашемъ общемъ собраніи сводился къ тому, что всѣ виновны въ трусости и чуть ли не въ измѣнѣ и что поэтому никто не смѣетъ судить другихъ. Къ сожалѣнію, рѣчь, которая въ наиболѣе яркихъ своихъ частяхъ носила характеръ обличенія, была воспринята какъ поддержка наиболѣе рѣзкихъ правыхъ резолюцій. И въ концѣ концовъ, несмотря на противодѣйствіе обонхъ Совѣтовъ, была большинствомъ голосовъ принята резолюція, заключающая въ себѣ элементъ общаго порицанія поведенію адвокатуры съ самаго начала революціи.

Проявившіяся въ этомъ общемъ собраніи тенденціи встрѣтили, однако, все усиливавшееся противодѣйствіе среди прогрессивныхъ элементовъ сословія. Организационнымъ центромъ для послѣднихъ явилась образованная еще въ сентябрѣ 1919 года «Адвокатская группа Союза Возрожденія Россіи». Группѣ удалось вызвать нѣкоторый переломъ въ настроеніи сословія и провести свой, отнюдь не правый, кандидатскій списокъ на выборахъ въ оба Совѣта.

* * *

Общее собраніе для выборовъ въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ было первоначально назначено на 1 октября 1919 года. Но этотъ день сулилъ намъ нѣчто совсѣмъ иное...

30 сентября вечеромъ я былъ въ своей школѣ и засидѣлся тамъ довольно поздно, такъ какъ происходило общее собраніе «школьнаго коллектива» (то-есть учениковъ и учителей) для обсужденія ряда вопросовъ. Оно затянулось часовъ до 11-ти вечера. Вернувшись домой усталый, я легъ спать; а утромъ, часовъ въ восемь, меня разбудили и сказали мнѣ, что городъ эвакуируется и черезъ нѣсколько часовъ будетъ занятъ большевиками.

Это событіе — большевистскій налетъ на Кіевъ въ октябрѣ 1919 года — имѣлъ въ дѣйствительности точно такой же характеръ чисто кинематографической неожиданности, какой ему приданъ мною въ этомъ описаніи. 30 сентября никому въ Кіевѣ (быть можетъ, за исключеніемъ высшаго военнаго начальства) не приходила въ голову мысль о возможности прихода большевиковъ; а 1 октября этотъ приходъ сталъ, хотя и эфемерной, но все же реальной дѣйствительностью.

Было извѣстно, что большевистскія части, отрѣзанныя на югѣ Украины, пробиваются на сѣверъ. Извѣстно было и то, что Петлюровскія войска съ ними не сражаются, а пропускаютъ ихъ впередъ — въ тылъ Добровольческой Арміи. Но газеты сообщали объ этихъ большевистскихъ частяхъ, какъ о дезорганизованныхъ, голодныхъ и безоружныхъ бандахъ, скрывающихся по лѣсамъ. И этимъ сообщеніямъ нельзя было не вѣрять; мы всѣ видѣли, что представляетъ изъ себя отступающая красная армія, — здѣсь же говорилось о частяхъ, отрѣзанныхъ отъ своей базы и обреченныхъ на гибель.

Извѣстно было и то, что большевистскія части подходят къ Ирпеню, гдѣ стоитъ добровольческій заслонъ. Разумѣется, Ирпень недалекъ отъ Кіева, верстахъ въ 20-ти, и это обстоятельство могло бы внушать нѣкоторое безпокойство. Но въ нашихъ штатскихъ головахъ не умѣщалась мысль о томъ, что Добровольческая Армія, побѣдоносно продвигавшаяся вглубь Россіи, занявшая Курскъ и Воронежъ и подступавшая къ Орлу, — не поставила у Кіева достаточно сильнаго заслона, чтобы защитить его отъ дезорганизованныхъ большевистскихъ бандъ.

Тѣмъ не менѣе, случилось именно это невозможное.

Въ ночь съ 30-го на 1-е большевики прорвали возлѣ Пуци-Водицы тонкій добровольческій заслонъ и продвинулись вплотную къ городу. Остальныя части арміи, чтобы не быть окруженными, должны были спѣшно отступить за Днѣпръ. Городъ былъ оставленъ на произволь судьбы.

Возбужденіе среди жителей было колоссально. Большевистскій налетъ считали кратковременнымъ эпизодомъ, въ мощь Добровольческой Арміи еще вѣрили. Но всѣ представляли себѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, что большевики успѣютъ натворить даже за нѣсколько дней хозяйничанья въ Кіевѣ.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ предпочло вовсе не переживать этихъ дней въ Кіевѣ и послѣдовало за отступавшими добровольцами на лѣвый берегъ Днѣпра.

Мы рѣшили остаться въ городѣ, но перейти на другую квартиру. Весь день ушелъ на приведеніе въ порядокъ различныхъ оставляемыхъ вещей и бумагъ, и только часовъ въ семь вечера мы могли двинуться въ путь. Къ этому времени въ городѣ наступила уже знакомая намъ полоса безвластья. Армія уже оставила городъ, пока еще никѣмъ не занятый. На улицахъ было жутко и тихо. И только издали доносилась порой трескотня пулеметовъ.

Не встрѣтивъ на своемъ пути ни одного человѣка, мы прошли черезъ Липки на Александровскую улицу и подошли къ дому, въ который направлялись. Подлѣ дома стояла кучка солдатъ, какъ будто выжидающихъ чего-то. «Должно быть, какая-нибудь запоздавшая часть отступающей арміи», подумалъ я. Не вступая ни въ какіе разговоры съ солдатами, мы вошли въ подъѣздъ.

Какъ оказалось, это былъ передовой отрядъ большевиковъ.

Домъ, въ которомъ мы нашли пріютъ, былъ во власти этого отряда всю послѣдовавшую затѣмъ ночь. Нѣсколько комнатъ было уже «реквизировано» для ночевки солдатъ. А отъ времени до времени красноармейцы заходили въ квартиры съ различными требованіями — пищи, одежды и т. д.

Отрядъ предъ нашимъ домомъ все увеличивался. Подвезли артиллерию, подъѣхали конные и красноармейскія войска заполнили всю лежащую предъ нами улицу. Но впередъ они отчего-то не продвигались. Такъ мы и легли спать, съ красноармейскимъ отрядомъ подъ окнами. На слѣдующее утро, однако, солдатъ предъ домомъ уже не было, а про ночевавшихъ въ домѣ сообщалось, что и они въ серединѣ ночи куда-то исчезли. Въ городѣ продолжала царить тишина.

Положеніе было для насъ совершенно неяснымъ. Обѣ борющіяся арміи какъ будто боялись другъ друга и опасались продвинуться впередъ. А городъ Кіевъ оказался какъ бы нейтральнымъ островомъ между ними...

Въ дѣйствительности, какъ потомъ выяснилось, добровольцы не оставили всего города. Мосты черезъ Днѣпръ и Печерскія высоты непрерывно оставались въ ихъ обладаніи. Развѣдчики, высланные стоявшею предъ нашими окнами

большевистской частью, повидимому, сообщили ей эти свѣдѣнія, послѣ чего она поспѣшила ретироваться. Такъ обстояло дѣло въ нашемъ районѣ; другія же части города, расположенныя со стороны брестъ-литовскаго шоссе, были во власти большевиковъ.

Мы скоро увидѣли, что городъ не только не былъ нейтральной полосой, но, напротивъ, сталъ настоящимъ полемъ сраженія.

Бой начался 2 октября. Мимо нашихъ оконъ, спускаясь съ Печерска на Крещатикъ, проскакала добровольческая конница. Со всѣхъ сторонъ раздалась пулеметная и ружейная стрѣльба. А вскорѣ къ этимъ звукамъ присоединились знакомыя напѣвы артиллеріи . . .

Въ теченіе двухъ или трехъ дней мы находились въ полосѣ боя. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы были въ полномъ невѣдѣніи о его ходѣ и результатахъ. Мы судили по тому, что было предъ нашими глазами. Добровольческія части то спускались съ Печерска внизъ, то снова отступали наверхъ. По этимъ маневрамъ мы судили о стратегическиххъ успѣхахъ всего фронта и съ замирающимъ сердцемъ вглядывались въ лицо каждому солдату, стремясь прочесть на немъ, какова ожидающая насъ участь. 3-го или 4-го октября предъ самымъ нашимъ домомъ добровольцами была водружена пушка и это событіе, разумѣется, привлекло напряженнѣйшее вниманіе всего дома. Пушка выстрѣлила, посыпались разбитыя стекла нижнихъ квартиръ. Мы чувствовали себя на позиціи, чуть ли не участниками боя. . . . Черезъ нѣсколько часовъ пушку отвезли по Александровской вверхъ и мы съ отчаяніемъ смотрѣли ей вслѣдъ — намъ казалось, что теперь, значитъ, все пропало . . .

На самомъ дѣлѣ, однако, картина, которая развѣрталась предъ нашими окнами, не давала правильнаго представленія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Хотя бой и шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ общемъ производилось систематическое выбиваніе большевиковъ изъ города. Добровольцы занимали улицу за улицей, участокъ за участкомъ. Мы были въ ближайшемъ тылу боя и къ намъ даже не долетали снаряды. То, что мы считали наступленіемъ и отступленіемъ, было въ дѣйствительности лишь тыловыми маневрами по смѣнѣ частей.

Числа пятаго стало совершенно очевидно, что городъ отвоеванъ у большевиковъ. Пушка предъ нашимъ домомъ не обманула нашихъ ожиданій.

* *
*

Нашъ предсѣдатель Домоваго Комитета съ какимъ-то смущеннымъ видомъ заходитъ къ намъ въ квартиру.

— О чемъ вы объяснялись съ этими офицерами, Василій Корниловичъ?

— Да такъ, знаете. . . Они спрашивали, гдѣ у насъ въ домѣ еврейскія квартиры . . .

Такъ вотъ оно что.

Невольню вспомнился вечеръ 18 октября 1905 года. Я былъ тогда гимназистомъ 6-го класса. Мы всей семьей спускались внизъ по лѣстницѣ, направляясь къ знакомымъ праздновать объявленіе конституціи. Но, еще не успѣвъ сойти внизъ, мы увидѣли швейцара, поспѣшно запирающаго выходную дверь.

— Что случилось?

— Да такъ, знаете. . . У насъ тутъ впизу живетъ портной. . . еврей. Такъ у него стекла разбились . . .

Тотъ же смущенный, какъ будто виноватый голосъ . . .

Погромъ Онъ висѣлъ въ воздухѣ въ первые дни прихода добровольцевъ. Но не было санкціи, — хотя бы молчаливой, — со стороны начальства, а безъ нея погромы не начинаются. Въ сентябрѣ изъ разныхъ мѣстъ стали поступать извѣстія о погромахъ. Но въ Кіевѣ настроеніе улеглось. Грозившій и несостоявшійся погромъ никогда не осуществляется безъ новаго толчка. Налетъ большевиковъ 1 октября и обратное завоеваніе города дали такой новый толчокъ погромнымъ настроеніямъ. А обстановка была такая, что явное одобреніе нѣкоторой части населенія и прессы и молчаливая санкція начальства были обеспечены . . .

Погромъ и начался.

Странный это былъ погромъ, спокойный, дѣловитый, — по-моему, даже какъ бы компрометирующій идею еврейскаго погрома. При всемъ желаніи, въ томъ, что дѣлалось въ эти дни въ Кіевѣ, нельзя было видѣть и тѣни стихійнаго проявленія народнаго гнѣва. Никакого подъема, никакой ширины, никакого разрушенія. Въ прежнія времена расхищеніе еврейскаго имущества происходило хоть въ облакѣ пуха изъ распоротыхъ перинъ и подъ звонъ разбитыхъ стеколъ. Теперешніе погромщики стали несравненно дѣловитѣе и практичнѣе. Они понимали, что при существующихъ цѣнахъ было бы грѣшно разломать хоть бы бездѣлицу . . .

Техника октябрьскаго погрома 1919 года была примѣрно слѣдующая. Въ еврейскую квартиру заходитъ вооруженная группа, человекъ пять-шесть. Одинъ становится у парадной двери, другой у двери на черный ходъ. Послѣ этихъ предупредительныхъ мѣръ начинается лирическая часть. Одинъ изъ шайки обращается къ хозяину квартиры съ рѣчью: вы, еврей, молъ, большевики и предатели, вы стрѣляли въ насъ изъ оконъ, вы уклоняетесь отъ призыва въ армію и т. д. — извольте отдать на нужды Добровольческой арміи все, что у васъ есть цѣннаго, деньги, золото, драгоценности; не отдадите добровольно, будете немедленно разстрѣляны; найдется что-либо запрятанное, сдѣлаемъ обыскъ, все обнаружимъ, а васъ разстрѣляемъ за укрывательство. Если жертва народнаго гнѣва послѣ этого спѣшила выложить достаточную сумму, все этимъ и кончалось; если нѣтъ, пускались въ ходъ болѣе интенсивные приемы вымогательства — ее ставили къ стѣнкѣ, приставляли дуло револьвера къ головкамъ дѣтей и т. д. и т. д.

Въ болѣе глухихъ частяхъ города, въ особенности въ уединенныхъ, оставленныхъ хозяевами усадьбахъ, происходило не вымогательство, а настоящее разграбленіе. Тутъ на помощь «иниціативной» группѣ являлись въ большинствѣ случаевъ живущіе по сосѣдству дворники, мастеровые, прислуга и т. д. Имущество растаскивали до нитки, оставляя только мебель. Но и здѣсь оконъ не били и ни одного стула не ломали.

Среди участниковъ такихъ разграбленій бывали иногда люди, знакомые или связанные въ дѣловомъ отношеніи съ ограбленной еврейской семьей. Въ этихъ случаяхъ мстители за поруганные національные идеалы послѣ погрома для избѣжанія обыска и для восстановленія знакомства, возвращали хозяевамъ что-либо изъ «взятыхъ на храненіе» и «спасенныхъ отъ гибели» вещей . . .

По сравненію съ романтическими временами 1881 и 1905 гг., нынѣшніе погромщики стали практичнѣе и въ самомъ выборѣ своихъ жертвъ. Въ прежнія времена, когда путемъ погромовъ боролись съ еврейской эксплоатаціей, жертвами погрома оказывались въ громадномъ большинствѣ — бѣдняки изъ предмѣстій; теперь, когда погромы являются возмездіемъ за большевизмъ, они падаютъ исключительно на богатыхъ . . .

Человѣческія жертвы были, увы! и отъ того погрома. Но убійства производились какъ-то параллельно и независимо отъ ограбленій. Не было бунтующей толпы, грабящей и убивающей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ солдаты, — преимущественно кавказцы, весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было русскихъ патріотическихъ чувствъ, — ловили на глухихъ улицахъ молодыхъ евреевъ и расправлялись съ ними. Но даже и отъ нихъ часто можно было откупиться.

Въ дни погрома и въ послѣдующіе дни бывали и иного рода случаи самосудовъ и разстрѣловъ. Подъ предлогомъ ареста уводили еврейскихъ молодыхъ людей, которые больше не возвращались. Расправлялись и съ тѣми, кто позволялъ себѣ защищаться и защищать другихъ.

Убивали не въ квартирахъ, не въ пылу борьбы. Нѣтъ, жертву уводили и приканчивали въ укромномъ мѣстѣ. И въ этомъ сказалась модернизация погромнаго дѣла.

Ни одного разбитаго стекла, ни одного поломаннаго стула; дѣловитость и экономія силъ; деньги, деньги и деньги. . .

Таковъ былъ этотъ современный погромъ въ октябрѣ 1919 года въ Кіевѣ.

Разумѣется, юдофобская пресса сумѣла сочинить и для этого погрома благовидныя причины и придать ему нѣкоторую долю идейности. Погромную кампанію въ прессѣ начали «Вечерніе Огни» — бездарный и безчестный уличный органъ. А увѣнчалась она не менѣе безчестными, но болѣе талантливыми статьями В. В. Шульгина въ «Кіевлянинѣ».

Вмѣсто разорванныхъ царскихъ портретовъ, которые играли такую важную роль въ погромахъ 1905 г., на этотъ разъ фигурировала стрѣльба евреевъ изъ оконъ въ добровольческія войска. «Вечерніе огни» въ первомъ же своемъ номерѣ, вышедшемъ по возвращеніи добровольцевъ въ Кіевъ, помѣстили пространную статью съ указаніемъ десятковъ случаевъ стрѣльбы евреевъ въ уходившія и наступавшія добровольческія войска. Всѣ случаи сообщались съ образцовой подробностью и точностью, съ называніемъ именъ и указаніемъ адресовъ. Всѣ они были затѣмъ провѣрены и всѣ, безъ единого исключенія, оказались ложью. Результаты разслѣдованія были черезъ два дня опубликованы «Кіевскою Жизнью». Но, разумѣется, никакихъ практическихъ результатовъ разоблаченіе не имѣло: публикація, естественно, не успѣла предотвратить погрома, а впечатлѣніе статьи «Вечернихъ огней» все равно не изгладилось. Можно ли доводами разума заставить кого-либо усомниться въ томъ, во что онъ хочетъ вѣрить? Въ данномъ же случаѣ, Шульгинъ откровенно сказалъ въ одной изъ своихъ статей, что напрасно евреи отрицаютъ, что они стрѣляли изъ оконъ, такъ какъ имъ «все равно никто не повѣритъ». По компетентному мнѣнію Шульгина, всѣ эти попытки самооправданія со стороны евреевъ только разжигаютъ юдофобскія чувства; поэтому онъ и назвалъ Зарубина и Рябцева, особенно много работавшихъ надъ выясненіемъ истины, «самыми главными погромщиками города Кіева» . . .

Еврейское населеніе отнеслось къ погрому съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ. Нервы были истощены до крайности, а послѣ кровавыхъ кошмаровъ послѣднихъ лѣтъ можно было ожидать отъ погромщиковъ величайшихъ жестокостей. По ночамъ изъ домовъ, въ которые пытались войти погромщики, доносился душу раздирающій вой; сотни голосовъ взывали о помощи. Иногда это дѣлалось отъ страха, а иногда изъ расчета: погромщиковъ обычно бывало человѣкъ 5—6 и видъ цѣлаго дома, бодрствующаго и зовущаго на помощь, въ большинствѣ случаевъ смущалъ ихъ и заставлялъ пройти мимо. Глубоко трагиченъ этотъ ночной

крикъ былъ въ обоихъ случаяхъ — и какъ результатъ отчаянія и какъ единственный возможный пріемъ самозащиты.

Но В. В. Шульгинъ счелъ возможнымъ увѣковѣчить эти ночные крики, какъ назиданіе. Въ своей знаменитой статьѣ «Пытка страхомъ», появившейся въ «Кіевлянинѣ» дня черезъ два послѣ погрома, онъ совѣтовалъ евреямъ, слушающимъ этотъ крикъ, поразмыслить о томъ, сколько вреда еврейская молодежь на дѣлала Россіи. Эта пытка, которой подвергаются старики и дѣти, — «пытка страхомъ», — есть, съ одной стороны, возмездіе евреямъ за ихъ грѣхи, а съ другой напоминаніе и предупрежденіе. А заканчивалась эта позорная статья, — говорю позорная съ полнымъ сознаніемъ смысла и значенія слова, — заканчивалась статья слѣдующимъ канибальскимъ умозаключеніемъ: погромы съ политической точки зрѣнія вредны и съ ними нужно бороться, такъ какъ они вызываютъ слишкомъ много жалости къ евреямъ.

Такъ защищалъ дѣло возрожденія Россіи въ октябрѣ 1919 г. В. В. Шульгинъ.

* * *

Эпизодъ 1 октября и послѣдовавшіе за нимъ погромные дни наложили мрачный отпечатокъ на кіевскую жизнь. Добровольцы оставались у насъ еще два мѣсяца, но все это время городъ жилъ страхами и слухами о приходѣ большевиковъ. Къ тому же распоясанный антисемитизмъ арміи и нѣкоторыхъ ея идеологовъ не могъ не уничтожить того радостнаго чувства единенія и душевнаго подъема, съ которымъ все населеніе Кіева встрѣтило въ августѣ Добровольческую армію.

Получались извѣстія о новыхъ и новыхъ погромахъ. Особенно кровавую страницу добровольцы вписали въ свою исторію въ Фастовѣ. Тамъ уже былъ не погромъ, а рѣзня, истребленіе всего еврейскаго населенія. . . Такъ какъ погромы нужно было чѣмъ-нибудь оправдать, то юдофобская пропаганда правыхъ круговъ все усиливалась. Стали распространять легенды о жестокостяхъ, чинимыхъ евреями надъ солдатами Деникинской арміи. Легенды эти были настолько нелѣпы и неправдоподобны, что не воспроизводились даже въ самой крайней правой печати. Тѣмъ не менѣе ихъ повторяли люди, которые какъ будто причисляются къ интеллигенціи. . . Повидимому, въ иныхъ случаяхъ, когда нѣтъ ритуальнаго убійства, нужно его создать.

Еврейство насильно выключалось изъ состава группъ, поддерживающихъ Добровольческую армію. Нѣкоторые еврейскіе круги принимали крайнія мѣры къ тому, чтобы предотвратить это пагубное для обѣихъ сторонъ отчужденіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ кіевского погрома, человекъ двадцать кіевскихъ еврейскихъ дѣятелей, — не смущаясь презрительнымъ шипѣніемъ и еврейскихъ, и русскихъ націоналистовъ, — образовали «Еврейскій комитетъ содѣйствія возрожденію Россіи». Комитетъ выступилъ въ печати съ деклараціей, призывавшей еврейство къ всемирной поддержкѣ Добровольческой арміи. —

Но событія были сильнѣе самыхъ благихъ намѣреній и начинаній. И ихъ голосъ звучалъ громче самаго горячаго призыва. Между еврействомъ и арміей образовалась пропасть. Еврей, пережившій погромъ, не могъ всеми силами души стремиться не уѣхать въ такія мѣста, гдѣ ему не грозило бы его повтореніе. Еврейскій купецъ, неувѣренный въ своей безопасности и въ безопасности семьи, не могъ ѣздить за товаромъ; этимъ онъ саботировалъ хозяйственное возрожденіе.

Еврей — бывший юнкеръ, произведенный въ офицеры, не могъ продолжать любить армію, которая изгнала его изъ своей среды.

Становилось тяжело жить. Впервые въ эти дни во мнѣ появилось желаніе уѣхать — хотя бы и надолго — за границу. Всякая общественная работа дѣлалась все труднѣе и мучительнѣе . . . Ухудшались, съ приближеніемъ зимы, и внѣшнія условія жизни.

Между тѣмъ, военное положеніе Добровольческой Арміи начало замѣтно измѣняться къ худшему. Большевистскій налетъ на Кіевъ былъ какъ бы сигналомъ, положившимъ начало обратной волнѣ добровольческаго наступленія. Возможности такого налета обнаруживала чрезвычайную необезпеченность тыла добровольцевъ на Украинѣ. Въ значительной мѣрѣ эта необезпеченность была вызвана ошибками политическаго характера.

Деникинъ объявилъ Петлюру измѣнникомъ и не умѣлъ столкнуться съ Польшей. Естественно, что и Петлюра и поляки старались, чѣмъ могли, вредить Добровольческой Арміи. Петлюра открылъ свой фронтъ большевикамъ и далъ имъ возможность съ юга подойти къ Кіеву. Поляки не желали «протянуть руку», чтобы сомкнуть въ районѣ Гомеля свой фронтъ съ фронтомъ Деникина и тѣмъ завершить окруженіе оставшихся на Украинѣ большевистскихъ частей.

Хозяйственная жизнь, которая не переноситъ даже самыхъ справедливыхъ еврейскихъ погромовъ, не налаживалась. Транспортъ былъ разстроенъ совершенно. У насъ не было прямого сообщенія съ Одессой — туда приходилось ѣздить черезъ Бахмачъ. Сообщеніе съ правительственнымъ центромъ — Ростовомъ на Дону — также было крайне медленное и трудное. Надвигалась зима, а между тѣмъ городъ былъ безъ топлива. Стали обзаводиться комнатными печками, такъ какъ на центральное отопленіе уже не рассчитывали. Уголь изъ Харькова не подвозили, электрическія станціи жили изо дня въ день. Трамвайное движеніе сокращалось, электрическое освѣщеніе дѣйствовало нерегулярно. Каждый вечеръ насъ оставляли на часъ или два во мракѣ. Невеселыя думы навѣвали этотъ мракъ . . .

Я невольно сравнивалъ эти внѣшнія условія кіевской жизни въ октябрѣ и ноябрѣ 1919 года съ тѣмъ, что было годомъ раньше — при гетманѣ и нѣмцахъ. Вѣдь тогда тоже была эпоха «контръ-революціи» — отчего же тогда жизнь была ключомъ, а теперь она такъ явно замирала? Неужели все дѣло было въ нѣмцахъ, въ этихъ сѣрыхъ, исполнительныхъ солдатахъ и въ франтоватыхъ, наглыхъ лейтенантахъ? Неужели такъ-таки невозможно своими силами возстановить угольные шахты и заставить работать электрическую станцію? . .

* * *

*

Армія была деморализована. Непрекращавшіеся еврейскіе погромы не прошли для нея даромъ. Растерявъ всеобщее уваженіе и сочувствіе, растерявъ симпатіи торгово-промышленныхъ и, въ частности, еврейскихъ элементовъ населенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ подтачивалась и изнутри. «Грабители, — сказалъ генераль Деникинъ, — не могутъ долго оставаться на мѣстѣ грабежа». Сначала они, послѣ грабежей, уходили впередъ; теперь они стали уходить обратно.

Разлагающее вліяніе еврейскихъ погромовъ призналъ, въ концѣ концовъ, и Шульгинъ. Въ одной изъ послѣднихъ статей въ «Кіевлянинѣ» онъ, со свойственнымъ ему талантомъ, формулировалъ эти мысли въ яркихъ и лакониче-

скихъ строкахъ. И для Шульгина стало ясно, что погромы вредны не только изъ-за вызываемой ими чрезмѣрной жалости къ евреямъ . . . Но было уже поздно.

Национальная нетерпимость Добровольческаго командованія и въ другомъ отношеніи отмстила за себя на судьбѣ арміи. Все украинское движеніе было въ оффиціальному приказѣ Деникина объявлено измѣнническимъ; ни о какомъ соглашеніи съ Петлюрой, разумѣется, не было и рѣчи. Такой политикой этотъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ большевиками былъ обращенъ въ врага. И въ то время, какъ Добровольческая Армія двигалась на Москву, Украина оставалась незамиренной и связи съ портами Чернаго моря не было . . . Неумѣлыми и нерѣшительными переговорами добровольцы оттолкнули отъ себя и другого союзника — Польшу.

Политическія ошибки командованія и эксцессы войскъ прощались общественнымъ мнѣніемъ, пока оно вѣрило, что Добровольческая Армія — такая, какъ она есть — все же ведетъ насъ къ сверженію большевиковъ. Но когда эта вѣра пошатнулась, а затѣмъ стала быстро слабѣть и исчезать, — широкіе круги рѣзко отшатнулись отъ командованія, арміи и политики добровольцевъ.

Та-же картина происходила, повидимому, и у Колчака. Но, характернымъ образомъ, у насъ въ Кіевѣ о Колчакѣ и его правительствѣ не находили иныхъ словъ, кромѣ самаго горячаго восхищенія. Деникину даже ставили въ вину, что онъ нарочито не допускаетъ въ свои края извѣстій о положеніи въ Сибири, чтобы имѣть возможность не слѣдовать либеральному и демократическому примѣру Колчака. Возможно, что въ Сибири въ это время думали то же объ Украинѣ. Эта траги-комедія на тему: «гдѣ же лучше? — гдѣ насъ нѣтъ», происходила въ миниатюрѣ и между Кіевомъ и Одессой. Въ Кіевѣ всѣ надежды возлагали на одесскаго командующаго генерала Шиллинга и на какія-то подчиненныя ему идеальныя части, составленныя изъ нѣмецкихъ колонистовъ. А въ Одессѣ, говорятъ, ждали спасенія отъ кіевского генерала Бредова . . .

Я сказалъ уже, что событія 1 октября были для добровольцевъ сигналомъ къ повороту военного счастья. Съ октябрьскими днями совпало взятіе Орла — этого крайняго пункта на пути къ Москвѣ, который удалось занять добровольцамъ. Черезъ нѣсколько дней, однако, Орель былъ оставленъ. Писали о различныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, по которымъ эвакуація Орла добровольцами должна была быть гибельной для большевиковъ. Этому хотѣлось, но трудно было вѣрить. А когда затѣмъ каждая недѣля стала приносить вѣсть о новомъ отступленіи и о новой эвакуаціи, для насъ стало ясно, что мы обречены.

Подавляюще дѣйствовало на жизнь Кіева то, что большевики, отступивъ отъ города въ первыхъ числахъ октября, снова остановились на Ирпенѣ. Такимъ образомъ, мы все время находились подъ ударомъ. Допосившаяся по ночамъ канонада напоминала намъ о близости фронта и объ измѣчивости военного счастья . . . Въ городѣ часто распространялись слухи о предстоящей эвакуаціи; нѣсколько разъ подымалась паника. Въ десятыхъ числахъ ноября даже началась форменная эвакуація, которая затѣмъ была приостановлена.

Послѣ октябрьскихъ дней я твердо рѣшилъ уѣхать изъ Кіева. Я приводилъ въ порядокъ дѣла и готовился къ отъѣзду. Хотя никакихъ формальныхъ разрѣшеній и пропусковъ для выѣзда не требовалось, но все же это было дѣломъ нелегкимъ: трудно было найти хоть какой-нибудь вагонъ, не говоря уже о болѣе или менѣе оборудованномъ и болѣе или менѣе защищенномъ; трудно было установить свой маршрутъ. 11 ноября мы сдѣлали первую неудачную попытку

уѣхать. Мы провели цѣлую ночь на вокзалѣ, сидя на чемоданахъ, въ переполненной теплушкѣ. Утромъ выяснилось, что насъ съ собой не берутъ и мы вернулись домой. . . Теплушка, въ которой мы просидѣли эту ночь, еще дней пять стояла на кievскомъ вокзалѣ, пока какой-то поѣздъ не включилъ ее въ свой составъ.

Около 20-го ноября условія выѣзда изъ Кіева значительно улучшились: благодаря переходу галиційскихъ частей на сторону Добровольческой Арміи, открылось прямое сообщеніе между Кіевомъ и Одессой на Казатинъ, Жмеринку, Раздѣльную. Мы завели переговоры съ какимъ-то желѣзнодорожникомъ, обѣщавшимъ перевезти насъ въ Одессу. У него былъ, будто бы, готовый къ отправкѣ вагонъ и нужно было только выждать нѣсколько дней, пока возвратятся съ линіи какіе-то локомотивы.

Пока мы ждали этихъ локомотивовъ, Добровольческая Армія все отступала, а большевики все приближались къ Кіеву. Въ военныхъ сводкахъ стали попадаться названія совершенно ужъ близкихъ пунктовъ: Нѣжинъ, Бобровица, Бобринь, Бровары. . . Городъ пустѣлъ.

Мы со дня на день ожидали возможности отъѣзда. И не дождались.

28 ноября намъ пришлось быть на еврейскомъ кладбищѣ и тамъ же, во время похоронъ, мы услышали усиленную канонаду, доносившуюся изъ-за Дняпра. Въ городѣ мы застали уже картину бѣгства. Носились автомобили, военные останавливали на улицахъ извозчиковъ и реквизировали лошадей, все устремлялось на вокзалъ. Стало извѣстно, что большевики прорвали фронтъ у Дарницы и значительно приблизились къ Кіеву.

Подвелъ насъ нашъ желѣзнодорожникъ! . .

На слѣдующее утро я отправился съ двумя изъ предполагавшихся нашихъ спутниковъ къ вокзалу на развѣдку. На Фундуклеевской улицѣ какіе-то военные остановили насъ и пригласили зайти за ними во дворъ ближайшаго дома. Почувъ недоброе, я не послѣдовалъ ихъ приглашенію, повернулся и сталъ быстро спускаться внизъ по направленію къ Крещатику. За своей спиной я услышалъ чей-то голосъ: «Эй, вы, въ черной шляпѣ, — пожалуйте-ка сюда!» Не оборачиваясь, я ускорилъ шагъ и завернулъ за уголъ. Народа на улицѣ было много и солдатъ счелъ неудобнымъ (а можетъ быть и не стоящимъ) гнаться за мной по улицамъ. Я сталъ ожидать возвращенія своихъ спутниковъ. Вскорѣ появился одинъ, отпущенный послѣ того, какъ онъ предъявленіемъ паспорта доказалъ свою непричастность къ еврейству. Второй пришелъ позже; у него забрали 10.000 рублей и кольцо.

Мысль о прогулкѣ на вокзалъ пришлось оставить. . .

Я заранѣе рѣшилъ, въ случаѣ если не удастся уѣхать, не оставаться при большевикахъ въ своей квартирѣ. Въ тотъ же день, — это было 29 ноября, — мы переѣхали въ намѣченную для этого случая комнату. Предъ самымъ нашимъ приходомъ, на лѣстницѣ того дома, гдѣ намъ предстояло поселиться, какой-то солдатъ застрѣлилъ одного изъ еврейскихъ жильцовъ. . .

Мы провели три дня въ нашемъ новомъ жильѣ. По ночамъ слышна была канонада; городъ усиленно обстрѣливался. Днемъ на улицахъ было тихо и пустынно. Мы поголадывали, такъ какъ запасовъ никакихъ не имѣли, а купить что-нибудь было трудно. Да и «деникинскихъ» денегъ торговцы уже не принимали опасаясь ихъ аннулированія большевиками.

2 декабря къ намъ явился вѣстникъ, сообщившій, что вагонъ нашего желѣзнодорожника готовъ, стоитъ на вокзалѣ и сегодня же ночью отойдетъ. Недолго думая, мы рѣшили послѣдній разъ попытать счастья...

* *
*

Снова ночь на вокзалѣ, въ теплушкѣ, на этотъ разъ при несмолкаемомъ грохотѣ снарядовъ. Посреди ночи мы чувствуемъ движеніе колесъ — насъ перевозятъ съ запаснаго пути. Мысленно прощаемся съ Кіевомъ...

Утро. На такъ-называемой «дачной» или «фруктовой» платформѣ большое оживленіе. Стоитъ въ полной готовности поѣздъ, локомотивъ пышетъ уже разведенными парами. Это — такъ-называемый «головной» поѣздъ. Въ немъ размѣстились канцеляріи послѣднихъ воинскихъ частей и нѣкоторые гражданскіе чины. Этотъ поѣздъ, — какъ объясняютъ мнѣ, — уйдетъ послѣднимъ. На путяхъ рядомъ — нѣсколько вагоновъ безъ паровоза, и среди нихъ нашъ вагонъ. Желѣзнодорожникъ съ гордостью показываетъ мнѣ на немъ помѣтку мѣломъ: «отправка З/ХІІ». «Хорошо, — думаю я, — но вѣдь эта помѣтка не замѣнитъ паровоза»...

Проходитъ нѣсколько часовъ. Мы сидимъ въ вагонѣ, выходимъ въ буфетъ чай пить, прогуливаемся по платформѣ. Изъ города намъ приносятъ еще кое-какіе продукты на дорогу. Прощаемся.

Около 12 часовъ дня я замѣчаю нѣкоторое оживленіе среди пассажировъ «головного» поѣзда. Не придаю ему значенія. Вѣрую въ нашего желѣзнодорожника, въ помѣтку мѣломъ «З/ХІІ» и въ обѣщанный паровозъ...

На платформѣ ко мнѣ подходитъ знакомый.

— Если у васъ есть знакомые въ головномъ поѣздѣ, — говоритъ онъ мнѣ, — постарайтесь устроиться тамъ.

— Зачѣмъ же, — наивно возражаю я, — вѣдь головной поѣздъ уйдетъ послѣднимъ?

— Да, но зато онъ уйдетъ навѣрно... Долженъ вамъ сказать, что положеніе ухудшилось. Большевики могутъ черезъ часъ быть на вокзалѣ. Вы представляете себѣ, что будетъ съ тѣми, кого они здѣсь застадутъ... Устраивайтесь въ головномъ поѣздѣ или возвращайтесь въ городъ!

Серьезность нашего положенія ясно предстала предъ моимъ сознаниемъ. Необходимо дѣйствовать, притомъ сейчасъ, не медля ни минуты. Прошу жену, на всякій случай, сложить наши вещи и направляюсь къ головному поѣзду.

«Знакомые?» Какъ будто есть нѣсколько знакомыхъ. Но что изъ того? Они сами съ трудомъ выпросили себѣ мѣсто. Что они могутъ сдѣлать для васъ?

Вотъ товарищъ предсѣдателя суда Дугановъ.

— Митрофанъ Ивановичъ, въ какомъ вагонѣ вы ѣдете? Нельзя ли пригласить васъ?

— Я ѣду съ Персидскимъ Консуломъ Виттенбергомъ. Если хотите, я познакомлю васъ.

Представляетъ меня этому кіевскому персіанину. На барашковой шапкѣ у него значекъ «льва и солнца», видъ вполнѣ дипломатическій.

— Нельзя ли... е т. д.

— Въ моемъ вагонѣ мѣстъ нѣтъ!

Еще нѣсколько попытокъ съ такимъ же успѣхомъ, и я въ отчаяніи возвращаюсь къ нашему вагону. Бросаюсь къ желѣзнодорожнику.

— Вывезете вы насъ или нѣтъ?!

— Да какъ же, вѣдь вы видѣли помѣтку «3/XII». Вагонъ назначенъ къ отправкѣ. Вотъ только паровоза ждемъ.

— А если не будетъ паровоза?

— Долженъ быть. Управление должно вывезти всѣ составы...

Слово «должно» разрѣшило всѣ мои колебанія. Мало ли что должно было случиться; и не случилось? Добровольцы должны были взять Москву, а не уходить изъ Кіева! Категорію долженствованія лучше вовсе устранить изъ нашихъ разсужденій въ такихъ случаяхъ...

— Немедленно возвращаемся въ городъ.

Предъ вокзальнымъ подъѣздомъ нахожу какого-то захудалаго носильщика съ санками.

Вокзаль все наполняется народомъ. Цѣлыя воинскія части проходятъ пѣшкомъ по рельсамъ по направленію къ Посту-Волынскому. Однако, слышны разговоры, что Постъ-Волынскій уже занятъ большевиками и что мы отрѣзаны.

Мы спѣшимъ вверхъ по Безаковской, доходимъ до угла Бибиковского бульвара. Снизу слышны ружейные выстрѣлы. Поперекъ улицы стоитъ солдатская цѣпь. Намъ кричатъ:

— Поворачивай обратно, здѣсь прохода нѣтъ.

Куда же дѣться?

Вспоминаю про друзей, живущихъ на Владимірской улицѣ. Туда можно пробраться переулками...

— Попробуемъ пройти черезъ Назарьевскую.

— Не возьмемъ мы горы-то. Силъ у меня нѣтъ.

Впрягаюсь самъ въ санки, носильщикъ подталкиваетъ сзади. По пути встрѣчаемъ массу какихъ-то людей. Всѣ спѣшатъ куда-то, всѣ стремятся перемѣнить мѣсто, думая этимъ спастись отъ грядущихъ несприятностей. Какой-то перепуганный человѣческій муравейникъ. Встрѣчаются и воинскія части, отступающія къ вокзалу. Мимо насъ пробѣгаетъ сестра милосердія, растерянно спрашивая, застанетъ ли она еще головной поѣздъ...

Выстрѣлы раздаются все чаще и чаще. Слышны и разрывы снарядовъ. Мы узнали вполслѣдствіи, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы находились, былъ въ этотъ моментъ убитъ снарядомъ вызванный къ больной профессоръ Брюно...

Лишь бы добраться до Владимірской...

Дошли, завернули направо. Мы у цѣли.

Въ полномъ изнеможеніи бросаюсь на первую кушетку. Физическая усталость, пережитое нервное напряженіе, сознание неудачи, ожиданіе долгихъ мучительныхъ дней — все это окутываетъ душу какимъ-то безпросвѣтнымъ мракомъ...

«Красная армія, — гласилъ опубликованный 3 декабря 1919 года приказъ, — послѣ героической борьбы, въ третій и послѣдній разъ заняла Кіевъ».

V I. Большевики и поляки

(декабрь 1919 — июнь 1920)

Будни большевизма. — Политическое затишье. — Матерьяльные заботы. — Въ уединеніи. — Условія жизни. Сыпнякъ. — Неожиданная эвакуація. — Вступленіе польскихъ войскъ. — Экономическій тупикъ. Валюта. — Окно въ Европу. — Польское отступленіе. — Послѣдняя «перемѣна».

Въ 1918 году мы увидѣли буйную молодость большевизма, въ 1919-омъ онъ предсталъ предъ нами во всемъ своемъ жестокомъ размахѣ. Въ 1920 году начались большевистскія будни — картина сѣрая и мутная, настроенія томительныя и скучныя.

Съ первыхъ же дней прихода большевиковъ въ концѣ 1919 года было видно, что они полиняли и выдохлись. Исчезло увлеченіе юности и энергія зрѣлаго возраста; наступила усталость. Исчезла дѣтская вѣра въ себя и въ свои силы; началось додѣльваніе дѣла, за которое взялись и которое нельзя было уже бросить, безъ всякой надежды на конечный успѣхъ.

Періодъ третьяго пребыванія у насъ большевиковъ — между добровольцами и поляками — былъ временемъ политическаго затишья. Кіевъ пересталъ быть украинской столицей и высокая политика дѣлалась, подъ суфлера изъ Москвы, въ Харьковѣ. Красная армія одерживала легкія побѣды надъ остатками добровольцевъ. Пала Одесса, палъ Ростовъ, палъ Новочеркасскъ; большевистская лавина остановилась только на порогѣ Крыма.

Мы ждали отъ большевиковъ преслѣдованій и мести; вѣдь весь городъ былъ въ той или иной степени скомпрометированъ въ ихъ глазахъ проявленнымъ сочувствіемъ къ ихъ врагамъ. Однако, никакихъ репрессій не было. Чека нѣсколько присмирѣла. Только изрѣдка она давала о себѣ знать облавами и разстрѣлами «валютчиковъ» и «спекулянтовъ».

Совѣтскія учрежденія обрѣли свой характерный обликъ — собранія недоѣдающихъ и озябшихъ людей съ подавленной волей, въ апатіи и праздности. Наступившая зима наложила этотъ видимый отпечатокъ на внѣшность совѣтскихъ канцелярій. Эти полу-пустыя комнаты съ желѣзными печками, эти люди, сидящіе за своими столами въ пальто, платкахъ и перчаткахъ, эта паносимая съ улицы грязь — все это сливалось въ картину необычайно стильную, но и безконечно унылую. Поражала, послѣ прежней расточительности, скудость во всемъ — въ бумагахъ, въ мебели, въ перьяхъ, въ пишущихъ машинкахъ... Почти въ каждой комнатѣ торжественно разрѣзался и дѣлился между присутствующими дурной черной хлѣбъ — пресловутый паекъ, символъ совѣтскаго существованія.

Если прежде сильнѣе всего проявлялась жестокость и наглость большевистскаго режима, то начиная съ этого времени самой характерной и показательной его чертой стала нечестность и продажность. Наблюдательному взору эти свойства открывались уже по внѣшнему виду людей, занявшихъ теперь начальническіе посты, и, еще болѣе, по наружности тѣхъ, кто ихъ облѣпчивалъ. Каждый вошедшаго въ любое изъ совѣтскихъ учреждений сразу обдавала атмосфера канцелярии старорежимнаго полицейскаго участка или воинскаго присутствія...

Глубокая перемѣна наступила и въ жизни населенія, въ частности его болѣе культурныхъ слоевъ. У всѣхъ, за самыми ничтожными исключеніями, выдвиг-

пулся на первый планъ вопросъ о томъ, какъ прокормиться? Всѣ помыслы были направлены на добываніе хлѣба; остальное отодвинулось далеко назадъ. Дороговизна стала расти катастрофически, процентовъ на 30—40 въ мѣсяць. Жалованья, тарифныя ставки, ликвидаціонныя, — о которыхъ столько говорили въ 1919 году, — все это потеряло существенное значеніе. У всѣхъ была увѣренность, что все равно жалованьемъ не проживешь и что нужно искать другихъ источниковъ для существованія. Экономическая необходимость пробивала брешь въ нелѣпныя схемы тарифной политики, на разработку которыхъ было въ 1919 г. затрачено столько труда. Запрещенное на бумагѣ «совмѣстительство» стало теперь общимъ и терпимымъ явленіемъ. Началась математика расчета «преміальныхъ», «сверхурочныхъ», «сдѣльныхъ» и т. п. Все это, однако, не могло заполнить зияющихъ дыръ, образовавшихся у каждого въ повседневномъ бюджетѣ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей.

Хотя магазины были открыты и базары торговали, но уже началъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ натуральный обмѣнъ вещей на продукты, особенно съ крестьянами. Денегъ на покупки у большинства не хватало, а вещи было выгоднѣе вымѣнивать, чѣмъ продавать. Впрочемъ, практиковалось и то, и другое... При этомъ главнымъ, а одно время даже единственнымъ, пріобрѣтателемъ всего продаваемого былъ привозившій въ городъ продукты крестьянинъ. Позже къ числу покупателей присоединилась новая плутократія изъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ и казнокрадовъ.

Характерной чертой этой внутренней, домашней стороны совѣтскаго существованія является то, что матеріальныя тяготы въ каждой семьѣ оказались въ значительной мѣрѣ переложеными съ мужей на женъ. Выборъ предназначенныхъ для продажи вещей — главнымъ образомъ платья и бѣлья, — ихъ передѣлка подъ крестьянскій вкусъ, самая продажа или обмѣнъ — все это, разумѣется, дѣло женское. А такъ какъ именно «ликвидсобхозъ» (какъ въ шутку называли ликвидацію собственнаго хозяйства) сталъ основнымъ факторомъ матеріальнаго существованія, то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ семьяхъ оказалась женщина.

Что же дѣлали мы, мужья, мужчины? Разумѣется, помогали женамъ въ физической работѣ. А кромѣ этого, дѣлали безконечно мало или почти ничего. Это всеобщее, подневольное бездѣлье стало однимъ изъ проклятій русской жизни. Оно было естественнымъ результатомъ большевистской хозяйственной и политической системы. Прежде всего, всѣхъ (или почти всѣхъ) заставили перестать дѣлать то, что каждый умѣлъ и къ чему привыкъ: коммерсанта заставили перестать быть коммерсантомъ, адвоката — адвокатомъ, журналиста — журналистомъ, чиновника — чиновникомъ. Благодаря многообразнымъ мобилизаціямъ выбили изъ коленъ также большинство работниковъ остальныхъ профессій — врачей, инженеровъ и т. д. Засимъ, всѣхъ обратили въ совѣтскихъ служащихъ, совершенно не заинтересованныхъ въ результатѣ своей работы и обязанныхъ отсиживать положенное казенное число часовъ въ канцеляріяхъ. И наконецъ, поставили всѣхъ въ такія матеріальныя условія, при которыхъ у каждого явилось сознаніе, что трудомъ онъ, во всякомъ случаѣ, на жизнь не заработаетъ, и если можетъ честнымъ образомъ облегчить женѣ тяготы базара, то только защитой своихъ правъ на «преміальныя», орудованіемъ въ комитетѣ служащихъ и хлопотами объ усиленіи пайка.

Трудъ сталъ подневольнымъ и непродуцительнымъ: таковъ былъ результатъ установленія у насъ царства труда. Апофеозомъ этого парадокса стали

такъ-называемые «воскресники». По идеѣ, воскресники мыслились, какъ веселые и дружные пикники или экскурсіи, на которыхъ служащіе различныхъ учреждений, въ праздничные дни, выполняли бы тѣ или иныя физическія работы: нагрузку, очистку, рубку дровъ и т. п. Въ такомъ именно видѣ представляетъ себѣ, между прочимъ, нѣчто подобное нашимъ воскресникамъ П. А. Крапоткинъ въ своей книгѣ «Завоеваніе хлѣба». Но въ дѣйствительности воскресники свелись къ тому, что несчастныхъ совѣтскихъ служащихъ сгоняли по воскресеніямъ въ какой нибудь пунктъ и заставляли дружно и весело работать. Тѣ, разумѣется, отвиливали отъ этой новой обузы всѣми знакомыми по гимназическимъ воспоминаніямъ способами. И въ результатѣ получалась, какъ всегда и во всемъ, — карриатура.

Невольное бездѣліе, какъ результатъ подневольнаго труда, царило не только въ канцеляріяхъ и не только въ городахъ.

Тѣмъ рассказываетъ о томъ, какъ при якобинскомъ владычествѣ самый трудолюбивый хозяинъ на свѣтѣ — французскій крестьянинъ — пересталъ сѣять. Наше крестьянство при совѣтской власти также сократило площадь запашки. Большевики вздумали бороться съ этимъ — газетной агитаціей! Выдумали какой-то «посѣвный фронтъ», разослали агитаторовъ и черезъ нѣкоторое время при помощи подтасованныхъ цифръ торжествовали побѣду на этомъ новомъ фронтѣ. И никто въ совнаркомѣ или наркомѣ не подумалъ о томъ, какое это, въ сущности, *testimonium paupertatis* — агитировать въ газетахъ за то, что крестьянинъ дѣлалъ безъ всякаго понужденія цѣлыя тысячелѣтія до изобрѣтенія печатнаго станка...

Экономическая политика большевиковъ въ эти мѣсяцы также отличалась отсутствіемъ агрессивности. Магазины торговали, хотя въ большинствѣ подъ выѣсками вновь возникшихъ кооперативовъ. Наряду съ новыми, фиктивными, продолжали существовать и прежнія, настоящія кооперативныя объединенія. Въ виду оказываемаго имъ покровительства, они въ нѣкоторыхъ областяхъ заняли положеніе монополистовъ, благодаря которому кооперативы расширялись или, точнѣе, разбухали. Къ нимъ переходило, на предметъ спасенія отъ реквизицій, много частнаго добра. Совѣтская власть сначала съ ними кокетничала, затѣмъ стала ихъ «реорганизовывать»*, и наконецъ — поглотила ихъ.

Большимъ расположеніемъ совѣтской власти пользовались, особенно первое время, артисты. Ихъ профессиональные органы сохраняли нѣкоторую автономію; а мобилизаціи, которымъ ихъ подвергали, не были страшны. Артистическій трудъ оплачивался, по началу, довольно широко. Постепенно, по мѣрѣ общаго оскудѣнія, это благополучіе кончилось.

Театръ также испыталъ на себѣ всѣ изломы совѣтской политики. Сначала его сдѣлали бесплатнымъ для зрителей, а актеровъ вознаграждали очень щедро. Затѣмъ, когда кончились веселые Расплюевскіе дни, это положеніе смѣнилось обратнымъ: стали у публики деньги брать, а актерамъ платить по-нищенски. Миѣ пришлось только однажды быть въ театрѣ во время большевиковъ. Ставили «Овечій Источникъ» Лопе-де-Вега, причемъ революціонная цензура замѣнила въ строфахъ въ честь испанскаго государя слово «король» словомъ «народъ»...

* Миѣ приходилось имѣть дѣло съ однимъ кооперативомъ, который за пять мѣсяцевъ былъ пять разъ реорганизованъ и переименованъ. Сначала это былъ «Областныи союзъ рабочей коопераціи», затѣмъ его слили съ «Центросекціей», затѣмъ съ «Союзомъ», послѣдній переименовали въ «Губсекцію», а ее слили съ «Губсоюзомъ».

Мѣсяцы третьяго пребыванія въ Кіевѣ большевиковъ мы прожили въ пріютившей насъ комнатѣ на Прорѣзной, куда мы перешли 28 ноября, въ день эвакуація Добровольцевъ. Мы жили въ довольно укромномъ мѣстѣ, во второмъ дворѣ, и до насъ, въ большинствѣ случаевъ, не докатывалась волна обысковъ, облавъ, провѣрокъ и реквизицій. За эти мѣсяцы мы не видѣли у себя ни одного сановника изъ Жилотдѣла и, такъ какъ уплотнить насъ больше, чѣмъ мы были уплотнены, было невозможно, то мы были сравнительно спокойны за свое жилье и могли повторять слова англійской поговорки «my home is my castle»¹⁾.

Нашъ castle, какъ я сказалъ, состоялъ изъ одной комнаты, служившей спальней, столовой, кухней, пріемной и рабочимъ кабинетомъ. Это былъ приспособленный для своего новаго назначенія салонъ модной мастерской. Теперь пришлось въ самомъ центральномъ мѣстѣ его водрузить печурку, которая топилась щепками и не поддерживала тепла ни на одну минуту дольше, чѣмъ щепки подкладывались . . .

Первое время мы почти не выходили изъ своей комнаты, но затѣмъ, когда нѣкоторыя тучи разсѣялись, мы слова вышли на свѣтъ Божій. Я возобновилъ чтеніе лекцій въ школѣ. Отсутствіе всякой профессиональной и общественной работы давало возможность и досугъ для работы научной. Я ухватился за эту возможность и, впервые послѣ окончанія университета, сталъ систематически и интенсивно заниматься наиболѣе интересовавшими меня теоретическими вопросами.

Въ мартѣ 1920 года кружокъ юристовъ, группировавшійся съ 1918 года возлѣ О-ва «Право и Жизнь», возобновилъ свои занятія подъ флагомъ вновь открытаго «Кіевскаго Соціологическаго Общества». Еженедѣльно О-во устраивало публичные собранія съ докладами и преніями. Никакихъ препятствій со стороны властей намъ не дѣлали и только однажды, помнится, меня попросили объявить себя больнымъ и отложить докладъ въ виду ожидаемаго посѣщенія кого-то изъ чиновъ Управленія высшей школы . . .

* *
*

Повторяю: большевики вели себя въ эти мѣсяцы довольно мирно. Но это, разумѣется, не могло ни на минуту остановить тѣхъ губельныхъ процессовъ разложенія, обнищанія и вымиранія всей страны, къ которымъ велъ ихъ режимъ.

Кустарное отопленіе желѣзными печками съ выпускомъ дыма черезъ вентиляторы и окна, не могло не приводить къ пожарамъ. А недостатокъ воды вызывалъ то, что о тушеніи рѣчи быть не могло. Сколько ни стогнали для этого «буржуевъ», — загорѣвшійся домъ неминуемо догоралъ до основанія.

Физическія условія существованія становились все хуже и хуже. Въ большинствѣ домовъ съ центральнымъ отопленіемъ, въ которыхъ теперь еле обогрѣвались печками въ каждой квартирѣ 2—3 комнаты, замерзали и лопались водопроводныя и канализаціонныя трубы. Эту катастрофу пришлось испытать и намъ въ нашемъ новомъ жилищѣ, которое оберегало насъ отъ комиссаровъ, но не отъ стихій. Три зимнихъ мѣсяца мы прожили въ самыхъ примитивныхъ санитарныхъ условіяхъ. А когда наконецъ ледъ въ трубахъ оттаялъ, то на

* «Мой домъ — мой замокъ.»

электрической станціи стало недоставать топлива и въ результатѣ вода подавалась водопроводомъ на какія-нибудь полчаса за цѣлыя сутки, притомъ чаще всего ночью. Бывало, раздается у насъ среди ночи звукъ самодѣльнаго гонга: это дворникъ извѣщаетъ жильцовъ, что въ водопроводѣ показалась вода. Обычно она доходила только до подвального или перваго этажа, а иногда показывалась лишь въ одномъ, — самомъ низкомъ, — кранѣ на всю усадьбу. И вотъ, дворъ наполняется народомъ. Жильцы съ ведрами и кувшинами становятся въ очередь и получаютъ живительную влагу. Очередь еще далеко не исчерпана, когда напоръ воды слабѣетъ, а затѣмъ вовсе прекращается. Не наполнившіе своего ведра зыбѣгаютъ на улицу и спѣшатъ внизъ, — на Крещатикъ, на Подоль, — гдѣ, быть можетъ, еще возможно набрать воды...

Убийственныя санитарныя условія и всеобщее недоѣданіе фатально великъ развитію эпидеміи. Въ эту зиму насъ посѣтилъ сыпной тифъ и именно въ первое свое посѣщеніе эта страшная эпидемія приняла самыя жестокия формы. Удовлетворительной статистики не было, несмотря на всѣ «статбюро», но несомнѣнно, что сыпнымъ тифомъ переболѣли въ Россіи милліоны и что смертность была чрезвычайно велика.

Въ каждомъ домѣ было по нѣсколько больныхъ, больницы были переполнены, а на кладбищахъ тѣла по нѣскольку дней выжидали очереди, пока ихъ не предавали землѣ.

Наибольшій рискъ заразы былъ на желѣзныхъ дорогахъ. Люди, пускавшіеся въ путешествіе, натирались какими-то маслами и обвѣшивались амулетами съ нафталиномъ. И все же обычно, послѣ пріѣзда, гдѣ либо въ складкахъ пальто находился экземпляръ передатчика заразы — платяной вши — и приходилось съ замирающимъ сердцемъ выжидать окончанія періода инкубаціи.

А между тѣмъ, эта форма тифа въ Западной Европѣ уже сдана въ архивъ исторіи и о ней вспоминаютъ, какъ о бичѣ, посѣщавшемъ человѣчество когда-то давно — давно...

* * *

Въ концѣ января 1920 года красная армія заняла Одессу. Вскорѣ палъ Ростовъ и на фронтѣ установилось затишье.

Въ западномъ направленіи большевики на этотъ разъ не продвинулись такъ далеко, какъ въ 1919 году. Части волынской и подольской губерній оставались въ рукахъ поляковъ. Въ Каменцѣ и Могилевѣ-Подольскомъ удерживался и Петлюра съ перешедшими вновь на его сторону галичанами.

Отношенія большевиковъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ были для насъ не вполне ясны.

Съ поляками мы все время были на положеніи войны. Никто толкомъ не зналъ, когда эта война началась и изъ-за чего она ведется. Но привыкли къ мысли, что на Западѣ имѣется «фронтъ» и что тамъ, отъ времени до времени, происходятъ незначительныя боевыя столкновенія.

Въ апрѣлѣ 1920 года этотъ фронтъ внезапно оживился. Какъ мы узнали впоследствии, въ это время Пилсудскій заключилъ свое соглашеніе съ Петлюрой и рѣшилъ предпринять большое наступленіе на Украину. Тогда ничего объ этомъ извѣстно не было и мы не ждали никакихъ событій, ни военныхъ, ни политическихъ. Они и наступили, какъ всегда, неожиданно и бравурно.

Около 20 апрѣля Кіевъ посѣтилъ польскій аэропланъ, сбросившій надъ городомъ нѣсколько бомбъ. Затѣмъ стали распространяться слухи о неудачныхъ для большевиковъ бояхъ гдѣ-то подъ Коростенемъ и Овручсмъ. А 27 апрѣля уже была рѣшена эвакуація Кіева.

Я всегда относился весьма скептически къ слухамъ, особенно же къ благопріятнымъ, порождаемымъ не фактами, а желаніями. И на этотъ разъ я упорно отрицалъ возможность какихъ либо переменъ, пока, въ самый день 27 апрѣля, одинъ весьма положительный «продработникъ» не сообщилъ мнѣ, что «создалось положеніе, при которомъ мы вынуждены оставить городъ».

Въ этотъ день Кіевъ имѣлъ еще нормальный видъ, но уже на слѣдующее утро мы увидѣли знакомую намъ картину панической эвакуаціи. Ея полнѣйшая внезапность усиливала стремительность и поспѣшность бѣгства. Красноармейскія части и совѣтскія учрежденія уходили такъ быстро, что врагъ фактически не могъ за ними поспѣвать. Кіевъ былъ совершенно оставленъ большевиками въ послѣдніе дни апрѣля, между тѣмъ какъ поляки подоспѣли къ городу только черезъ 7—8 дней. Мы опять пережили періодъ безвластья...

Этотъ разъ переходное время было особенно тяжелымъ въ продовольственномъ отношеніи. Опытъ послѣднихъ переворотовъ съ послѣдовавшимъ аннулированіемъ денегъ прежней власти (сначала совѣтскихъ, затѣмъ денкинскихъ) научилъ торговцевъ, что въ дни эвакуаціи ни въ какомъ случаѣ нельзя ничего продавать, такъ какъ рискуешь остаться затѣмъ съ кипой ничего не стоящихъ бумажекъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ научилъ и обывателя, что необходимо по возможности обезпечить себя запасами на все время эвакуаціи. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій и повело къ тому, что уже съ утра 28 апрѣля, то-есть въ первый же день эвакуаціи, во всемъ городѣ нельзя было достать ни одного фунта хлѣба, ни одной картошки, ни пуда дровъ.

Отказываться отъ приѣма совѣтскихъ денегъ торговцы не рѣшались; поэтому они и предпочитали припрятывать товаръ или же торговать подъ полой за «керенки» и «царскія». Населеніе, — особенно женская его половина, — изощрялось, изобрѣтая способы обмѣна или кредита.

И почти всѣ голодали.

* * *

Польскія войска вступили въ Кіевъ 7 мая 1920 года и оставались у насъ пять недѣль.

Радость при избавленіи отъ совѣтской власти была, какъ всегда, большая. Но на этотъ разъ у всѣхъ было сознаніе неестественности и непрочности новаго порядка. Пришла и завоевала насъ чужая армія — это было ясно всѣмъ. Ни болѣе благоразумные изъ числа поляковъ, ни тѣмъ менѣе населеніе Украины не думали о томъ, чтобы нашъ край могъ окончательно подпасть подъ власть воскресшей Рѣчи Посполитой. Оффиціальныя пронунаціаменто Пилсудскаго говорили только о помощи самостійной Украинѣ. Это напоминало приходъ нѣмцевъ и гетманшину; большевистская пресса и называла Петлюру кандидатомъ въ гетманы. Но различіе было въ томъ, что вмѣсто нѣмцевъ пришли поляки, а также и въ томъ, что тогда экспериментъ предѣлывался въ первый, а теперь во второй разъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія города польскія войска устроили блестящій парадъ. Со свойственной имъ любовью къ помпѣ и остентаціи, поля-

ки дали намъ весьма импозантное представленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ воинскія части всѣхъ видовъ оружія маршировали по Крещатику. Формы были новехонькія, лошади прекрасныя, муштровка великолѣбная. Офицерство — сама элегантность и удалъ.

Гражданской администраціи поляки у насъ не завели, предоставивъ эту функцію украинцамъ. Верховный Атаманъ Петлюра составилъ кабинетъ министровъ во главѣ съ Прокоповичемъ, при участіи Ефремова, Никовскаго, Салкивскаго и другихъ лучшихъ представителей умѣреннаго украинства. Резиденціей правительства былъ не слишкомъ близкій къ фронту Кіевъ, а Винница. Но и эта предосторожность не спасла кабинетъ отъ необходимости, черезъ нѣсколько дней послѣ своего конструированія, приступить къ эвакуаціи.

Въ кіевскихъ органахъ управленія царилъ совершенный хаосъ. Мы имѣли польскую комендатуру, украинскую комендатуру, губернскаго комиссара Преслухина, какой-то суррогатъ городского управленія. Все это не налаживалось и функціонировало чрезвычайно безпорядочно и растерянно.

Совершенно не налаживалась и хозяйственная жизнь. Если при добровольцахъ мы пережили, какъ я писалъ, полосу возстановленія, то во время поляковъ мы успѣли только убѣдиться въ томъ, какъ безконечно трудно или даже невозможно стало теперь возстановленіе всего разрушеннаго большевизмомъ. Ни банки, ни магазины, ни городскія учрежденія, ни судъ ожить и воскреснуть теперь не успѣли или не смогли. Матеріальный субстратъ всѣхъ этихъ институтовъ — мебель, дѣлопроизводство, архивы, запасы — за протекшіе нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ расхищаться и разрушаться. Личный же составъ окончательно порѣдѣлъ послѣ вторичнаго кіевскаго исхода въ ноябрѣ 1919 года.

Безконечно сложной стала самая элементарная хозяйственная операція — покупка провизіи на обѣдъ. Прежде всего, негдѣ было достать денегъ. При большевикахъ населеніе въ весьма значительной своей части состояло на совѣтской службѣ, теперь оно лишилось жалованія и бросилось на поиски заработковъ. О запасахъ и фондахъ, на которые можно было бы жить въ переходное время, не могло быть и рѣчи: кто могъ что либо накопить за долгіе мѣсяцы недоѣданія и растраты всего накопленнаго прежде?

Однако, голымъ фактомъ бѣдности и безденежья не исчерпывались трудности хозяйственной ситуаціи. Даже для тѣхъ, кто имѣлъ деньги, вставалъ вопросъ, тѣ ли у него деньги, на которыя можно что либо купить. Валютный вопросъ сталъ во время польской оккупаціи фантастически запутаннымъ и острымъ. Циркулировало безконечное количество сортовъ денегъ: совѣтскія, думскія, украинскія, царскія, керенки, польскія марки. Украинскія деньги дѣлились на карбованцы и гривны, карбованцы на тысячныя и пятидесятки. Среди керенокъ различали сороковки и двадцатки, среди царскихъ — пятисотки, сотки и мелочь. Въ качествѣ раритетовъ попадались на базарѣ и всѣ виды звонкой монеты: золотые, серебряные рубли и мелочь. На каждый изъ этихъ четырнадцати сортовъ денегъ былъ особый, притомъ измѣчивый, курсъ. И цѣны каждаго товара были различны на каждый сортъ валюты.

Базарныя торговки должны были стать профессорами математики, чтобы разобратъся во всемъ этомъ финансовомъ лабиринтѣ!

Курсъ денегъ варіировался по сословіямъ. У крестьянъ были свои вкусы, у «биржи» свои. Всеобщими фаворитами были «гривны», царскія и керенки-двадцатки. Съ карбованцами или сороковками въ карманѣ можно было и не

ходить на базаръ . . . Достать привилегированные сорта денегъ было, конечно, чрезвычайно трудно.

Результатомъ бѣдности и валютной путаницы былъ всеобщій голодъ. Ни въ одинъ изъ пережитыхъ нами періодовъ — даже при большевикахъ — экономическая разруха не чувствовалась такъ болѣзненно и остро, какъ въ эти пять недѣль польской оккупациі. И оставалось только утѣшаться тѣмъ, что и этотъ голодъ и эта валютная неразбериха — неизбежный этапъ на пути къ хозяйственному возстановленію, тогда какъ мнимое благополучіе пайковъ и неограниченныхъ бумажныхъ эмиссій есть путь къ дальнѣйшему разоренію и обнищанію. Но нетерпѣніе есть роковой недостатокъ человѣческихъ сужденій, а въ данномъ случаѣ дѣйствительно не было времени для выжиданія.

Настроенія кіевлянъ въ недѣли польской оккупациі были мрачныя и озлобленныя.

*   *
                                 *

Единственнымъ дѣльнымъ учрежденіемъ въ Кіевѣ былъ во времена польской оккупациі Американскій Красный Крестъ. Делегациа его пріѣхала въ Кіевъ въ первые же дни; она устроилась въ чистенькомъ бюро и стала проявлять весьма большую активность. Только когда поляки уходили и населеніе начало грабить и распродавать припасы изъ складовъ Краснаго Креста, — мы увидѣли, сколько добра успѣли за столь короткое время привезти американцы.

Были у насъ и польскія красно-крестныя организаціи. Много бывшихъ кіевлянъ-поляковъ, превратившихся въ красно-крестныхъ генераловъ, постѣтило насъ въ эти недѣли, блистая щегольскими формами. Наладить какую либо реальную работу польскій Красный Крестъ не успѣлъ.

Свѣтлымъ пятномъ среди всѣхъ золъ и бѣдъ было только одно: пріотворенное окно въ Европу, чрезъ которое дохнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ. Желѣзно-дорожная связь съ Варшавой была возстановлена, путешествіе туда длилось всего (!) 36 часовъ. Мы видѣли живыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы, получали свѣжія письма. Всѣ рвались туда — на волю. Но немногіе успѣли уѣхать, такъ какъ затрудненія чинились чрезвычайныя.

— Чѣмъ объяснить, спрашивалъ меня одинъ полякъ, мой товарищъ по сословію, пріѣхавшій теперь изъ Варшавы, — что въ Варшавѣ всѣ бывшіе кіевляне умоляютъ меня помочь имъ возвратиться во-свояси, а здѣсь ни одинъ знакомый не пропускаетъ меня, чтобы не просить вывезти его за-границу?

— Очевидно, русскимъ въ достаточной мѣрѣ плохо живется и здѣсь, и тамъ . . .

Мы, разумѣется, чувствовали только то, какъ плохо здѣсь. И стремились, и искали путей туда.

Наѣзжавшіе польскіе пріятели, на протекцію которыхъ многіе рассчитывали, оказывались въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ сдержанными. Своими средствами получить возможность уѣхать было невысказано. Поэтому всѣ, кто имѣлъ родныхъ за-границей, бомбардировали ихъ письменными просьбами о помощи въ этомъ дѣлѣ.

«Вопросъ о томъ, какъ бы отсюда выбраться, — писалъ я брату въ Америку въ маѣ 1920 года, — сталъ послѣдніе полгода основнымъ вопросомъ нашего существованія. Мы совершенно извелись

физически, духовно и морально. Жизнь невыносима и непрерывно ухудшается, независимо отъ политическихъ перемѣнъ.

Теперь произошла очередная — по счету 12-ая — смѣна власти: большевики ушли, явились, pour changer, поляки. Но мы живемъ, кромѣ текущихъ заботъ, исключительно мыслью объ отъѣздѣ.

Хлопочите за насъ!»

Въ письмѣ къ роднымъ въ Парижъ, относящемся къ тому же времени, я писалъ:

«Теперь у насъ, въ связи съ пріотворившимся окномъ въ Европу, на очереди вопросъ объ отъѣздѣ. Мы твердо рѣшили при первой возможности бросить все и ѣхать сломя голову, безъ средствъ, безъ плановъ — лишь бы уѣхать. Въ холодномъ ужасѣ отъ мысли, что, можетъ быть, снова здѣсь застрянемъ и будемъ переживать все сначала».

Эти письма дошли до своихъ адресатовъ, когда въ Кіевѣ уже были большевики.

* * *

*

Кіевъ оказался предѣльнымъ пунктомъ движенія поляковъ на Востокъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, у Броваровъ, польскія войска укрѣпились; завоеваніе лѣвобережной Украины Петлюра долженъ былъ произвести своими силами.

Все время пребыванія въ Кіевѣ поляковъ, до насъ доносились изъ-за Днѣпра звуки канонады; отъ времени до времени прилетали аэропланы, бросавшіе бомбы. Разумѣется, это не могло способствовать налаженію жизни и успокоенію. Зато въ крѣпости своего фронта поляки не сомнѣвались. На лѣвый берегъ подвезли черезъ весь городъ тяжелыя орудія необычайно внушительнаго вида... Приблизительно за недѣлю до бѣгства поляковъ, одинъ изъ красно-крестныхъ генераловъ говорилъ мнѣ, цитируя слова главнокомандующаго: «Пусть вся германская армія попытается продолбить наши Броварскія позиціи — удержимся!»

Вспоминая парадъ польскихъ войскъ на улицахъ города и сравнивая эту картину съ видомъ отступавшихъ красноармейскихъ частей, невозможно было сомнѣваться въ томъ, что эта похвальба, при данныхъ условіяхъ, имѣетъ нѣкоторыя основанія.

Однако, какъ я говорилъ, прошло немного времени послѣ произнесенія этихъ гордыхъ словъ, какъ все пошло прахомъ. Поляковъ гдѣ-то обошли или потѣснили, ихъ стратегическое положеніе сдѣлалось невозможнымъ и вся эта щегольская армія съ необычайной поспѣшностью ринулась обратно. Кажется, 23 іюня былъ оставленъ Кіевъ, а черезъ два мѣсяца большевики были въ 20-ти верстахъ отъ Варшавы...

Эвакуація наступила, какъ всегда, неожиданно и внезапно. До послѣдняго дня газеты сообщали о прекрасномъ положеніи на фронтѣ. А затѣмъ вдругъ вовсе перестали писать о фронтѣ... Мы же своимъ опытнымъ глазомъ увидѣли всѣ непреложные признаки предстоящей «и е р е м ѣ н ы»*.

* Слово «перемѣна» было протонароднымъ терминомъ, установившимся въ Кіевѣ для обозначенія политическаго переворота. Всего съ 1917-го по 1920-й годъ мы

Уходъ поляковъ сопровождался различными безобразіями и разрушеніями, какъ намѣренными, такъ и стихійными. Были, по стратегическимъ соображеніямъ, взорваны всѣ мосты, ведущіе черезъ Днѣпръ. Цѣнной мостъ, построенный при Николаѣ I и являющійся одной изъ кіевскихъ достопримѣчательностей, такъ и не былъ потомъ возстановленъ. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ. Сгорѣла 4-я гимназія, въ которой съ 1914 года помѣщался лазаретъ, сгорѣла украинская комендатура. Сгорѣлъ — это стало эвакуаціонной традиціей — пакгаузъ на товарной станціи. Товары изъ этого пакгауза и изъ разграбленныхъ складовъ американскаго краснаго креста затѣмъ долгое время продавали на всѣхъ базарахъ. Эта массовая продажа и покушка краденаго была хорошимъ показателемъ для уровня общественныхъ нравовъ, до котораго мы докатились. Вѣроятно во всемъ Кіевѣ не было тогда ни одной семьи, которая не распивала бы въ послѣдовавшіе затѣмъ голодные дни американскаго какао...

*   *
*   *

Поляки уходили. Наши надежды на отъѣздъ не осуществились. Въ самый день ухода войскъ я подошелъ къ помѣщенію американцевъ для послѣдней попытки умолить ихъ вывезти насъ.

— Have you any official business? * — спросилъ меня стоявшій у входной двери очаровательный мальчикъ — гурьеръ.

Онъ такъ мнѣ понравился, что я не рѣшился сказать ему неправду.

Меня не приняли.

Я вернулся домой. Снова, какъ 3 декабря 1919 года, на душѣ былъ мракъ и тупое отчаяніе.

Въ одномъ изъ писемъ въ Европу, писанныхъ при полякахъ, я просилъ поспѣшить съ помощью, пока не успѣла «закрыться крышка гроба».

Теперь она закрывалась.

VII. Снова большевики

(іюль 1920 — іюль 1921)

Осуществленный совѣтскій строй. — Теорія и практика. — Непобѣдимый лавочникъ. — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. — Юридическая мобилизація. — Жертва совѣтской юстиціи. — Процессъ Вайнштейна. Тюремные порядки. — Высшая школа. Студенчество. Профессура. — Изъ области общественныхъ настроеній. Вѣра въ интервенцію. Слухи. — Измельчаніе жизни. Неумѣстный снобизмъ. — Переживанія. — Отъѣздъ.

Большевики возвратились въ Кіевъ, — на этотъ разъ на долго, — какъ послѣ экскурсіи. Они застали все на своемъ мѣстѣ, вѣхали въ свои прежнія

пережили тринадцать такихъ «перемѣнъ»: февральская революція, Украинская Рада, большевики, Рада съ нѣмцами, гетманъ, Директорія, большевики, добровольцы, большевики (на два дня въ октябрѣ 1919 г.), снова добровольцы, опять большевики, поляки и снова большевики.

* «У васъ какое-либо оффиціальное дѣло?»

квартиры и стали продолжать свою работу съ той точки, на которой остановились. Съ тѣхъ поръ никто ихъ больше не тревожилъ, — если не считать ложной тревоги въ сентябрѣ 1920 года, когда поспѣшили почти совершенно эвакуировать городъ, хотя врагъ и не собирался его занимать. Совѣтская власть, наконецъ, получила возможность осѣсть въ Кіевѣ и проявить себя у насъ во всю ширь и глубину.

У насъ установился и продержался въ теченіе цѣлаго года настоящій совѣтскій строй — говорю: въ теченіе года, потому что черезъ годъ, весной 1921 года, началась новая экономическая политика и возжи стали сами собою отпускатся. Но въ теченіе этого года мы испытали на себѣ все, или почти все, что написано въ программѣ россійской Коммунистической партіи и что должно привести къ царству справедливости, добра и красоты.

Магазины были закрыты*; частная торговля уничтожена, вывѣски сняты, все было націонализировано, зарегистрировано, взято на учетъ. Каждый день мы заполняли какія нибудь новые вѣдомости или формуляры — то о числѣ своихъ стульевъ, то о размѣрѣ комнатъ, то о своихъ годахъ, занятіяхъ и способностяхъ. Всѣ эти вѣдомости и формуляры шли въ соответственное учрежденіе, имѣющее, вмѣсто названія, сокращенный «адресъ для телеграммъ»; тамъ они, должно быть, соответственнымъ образомъ сортировались, распредѣлялись и подшивались. Безъ надлежащаго ордера отъ надлежащей инстанціи не могло произойти ни малѣйшаго измѣненія въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ совѣтской республики. Чтобы перенести матрацъ изъ одной квартиры въ другую, нуженъ былъ ордеръ; чтобы выѣхать на сосѣднюю стацію, нуженъ былъ пропускъ; чтобы купить листъ бумаги, нужно было предварительно исписать нѣсколько листовъ просьбами о надлежащемъ разрѣшеніи.

Вся жизнь стала подвѣдомственна учрежденіямъ. Кіевъ, какъ и вся Россія, сталъ похожъ на деревню одного чудака-помѣщика, описаннаго во второй части «Мертвыхъ душъ».

«Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: Депо земледѣльческихъ орудій, на другомъ: Главная счетная экспедиція, на третьемъ: Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ; словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!»

Когда, однако, Чичиковъ рѣшился самъ отправиться поглядѣть, что это за комиссія и комитеты», то —

«что нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятіе. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе — разбирать пьяницу прикащика со старостой, мошенникомъ и плутомъ».

* До закрытія базаровъ дѣло въ Кіевѣ не дошло, но Харьковъ и Одесса испытали и это.

Сколько было у насъ комитетовъ и комиссій, существовавшихъ только на вывѣскахъ! Сколько было школъ безъ учителей, учениковъ и учебныхъ пособій! Сколько больницъ безъ лѣкарствъ! Сколько мастерскихъ безъ инструментовъ! И не во всѣхъ ли совѣтскихъ учрежденіяхъ главнѣйшія функціи выполнялись исключительно на бумагѣ?

У насъ, какъ и во всей Россіи, жизнь шла мимо совѣтскаго аппарата, такъ какъ жизнь несравнимо сильнѣй жалкихъ попытокъ доктринерской регламентации . . .

Всѣ жители Кіева имѣли продуктовыя и хлѣбныя карточки различныхъ категорій. Но за все время моей жизни при большевикахъ (а потомъ и подавно) ни единого раза хлѣба по хлѣбнымъ карточкамъ выдано не было. Такъ они и лежали мирно у насъ въ ящикахъ со всѣми своими талонами, печатями и подписями. И отъ времени до времени въ «Извѣстіяхъ» выходилъ цѣлый листъ съ объявленіями объ утратѣ тѣмъ или инымъ гражданиномъ карточки. Безъ такихъ публикацій — тоже пережитокъ дореформенной канцелярщины — этотъ драгоцѣнный документъ не возобновлялся. По продуктовымъ карточкамъ иногда выдавали сахаръ, соль и спички.

Хлѣбъ покупался — на базарѣ.

Жизнь была сильнѣе. Она выпирала изъ всѣхъ щелей и прорѣхъ социалистической брони. Одно время, на примѣръ, частная торговля преслѣдовалась, но кооперативы терпѣлись. И вотъ всѣ торговыя предпріятія, какъ по мановенію волшебнаго жезла, преисполнились духа Рочдэльскихъ піонеровъ и объявили себя кооперативами. Когда уже въ городѣ не было ни одной частной вывѣски, повсюду красовалась надпись «КЕПО № . . .» КЕПО означало «Кіевск. единое потребительское о-во». Вывѣски КЕПО до того примелькались, что для меня онѣ сдѣлались настоящимъ кошмаромъ. Разъ ночью мнѣ снилось, что по новому декрету отмѣнены фамиліи и отнынѣ всѣ граждане будутъ ходить съ привѣшенными на груди табличками «КЕПО № такой-то» . . .

Когда закрыли и кооперативы, изъ всѣхъ видовъ частныхъ предпріятій остались разрѣшенными только кустарныя мастерскія. Тогда въ короткое время всѣ лавочки на Васильковской и на Подолѣ оказались суздальскими и иными кустарями и начали выдѣлывать бензинныя зажигалки и резиновыя подошвы изъ краденныхъ автомобильныхъ шинъ. Разрѣшено было торговать только съѣстными припасами: во всѣхъ лавкахъ появился въ окнѣ хлѣбъ и коробочки съ суррогатами чая; остальные товары продавались въ заднихъ комнатахъ. Запретили и продовольственныя лавки: вся торговля перешла на квартиры лавочниковъ или производилась съ задняго крыльца.

Замѣчательно приспособлялся къ экономическимъ декретамъ лавочникъ нашего дома Гершманъ. Во времена апогея коммунизма онъ ограничился только маленькой перестановкой мебели: фасадное помещеніе магазина было превращено въ жилую комнату и черезъ окна можно было видѣть съ улицы, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше царилъ развратъ спекуляціи, теперь семья мирныхъ пролетаріевъ Гершманъ обѣдаетъ и пьетъ чай. Торговля въ это время производилась въ прежней жилой комнатѣ лавочника, выходящей во дворъ. Времена измѣнились, новая экономическая политика разрѣшила торговать бакалеей: снова маленькая перестановка мебели, прилавокъ опять водворенъ въ переднюю комнату, а обѣденный столъ перенесенъ обратно въ заднюю.

Большевики успѣшно боролись съ контр-революціей, съ Деникинымъ и Колчакомъ, съ Петлюрой и Пилсудскимъ. Но они никакъ не могли побѣдить

лавочника. Отъ всѣхъ ихъ декретовъ лавочникъ только богатѣлъ. И, что самое замѣчательное, изъ всего городского населенія богатѣлъ только лавочникъ. Въ прежнее время въ большихъ домахъ на лучшихъ улицахъ города владѣлецъ помѣщавшейся въ полу-подвалѣ лавки былъ самымъ послѣднимъ изъ жильцовъ. Теперь онъ сталъ самымъ богатымъ и почетнымъ жильцомъ дома. На дороговизнѣ онъ только зарабатывалъ, а декреты умѣлъ обходить. И поэтому, хотя всѣ мобилизаціи и контрибуціи неминуемо падали на него, какъ на «нетрудовой элементъ», все же онъ — и онъ одинъ — благоденствовалъ посреди всеобщаго обнищанія.

Большевики стремились уничтожить спекуляцію и частную торговлю, хотѣли, чтобы всѣ жили исключительно заработкомъ отъ своего труда. А на дѣлѣ вышло то, что никогда ни въ одной странѣ столько не торговали, какъ въ эти годы въ Россіи, и никогда спекулятивная горячка не охватывала столь широкіе круги населенія. «Націонализація торговли означаетъ, что вся нація торгуетъ», говорили остряки. Я уже упоминалъ о томъ, какъ основа всѣхъ частныхъ бюджетовъ неизбежно перемѣщалась отъ жалованій и гонораровъ къ выручкѣ за проданныя скатерти и простыни. Благодаря этому, въ результатѣ всѣхъ запретовъ, не только торговцы остались торговцами, но торговцами же стали и бывшіе пролетаріи — люди физическаго и духовнаго труда. Достаточно было выйти на базаръ (въ Москвѣ на Сухаревку, въ Кіевѣ на Еврейскій), чтобы увидѣть, кто только ни торгуетъ и чѣмъ только ни торгуютъ въ Совѣтской Россіи. Базары получили характеръ постоянныхъ ярмарокъ, на которыхъ можно было достать рѣшительно все — разумѣется, подержанное...

Кромѣ лавочниковъ, зарабатывали достаточно на сносную жизнь самостоятельные ремесленники — печники, стекольщики, сапожники, пильщики и т. п. Притомъ и изъ числа ремесленниковъ могли сносно существовать не пролетаріи, о которыхъ пеклись большевики, а мелкіе предприниматели, работавшіе своими инструментами и изъ своего сырья. Настоящіе же фабричныя рабочіе, какъ это признавалось и оффиціально, были деклассированы и либо разѣхались по деревнямъ, либо занялись мѣщеничествомъ. Классъ фабричныхъ рабочихъ пересталъ существовать, такъ какъ въ большинствѣ перестали работать фабрики и заводы, а продолжавшіе работать не могли прокормить своихъ новыхъ владѣльцевъ.

Каковы были результаты казеннаго хозяйства въ промышленности, объ этомъ пусть судятъ спеціалисты. Я хочу только иллюстрировать раціональность социалистическаго хозяйства однимъ примѣромъ, взятымъ изъ сферы главнѣйшей отрасли юго-западной индустріи — сахароваренія. Сахарная промышленность была какъ полагается націонализирована и объединена подъ однимъ центральнымъ управленіемъ. Называлось это управленіе «Главсахаръ», а Кіевскій его отдѣлъ назывался «Кіевсахаръ». Одинъ сотрудникъ Кіевсахара — человекъ въ высшей степени положительный — рассказалъ мнѣ о томъ, что въ виду полнаго обезцѣненія совѣтскихъ денегъ заводы принуждены расплачиваться съ крестьянами за всякія работы натурой, притомъ главнымъ образомъ — сахаромъ изъ имѣвшихся запасовъ. И вотъ по калькуляціи стоимости производства 1920 — 1921 гг. было оффиціально установлено, что одинъ пудъ вырабатываемаго новаго сахара обходился на однихъ заводахъ — въ 30 ф. стараго сахара, на другихъ въ 35 ф., на третьихъ — во всѣ 40 ф. и, наконецъ, на нѣкоторыхъ, особенно похозяйски поставленныхъ заводахъ — въ 50 и 55 фунтовъ! Чтобы изготовить

пудъ сахара, «Кіевсахаръ» выдавалъ изъ своего запаса 1 п. 10—15 ф.! «Это звучитъ, какъ анекдотъ, — сказалъ мой собесѣдникъ, — а между тѣмъ это печальная дѣйствительность».

Дѣятели совнархоза прекрасно знали — и не могли не знать — объ истинныхъ результатахъ своей работы. При этомъ скептическое отношеніе большевиковъ къ ихъ собственнымъ хозяйственнымъ мѣропріятіямъ выражалось не только въ измышленіи или пересказѣ болѣе или менѣе удачныхъ курьезовъ. Къ нѣкоторымъ областямъ, они, сознавая свое безсиліе, и не рѣшались подступить. Не подступили, напримѣръ, къ не разъ возвѣщенному аннулированію денегъ. Безъ печатнаго станка «Экспедиціи» они бы задохлись на второй день . . . Еще въ мою бытность въ Кіевѣ началось генеральное отступление по всей линіи, а съ осени 1921 года, какъ извѣстно, было официально декларировано банкротство коммунизма и подъ названіемъ «н о в о й экономической политики» большевики стали усердно — возвращаться къ старому.

Любопытнымъ примѣромъ невольной недодѣланности совѣтскаго режима даже въ самыя лучшія его времена можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

Страннымъ образомъ, въ моментъ полнаго расцвѣта коммунистическаго строя у насъ оставался въ неприкосновенности одинъ пережитокъ капитализма — извозчики. Въ то время, когда ничего нельзя было ни купить, ни продать; когда всякія услуги оплачивались исключительно по тарифнымъ ставкамъ; когда всѣ люди, мужского и женскаго пола, были либо мобилизованы либо на службѣ у государства, — въ это время все же разрѣшалось всѣмъ и каждому нанимать извозчика и условливаться съ нимъ о цѣнѣ на основахъ самаго вольнаго соглашенія.

— Чѣмъ объяснить такую непослѣдовательность? спросилъ я однажды у одного чина «Губтрамота». Отчего вы не націонализуете извозчиковъ?

— Видите ли, задумчиво отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — мы попробовали, но выяснилось одно большое затрудненіе. Когда людей не кормятъ, они отчего-то все же продолжаютъ жить. А когда лошадей не кормятъ, они непременно умираютъ. Оттого мы и не націонализируемъ извозчиковъ.

* * *

Въ этотъ заключительный періодъ у насъ успѣлъ, наконецъ, вполне оформиться и административный аппаратъ совѣтской власти. Былъ избранъ совѣтъ рабоч. депутатовъ и выдѣленный имъ изъ своей среды «Губисполкомъ» смѣнилъ засидѣвшійся у насъ временный органъ — «Губревкомъ».

Совѣтъ — центральный органъ всего организма большевистской власти, основа нашей конституціи и *fundamentum regnum*. Совѣтъ далъ имя всему въ Россіи, — самой республикѣ, всѣмъ ея учрежденіямъ, деньгамъ, программамъ, идеологіи. Въ этомъ понятіи и терминѣ мы имѣемъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ Западъ заимствуетъ у Россіи политическія идеи.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго же момента большевистской власти совѣты играли фактически весьма незначительную роль въ политической жизни. Въ описываемую эпоху ихъ значеніе совершенно сошло на нѣтъ. Какъ отъ многого другого въ большевистской системѣ, отъ власти совѣтовъ осталась одна только вывѣска.

Выборы въ кievскій совѣтъ состоялись, кажется, въ началѣ 1921 года. Во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ были для этого созваны собранія служащихъ, на которыхъ отъ имени мѣстной Ком'ячейки предлагалась сначала обще-политическая резолюція, а затѣмъ списокъ кандидатовъ въ совѣтъ. Тамъ, гдѣ председателемъ собранія былъ коммунистъ, онъ вносилъ эти предложенія и спрашивалъ: кто противъ? Обычно, такихъ смѣльчаковъ не находилось. Спрашивали: кто воздержался? — и нѣсколько дрожащихъ рукъ поднималось вверхъ. Тѣмъ избирательныя собранія въ большинствѣ случаевъ и заканчивались. Тамъ, гдѣ не-коммунистическому большинству удавалось провести председателя изъ своей среды, выборы проходили уже не столь упрощенно. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ коммунисты, находившіеся повсюду въ ничтожномъ меньшинствѣ, заключали блокъ съ безпартійными, и при блоковомъ соглашеніи выговаривали для своихъ кандидатовъ число мѣстъ, которое бы не роняло престижа руководящей партіи.

Меньшевики и эсеры были по возможности отстранены отъ участія въ выборахъ: большинство ихъ активныхъ дѣятелей предварительно арестовали, а въ отношеніи самихъ «соглашательскихъ» партій подняли такую травлю, что выбирать послѣ этого въ совѣтъ открытаго меньшевика или эсера оказывалось небезопаснымъ для избирателей.

Въ концѣ концовъ, въ совѣтъ (въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи) прошло подавляющее большинство коммунистовъ и нѣкоторое количество безпартійныхъ (кажется, послѣднихъ было въ кievскомъ совѣтѣ процентовъ двадцать). Что собой представляла эта «фракція безпартійныхъ», никто не зналъ и не узналъ. Въ всякомъ случаѣ, это была запуганная фракція.

Тѣхъ немногихъ меньшевиковъ и эсеровъ, которые какимъ-то образомъ все же оказались въ кievскомъ совѣтѣ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій торжественно исключили изъ его состава. При этой расправѣ новыхъ монтаньяровъ съ новыми жирондистами безпартійные воздержались отъ голосованія.

При полномъ отсутствіи политической жизни, выборы въ совѣтъ внесли у насъ нѣкоторое оживленіе. Но о самомъ совѣтѣ забыли немедленно послѣ того, какъ онъ былъ избранъ. Руководящіе круги провели черезъ совѣтъ выборы въ Губисполкомъ, въ составъ котораго прошелъ in corpore прежній Губревкомъ съ Яномъ Гамарникомъ въ качествѣ председателя. Послѣ этого совѣтъ собирали только для большихъ оазисовъ, въ родѣ торжественныхъ приемовъ какихъ-нибудь заморскихъ делегатовъ на съѣздъ III интернаціонала или для празднованія годовщины заговора Бабефа.

Ни малѣйшаго вліянія на администрацію и политику совѣтъ не имѣлъ.

Послѣднимъ председателемъ кievскаго Губревкома и первымъ председателемъ Губисполкома былъ, какъ я уже сказалъ, Янъ Гамарникъ. Передъ нимъ этотъ высшій постъ губернской администраціи занималъ Вѣтошкинъ, а передъ Вѣтошкинымъ — Ивановъ. Смѣна высшаго начальства каждый разъ сопровождалась болѣе или менѣе фантастическими слухами объ ея причинахъ. Вѣроятно, подобныя же слухи возникали въ провинціяхъ древней Персіи, когда Великій Царь мѣнялъ своихъ сатраповъ. Такъ какъ жизнь становилась у насъ все тяжеле и тяжеле, то, естественно, прошлыя времена и прошлое начальство вспоминали всегда со вздохомъ. Смѣну начальствующихъ лицъ чаще всего объясняли чрезмѣрнымъ либерализмомъ отставляемыхъ. Ивановъ, по слухамъ, ушелъ будто бы потому, что противился повальнымъ обыскамъ, Вѣтошкинъ

— уже не припомню вслѣдствіе какого свободомыслія. Когда же, наконецъ, бразды правленія получилъ Янъ Гамарникъ, то между губернс. комитетомъ комм. партіи и Губ. Рев. комитетомъ установилась персональная унія: Гамарникъ былъ предсѣдателемъ обоихъ комитетовъ.

Послѣ этого всякія междувѣдомственные тренія прекратились. Наша административная практика стала вѣрнымъ стереотипомъ московской ряби.

Че-ка отъ времени до времени давала о себѣ знать расправами съ людьми, заподозрѣнными въ участіи въ гражданской войнѣ на сторонѣ враждебныхъ большевикамъ армій. Спорадически происходили разстрѣлы такъ-называемыхъ спекулянтовъ и валютчиковъ. Въ остальное время чрезвычайка развлекалась «борьбой съ бандитизмомъ».

Отъ времени до времени у насъ затѣвались повальные обыски для такъ-называемаго изъятія излишковъ. На населеніе, при посредствѣ районныхъ и домовыхъ «комбѣдовъ», налагались различнаго рода вещевыя повинности. А раза два или три снова поднималась гибельная волна выселеній.

Послѣдній разъ въ мою бытность въ Кіевѣ выселяли весной 1921 года, уже при наличности новаго курса и началѣ новой экономической политики. Выселяли цѣлые дома для вселенія въ нихъ рабочихъ, которыхъ хотѣли хоть чѣмъ-нибудь ублаготворить. Выселяемые дома были населены по-преимуществу членами профсоюзовъ, то-есть тѣми же рабочими. И получалась довольно дикая картина: членовъ одного профсоюза выселяли и разоряли въ угоду членамъ другого профсоюза. Выселяемые жаловались въ Рабоче-крестьянскую инспекцію и въ народный судъ. Но туда были даны надлежащія директивы изъ наркома и жалобы оставались безъ послѣдствій. Выселенія были вскорѣ пріостановлены, — такъ какъ оказалось, что нѣтъ желающихъ вселяться въ освобожденные дома.

*   *
                  *

Я подлежалъ учету и мобилизаціи дважды: какъ юристъ и какъ преподаватель. Случилось такъ, что одна изъ этихъ мобилизацій спасла меня отъ другой. Профессиональный союзъ учителей повторно пытался мобилизовать меня — въ первый разъ для чтенія лекцій въ красной арміи, во второй — на борьбу съ Врангелемъ. Оба раза я предъявлялъ въ профсоюзѣ отпошенія «Губ'юста» о томъ, что я мобилизованъ какъ юристъ и никакимъ инымъ мобилизаціямъ не подлежу, и это меня вывозило. Сама же юридическая мобилизація свелась къ тому, что мнѣ пришлось руководить практическими занятіями по уголовному праву на краткосрочныхъ курсахъ для народныхъ судей. На этихъ занятіяхъ мы разбирали съ будущими совѣтскими преторами элементарные казусы о покушеніи, умыслѣ, неосторожности, соучастіи и т. п. II занятія протекали безъ всякихъ инцидентовъ*.

* Только однажды обнаружилось одно маленькое разногласіе между мной и лекторомъ по теоріи уголовного права — обратившимся въ коммунизмъ петроградскимъ адвокатомъ Бессарабовымъ. Въ одномъ изъ моихъ разъясненій я указалъ слушателямъ на извѣстный принципъ, по которому кража, совершенная служащимъ у своего хозяина, считается болѣе тяжкимъ видомъ кражи, чѣмъ кража обыкновенная. Повидимому слушатели не могли согласовать этотъ принципъ съ тѣмъ, что имъ пришлось

Курьезно, что не только юридическая мобилизация спасла меня от педагогической, но и vice versa — какъ будто въ качествѣ реванша — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ преподавательство спасло меня отъ неприятностей, грозившихъ мнѣ въ качествѣ юриста.

Зимой 1921 года, самъ Народный Комиссаръ юстиціи (повидимому, по внушенію кого-либо изъ своихъ сотрудниковъ — кievлянъ) вздумалъ затребовать меня въ Харьковъ, «въ порядкѣ мобилизаціи юристовъ», для участія въ работахъ кодификаціоннаго отдѣла Нарком'юста. Приказъ былъ составленъ довольно рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезно; мѣстному Губ'юсту предлагалось снабдить меня деньгами и предоставить возможность перевезти семью. Несмотря на такое обиліе вниманія, я все же пришелъ въ ужасъ отъ перспективы переѣзда въ Харьковъ и работы по части кодификаціи совѣтскаго права. Я отправился въ Губ'юсть и хотѣлъ умолить пом. завѣдующаго, тов. Волкова, какъ нибудь освободить меня отъ этой неприятности. Какъ я рассказывалъ въ I главѣ, я при этомъ весьма некстати напомнилъ ему о нашей совмѣстной работѣ въ 1917 году въ Исполнит. Комитетѣ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ делегата «коалиціоннаго студенчества» Г. И. Гуревича. Но все, чего я могъ отъ него добиться, было обѣщаніе пойти мнѣ навстрѣчу въ смыслѣ удобствъ переѣзда. Тогда я сталъ искать путей къ самому «Наркому» Терлецкому и заручился поддержкой, благодаря которой возбужденныя изъ Кіева ходатайства Института Народнаго Хозяйства и Народнаго Университета о моемъ оставленіи, какъ преподавателя, были удовлетворены. Впрочемъ, формально я получилъ только отсрочку на два мѣсяца съ обязательнымъ «использованіемъ» меня мѣстнымъ губ'юстомъ. Но второй пом. завѣдующаго губ'юстомъ, къ которому я явился говорить объ этомъ использованіи, тов. Мамасъ, оказался гораздо податливѣе Волкова. Мы порѣшили съ тов. Мамасомъ, что я уже достаточно использованъ въ качествѣ лектора, и дѣло о моемъ призывѣ въ Харьковъ тѣмъ и закончилось. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ самый Мамасъ числился студентомъ Института Народнаго Хозяйства и, чего добраго, еще могъ попасть ко мнѣ на экзаменъ. Этимъ, должно быть, и объяснялась его любезность.

*   *
                  *

Занятіями на краткосрочныхъ курсахъ и хлопотами по поводу мобилизаціи ограничилось мое соприкосновеніе съ совѣтской юстиціей. Засѣданій рев. трибунала и народныхъ судовъ я не посѣщалъ. Но однажды мнѣ пришлось воочию увидѣть уголокъ того ужаса, который творился въ этихъ учрежденіяхъ.

Я лѣчилъ зубы у Ник. Льв. Головчинера, котораго близко зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Какъ-то разъ, когда я явился на пріемъ, мнѣ сказали, что докторъ арестованъ. Дня черезъ два его освободили, и онъ рассказалъ мнѣ затѣмъ о происшедшемъ. Жильцы избрали его предсѣдателемъ Домоваго комитета. Онъ рѣшилъ отказаться, но такъ какъ, по новымъ правиламъ, отказываться отъ

услышать изъ устъ моего коммунистическаго коллеги. Принципъ этотъ дѣйствительно, весьма расходился, если не съ теоріей, то во всякомъ случаѣ съ практикой совѣтскаго права. Озадаченные слушатели попросили у Бессарабова поясненій. Онъ пожалъ плечами и сказалъ, что я очевидно еще провожу буржуазную точку зрѣнія.

этого званія безъ уважительныхъ причинъ не разрѣшалось, то онъ пробылъ въ немъ нѣсколько дней, пока соотвѣтствующая инстанція не признала выставленныя имъ причины отказа достаточно уважительными. За дни его предсѣдательства ему пришлось посвидѣтельствовать подпись одного изъ жильцовъ, обратившагося съ какимъ-то заявленіемъ въ Рев. трибуналъ. На несчастье случилось такъ, что этотъ жилецъ затѣмъ былъ изъ свидѣтеля превращенъ въ обвиняемаго и скрылся. Слѣдователь ревтрибунала Ковальскій вызвалъ Головчинера для допроса о личности жильца, подпись котораго онъ засвидѣтельствовалъ. Бѣдный Коля ничего о немъ показать не могъ и поэтому слѣдователь рѣшилъ поддержать его пока подъ арестомъ. При этомъ, — рассказывалъ онъ мнѣ, — Ковальскій съ какимъ-то невыразимымъ цинизмомъ предупреждалъ его: «Вы вѣдь врачъ и, значитъ, человѣкъ компетентный. Вы понимаете, что у насъ вы и сыпнячекъ можете схватить и всякое иное. Лучше скажите открыто все, что знаете» . . .

Головчинера освободили черезъ два дня, благодаря хлопотамъ какихъ то вліятельныхъ паціентовъ. Но предупрежденіе Ковальскаго сбылось съ ужасающей точностью. Смертельный укусъ уже былъ сдѣланъ и черезъ положенное число дней несчастный заболѣлъ сыпнякомъ и умеръ.

Ему было 26 лѣтъ. Жизнерадостный, цвѣтуцій . . .

* *
*

Процессъ, случайной жертвой котораго палъ несчастный Коля Головчинеръ, былъ изъ наиболѣе громкихъ въ практикѣ Революціоннаго трибунала. Это было дѣло Вайнштейна — бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь коммуниста, правозаступника и публичнаго обвинителя. Обвиняли его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ весьма тяжкаго свойства — а именно, не болѣе и не менѣе, какъ въ вымогательствѣ милліонной взятки у родныхъ подсудимаго по одному изъ дѣлъ, въ которомъ онъ выступалъ обвинителемъ. Взятка дана не была, и Вайнштейнъ съ большимъ пафосомъ требовалъ смертной казни. Трое изъ подсудимыхъ по этому дѣлу были казнены.

Процессъ Вайнштейна обнаружилъ истинное лицо клоаки, именуемой совѣтскимъ судомъ. Самъ Вайнштейнъ былъ человѣкъ ограниченный и нудный; онъ пользовался небезупречной репутаціей въ средѣ нашего сословія. Его превращеніе въ яраго коммуниста было, однако, неожиданностью; революціонный пылъ, съ которымъ онъ исполнялъ прокурорскія обязанности въ трибуналѣ, казался напукскимъ и недоброкачественнымъ. Тѣмъ не менѣе, никто не считалъ Вайнштейна способнымъ на то вопіющее дѣло, въ которомъ онъ теперь былъ изобличенъ. И процессъ его производилъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Было страшно думать, что интеллигентный и даже по своему начитанный человѣкъ могъ дойти до такого моральнаго паденія.

Его приговорили къ разстрѣлу, но затѣмъ (кажется, по очередной амнистіи) замѣнили смертную казнь десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ тюрьмѣ онъ, если не ошибаюсь, былъ назначенъ завѣдующимъ культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ. — Есть и такіе отдѣлы и въ очагахъ тифозной заразы, именуемыхъ теперь въ Россіи тюрьмами . . .

Характерной чертой совѣтской юстиціи является то, что настоящимъ образомъ приводятся въ исполненіе только приговоры къ смертной казни. Всякія сроч-

ныя наказанія съ каррикатурной поспѣшностью сокращались, а затѣмъ сводились на нѣтъ, регулярными амнистіями, которыя ВЦИК провозглашалъ во всѣ табельные дни революціи — 1 мая, 25 октября и т. д. Для людей со средствами или со связями (не говоря уже о коммунистахъ) отбытіе тюремнаго заключенія происходило въ самыхъ необычайныхъ формахъ: сначала ихъ переводили, не взирая на состояніе здоровья, въ тюремную больницу, затѣмъ назначали тамъ завѣд. хозяйствомъ или чѣмъ либо въ этомъ родѣ и въ качествѣ таковыхъ обычно «командировали» въ городъ на дѣльные дни. Иногда обнаруживались комическія гримасы этого оригинальнаго тюремнаго режима. Такъ, на примѣръ, въ одной изъ торжественныхъ процессій по улицамъ Кіева участвовалъ, среди другихъ чиновъ губ'юста, какой-то проворовавшійся коммунистъ, недавно только упрямый тѣмъ же губ'юстомъ въ тюрьму. Теперь онъ фигурировалъ на торжествѣ въ качествѣ делегата одного изъ тюремныхъ комитетовъ.

Кромѣ смертной казни, дѣйствительно приводились въ исполненіе только всякія административныя мѣры наказанія — заключеніе въ концентраціонномъ лагерѣ, аресты, высылки и т. д. Арестованные меньшевики и эсеры по полгода и больше валялись по тюрьмамъ и имъ, разумѣется, никакихъ поблажекъ не дѣлалось . . .

Какимъ недостойнымъ фарсомъ были при такихъ реальныхъ условіяхъ всѣ разговоры большевиковъ о пенитенціарной реформѣ, всѣ ихъ комитеты по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ и т. д.!

*   *
                  *

Что сказать о жизни высшей школы при совѣтской власти?

Хотя я послѣдніе полтора года жизни въ Россіи имѣлъ непосредственное касательство къ академической жизни, я все же не чувствую себя призваннымъ рассказать всю ея печальную повѣсть. Въ этой области, какъ нигдѣ, обнаруживался провинціализмъ нашей кіевской администраціи. Мы жили отголосками Москвы и Харькова, верховоды нашихъ «Увуз'овъ»* и «Главпрофобр'овъ»** постоянно мѣнялись и дурили каждый по своему. Кромѣ того, я намѣренно держался въ сторонѣ отъ всей административной части учебнаго дѣла, не вступалъ ни въ какіе комитеты и комиссіи и не участвовалъ въ тяжелой борьбѣ за сохраненіе высшей школы, которую вели въ нихъ другіе. Я читалъ лекціи и былъ радъ, что мнѣ даютъ ихъ читать, не навязывая мнѣ никакихъ программъ.

Поэтому я и не могу дать достаточно полной картины школьной политики совѣтской власти. Ограничусь отдѣльными штрихами, по необходимости отрывочными и бѣглыми.

Изъ всѣхъ институтовъ нашей жизни, вѣроятно, именно школа больше всего пострадала отъ того неудержимаго реформаторскаго психоза, которымъ вообще отличаются большевики. Исторія высшей школы за послѣдніе годы есть исторія непрерывныхъ реформъ, реорганизацій, переименованій. При этомъ, со свойственнымъ имъ максимализмомъ, наши реформаторы обязательно бросались изъ одной крайности въ другую. На примѣръ, сначала было объявлено объ от-

* Управление высшими учебными заведеніями.

** Главное управленіе професіон. образованія.

мѣнѣ всякихъ экзаменовъ, балловъ и т. д. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ открытъ для всѣхъ; обученіе было, разумѣется, бесплатнымъ. А затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, не только были восстановлены всѣ виды экзаменовъ, но еще были выдуманы истинно-драконовскія мѣры надзора и контроля за занятіями студентовъ. Всѣ студенты стали считаться мобилизованными, а нѣкоторыя категоріи — «ударными». Каждый студентъ былъ обязанъ ежемѣсячно сдавать не менѣе опредѣленнаго числа экзаменовъ; въ случаѣ невыполненія этого, онъ подлежалъ немедленному исключенію и имя его сообщалось въ «Губкомдезертиръ» для привлеченія на принудительныя работы.

Учебныя планы и программы подвергались переработкѣ едва ли не ежемѣсячно. При этомъ, если нечего было реформировать по существу, то хоть переносили старое съ одного мѣста на другое или мѣняли его названіе. Юридическій факультетъ университета былъ закрытъ. Но черезъ нѣкоторое время онъ воскресъ подъ видомъ «правового факультета» Института Народнаго Хозяйства (то-есть бывшаго Коммерческаго института). Въ программѣ новоиспеченнаго правового факультета было вычеркнуто уголовное право, но зато введены два новыхъ предмета: криминальная социологія и криминальная политика. Въ названіи факультета иностранное слово было замѣнено русскимъ; въ названіи учебнаго предмета русское — двумя иностранными. Духъ реформаторства былъ удовлетворенъ.

Студенчество представляло собой массу весьма пестраго характера и состава. Большую его часть составляли прежніе студенты и студентки, прервавшіе свои занятія въ время войны и стремившіеся теперь наверстать пропущенное. Хотя по новымъ правиламъ дипломъ не давалъ никакихъ правъ и преимуществъ, все же студенты весьма ревностно стремились сдать побольше зачетовъ, набрать въ свои матрикулы побольше подписей. Здѣсь, какъ и во всемъ, отражался духъ времени — всѣ чувствовали себя «sur la branche», никто не вѣрилъ въ прочность режима и всѣ «ориентировались» на предстоящее возстановленіе прежняго.

Если профессоровъ дергали постоянными реформами и измѣненіями учебныхъ плановъ, то студентамъ не давали покоя безконечныя регистраціи и перерегистраціи. Большевики хотѣли добиться того, чтобы въ высшей школѣ обучались только дѣти пролетаріевъ и коммунисты. Достигнуть этого было невозможно; но тѣмъ не менѣе, начальство съ большимъ упорствомъ занималось отсѣваніемъ наличнаго состава учащихся. Для этой цѣли и выдумывали все новыя и новыя регистраціи, заставляли студентовъ заполнять безконечное количество анкетъ и отвѣчать на всякіе изустные вопросы. Въ анкетахъ спрашивалось о занятіяхъ самаго учащагося во всѣ періоды революціи, о профессіи его родителей, объ его политическихъ симпатіяхъ и т. д. На послѣдніе вопросы, естественно, стремились отвѣчать по возможности уклончиво (напримѣръ, на вопросъ объ отношеніи къ совѣтской власти отвѣчали «лояльное», на вопросъ о сочувствіи той или иной партіи отвѣчали «политикой не занимаюсь» и т. д.).

Разочаровавшись въ анкетахъ, большевики принялись за допросы. Были образованы какія-то «тройки» изъ представителей начальства и «надежныхъ» студентовъ; каждый студентъ долженъ былъ предстать предъ ясныя очи подлежащей тройки и подвергаться инквизиторскому допросу. По существу, однако,

и изъ этого варварскаго приѣма ничего не вышло. Студенты изворачивались, тройка записывала отвѣты, а затѣмъ весь собранный матерьялъ клался куда-нибудь подъ сукно и вскорѣ предавался забвенію.

Въ Институтѣ народн. хозяйства, гдѣ я лекцій не читалъ и встрѣчался со студентами исключительно на экзаменахъ, я имѣлъ дѣло почти только со студентами прежнихъ временъ, — постарѣвшими, обвѣтренными въ окопахъ и потрепанными жизнью, но все же студентами прежняго типа. Только на лекціяхъ въ Народномъ университетѣ и въ «Академіи нравственныхъ наукъ имени Л. Н. Толстого» я приходилъ въ соприкосновеніе съ новымъ типомъ студента, — студента не получившаго гимназическаго образованія, занятаго тяжелымъ трудомъ и урывающаго у вечерняго досуга два — три часа для пополненія пробѣловъ своего развитія. Впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ общенія съ моими слушателями, было самое отрадное. Я видѣлъ предъ собой людей, дѣйствительно стремившихся къ знанію, внимательно слушавшихъ и задававшихъ вопросы, свидѣтельствовавшие о подлинномъ, глубокомъ интересѣ къ предмету. Для всей этой молодежи книга была абсолютно недоступна, журналовъ не было вовсе, газеты были полны надобными агитаціонными фразами. Только на лекціяхъ ей приходилось иногда слышать слова, отрывавшія ее отъ печальной и тоскливой дѣйствительности.

Только этимъ можно объяснить, что несмотря на неблагопріятнѣйшія внѣшнія условія, лекціи посѣщались довольно исправно, а устраиваемые Народнымъ Университетомъ отъ времени до времени краткосрочные курсы* имѣли большой успѣхъ. И это несмотря на то, что занятія зимой происходили въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ, часто при жалкомъ мерцаніи керосиновой копилки.

Если мнѣ было съ чѣмъ-либо жалъ разставаться, уѣзжая изъ Кіева, то только съ этой аудиторіей въ Народномъ университетѣ и въ Академіи...

Впрочемъ, оба учрежденія задыхались отъ различныхъ житейскихъ невзгодъ и, насколько мнѣ извѣстно, въ слѣдующемъ учебномъ году занятія ни здѣсь ни тамъ не возобновились.

Отъ учащихся слѣдуетъ перейти къ учащимъ. О нихъ страшно и больно писать...

Могу сказать — не для оправданія какого либо политическаго тезиса, а по опыту и личнымъ наблюденіямъ, — что изъ всѣхъ слоевъ населенія Россіи отъ большевистскаго режима сильнѣе всего пострадала интеллигенція. Режимъ былъ направленъ противъ такъ-называемой буржуазіи, то-есть противъ представителей финансоваго и торгово-промышленнаго капитала. Но у этихъ послѣднихъ было сравнительно много средствъ сопротивленія: они имѣли запасы, на которые могли жить, они имѣли кредитъ, они въ значительномъ количествѣ могли выѣхать за-границу.

Интеллигенція и, въ особенности, дѣятели высшей школы были, напротивъ, совершенно безоружны въ борьбѣ съ ограбленіемъ и обнищаніемъ. Ни запасовъ, ни кредита у нихъ не было. Выѣхать очень многіе изъ нихъ не могли или не рѣшались. И они остались и страдали больше и глубже другихъ. Для

---

* Въ 1920 г. были организованы курсы на слѣдующія темы: «Объ эмиграціи и международной жизни», «Товарообмѣнъ», «Управленіе фабричныхъ предпріятій», «Библиотечное дѣло», «Введеніе въ изученіе современной культуры». Лекторы курсовъ набирались изъ наличныхъ остатковъ кіевской профессуры. Организаторомъ ихъ былъ неутомимый Е. И. Кельманъ.

человѣка духовнаго труда выселеніе, мобилизація, лишеніе привычной работы — все это чувствуется острѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ для всякаго иного. А этому подвергались всѣ — интеллигенты не меньше другихъ.

Помню, какъ въ одну изъ эпидемій выселенія цѣлыхъ домовъ, которыя мы иногда переживали въ Кіевѣ, талантливый и заслуженный зоологъ, профессоръ кіевскаго университета, тщетно искалъ заступничества предъ всѣми властями. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ выѣхать изъ своей трехкомнатной квартиры, такъ какъ весь домъ предназначался для какихъ-то желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ.

Матеріальныя условія жизни людей науки были ужасны. Педагогическая работа, по всемірной и вѣковой традиціи, оплачивается хуже всякаго иного труда. Въ этомъ — и въ этомъ одномъ — совѣтская власть не отступила отъ традиціи. Намъ платили гроши, платили съ запозданіемъ въ 2—3 мѣсяца... Предъ отѣздомъ изъ Кіева, я зарабатывалъ около 20.000 рублей въ мѣсяцъ въ то время, какъ на прокормленіе небольшой семьи нужна была такая же сумма въ день. Другіе, читавшіе больше лекцій и занимавшіе должности по администраціи учебныхъ заведеній, зарабатывали больше — въ пять, въ десять, но не въ тридцать разъ больше. И всѣ недоѣдали, всѣ тащили тяжести и рубили дрова, всѣ жили безъ книгъ, безъ свѣта, безъ бумаги, безъ рабочей комнаты...

«Академическій паекъ» въ Петрограда и Москвы существовалъ почти только на бумагѣ. Въ Москвѣ же онъ былъ таковъ, что популярный литературный критикъ, имя котораго извѣстно всей Россіи, еле прокармливался вдвоемъ съ женой, а дѣтей долженъ былъ отослать въ колонію Сибеза. Пользовавшийся академическимъ пайкомъ Іосифъ Алексѣевичъ Покровский — самый крупный цивилистъ въ Россіи — умеръ отъ болѣзни сердца, пажитой при колкѣ дровъ. А его коллега по московскому университету, профессоръ-романистъ В. М. Хвостовъ, покончилъ съ собой, оставивъ записку: «Вотъ единственный способъ избавиться отъ совѣтской власти...» То же сдѣлалъ годомъ ранѣе сенаторъ бар. Нолькенъ — неутомимый комментаторъ нашего торговаго законодательства. Не проходило мѣсяца безъ вѣсти о новой смерти: умеръ Е. Н. Трубецкой, умеръ Л. М. Лопатинъ, умеръ М. Я. Капустинъ, умеръ С. А. Венгеровъ — не перечислить всѣхъ...

Въ Кіевѣ академическій паекъ стали выдавать въ декабрѣ 1920 года и выдавали, помнится, всего мѣсяца три. По нашимъ карточкамъ мы получали какую-то ячную муку, получали иногда пшено и умѣренныя количества сахара и соли. Съ какой тревогой всѣ эти дары судьбы ожидались, съ какимъ трудомъ доставались и разносились по домамъ...

Если большевики вздумаютъ построить памятникъ или триумфальную арку въ честь совѣтской власти, то я представляю себѣ слѣдующій сюжетъ для фронтоваго барельефа:

Раннее зимнее утро. Холодъ, снѣгъ и вьюга. Еще полутемно. На Николаевской улицѣ, у входа въ кооперативъ, гдѣ выдается академическій паекъ, задолго до его открытія, стоитъ профессорская очередь. Тутъ и математики, и биологи, и языковѣды, и знатоки античной древности. Почтенныя, сѣдые лица. Попадаются среди нихъ и жены и ребята — эти дежурятъ у привезенныхъ съ собой санокъ. У cadaго профессора въ рукахъ нѣсколько мѣшковъ или корзина. Онъ ждетъ нѣсколько часовъ того счастливаго момента, когда от-

кроется дверь кооператива, ему насыпать въ мѣшки муку и крупу, онъ взвалитъ ихъ на плечи и поплетется домой.

Подъ барельефомъ можно сдѣлать надпись словами Ремизова:

«Нищенскій хвостъ на паперти коммуны».

*   *
*   *

Каковы были общественныя настроенія въ Кіевѣ этой эпохи? Что думало, что чувствовало, на что надѣялось населеніе?

Миѣ рассказывали, что одинъ крестьянинъ, вспоминая о прежнихъ временахъ, приговаривалъ со вздохомъ:

— Колысь була свобода...

Для этого крестьянина прошлое отождествлялось съ представленіемъ о томъ, какъ онъ могъ невозбранно запретъ свой возокъ и съѣздить, безъ риска реквизиціи, съ хлѣбомъ или картофелемъ въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ въ лавкахъ продавалось все, что было нужно для его хозяйства. И это преждее, невозвратное приволье жизни въ самодержавной Россіи онъ, нарушая политическую терминологию, выражалъ словомъ «свобода».

О такой «свободѣ» мечтаетъ послѣдніе годы едва ли не все населеніе Россіи. Каждый мыслить ее себѣ по-иному. Но для всѣхъ эта «свобода» состоитъ въ возможности нестѣсненной и лучшей жизни — для начала, хотя бы въ такой степени правового порядка и матерьяльнаго довольства, кака я имѣлась при старомъ режимѣ.

Было бы несправедливо заклеить эти настроенія, какъ реставраціонныя. Въ нихъ вообще нѣтъ никакой сознательной политической идеи. Конечно, многіе не умѣютъ выдѣлять предметовъ своихъ нынѣшнихъ воздыханій изъ общей обстановки, въ которой они были дѣйствительностью. Позади «французской булки за пятакъ» и «извожника за пятиалтынный» представляютъ себѣ и Императора Николая II, при которомъ этотъ сонъ былъ явью. Но если теперь сплошь и рядомъ въ Россіи говорятъ, что «при царѣ было лучше», то это отнюдь не значитъ, что у насъ особенно сильны монархическія настроенія. Массы мечтаютъ о «свободѣ», которая когда-то была, и рады привѣтствовать всякій строй, который ее дастъ.

Но какимъ путемъ осуществить эту мечту? Этотъ вопросъ безконечно мучителенъ и труденъ для всякаго, кто хочетъ надъ нимъ серьезно задуматься...

Въ странахъ съ палаженной политической жизнью имѣются трафареты въ видѣ программъ отдѣльныхъ партій, между которыми нужно только сдѣлать выборъ, и имѣются лидеры, среди которыхъ нужно остановиться на томъ или другомъ. Въ Россіи послѣдніе годы ничего этого нѣтъ, гражданинъ предоставленъ самому себѣ и своимъ слабымъ силамъ. Естественно, что у насъ политическія оріентаціи больше, чѣмъ гдѣ-либо, подсказываются не идеями, а желаніями. И понятно, что широкая публика, лишняя руководителей, не умѣетъ и не хочетъ задумываться надъ сложнѣйшими проблемами, которыя ставятъ дѣло возрожденія Россіи.

Цѣль — воскресить былую «свободу» — налицо. Ее сознаютъ и чувствуютъ отчетливо и ясно. Но когда ставится вопросъ о средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли, то общественное миѣніе оказывается совершенно беспомощнымъ. И лица

выхода, оно естественно прежде всего останавливается на средствахъ, представляющихся ему наиболѣе простыми и быстрыми.

Какъ античные трагики прибѣгали для драматической развязки къ непосредственному вмѣшательству божества въ человѣческія дѣла, такъ и у насъ долгое время тѣшили себя проектами того «*deus ex machina*», который бы свергъ большевиковъ.

Такимъ *deus ex machina* многимъ долгое время (примѣрно: 1918, 1919 и 1920 гг.) казалось вмѣшательство иностранной вооруженной силы, такъ-называемая интервенція. У насъ на Украинѣ интервенціонныя настроенія питались еще и тѣмъ, что мы фактически три раза были освобождены отъ совѣтской власти при помощи военной интервенціи: въ первый разъ при нѣмцахъ, во второй — при Деникинѣ и въ третій — при полякахъ. Всѣ три попытки, въ концѣ концовъ, потерпѣли крушеніе. Но эти неудачи не могли нарушить вѣру въ спасительность интервенціи, такъ какъ причины ихъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, не были, такъ сказать, имманентны самой идеѣ интервенціи: нѣмцевъ одолѣлъ Версальскій миръ и германская революція, добровольцевъ — внутреннее разложенье, поляковъ — стратегическія ошибки. О національномъ подъемѣ, побѣждающемъ вторженіе иностранцевъ, мы читали въ исторіи французской революціи; но ничего подобнаго мы не видѣли въ Россіи ни при нѣмцахъ, ни при полякахъ. И многимъ казалось, что послѣ трехъ неудачныхъ будетъ четвертая удачная интервенція, и что для этого требуется только, чтобы иностранная армія была достаточно сильна...

О томъ, существуетъ ли въ данный моментъ на Западѣ такая сильная армія, готовая на военную экспедицію въ Россію, наши интервенціонисты не задумывались. Ихъ пылкое воображеніе создавало и арміи, и военачальниковъ, и коалиціи. И общественное мнѣніе г. Кіева цѣлые годы жило химерой интервенціи.

Оно жило химерой, и самая возможность столь длительной психической абберации служитъ лучшимъ признакомъ той упадочности, которой было отмѣчено все наше существованіе.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать одно прискорбное явленіе. Переживаемая трагедія отразилась не только на жизни и тѣлесномъ здоровьи людей; она наложила свой отпечатокъ и на ихъ психику. Не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ смыслѣ мы стали жить упадочно и убого.

Мыслительная реакція на все происходящее вокругъ стала у большинства элементарнѣе и примитивнѣе. Люди спустились на нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ духовной культуры. Городъ сталъ жить въ духовномъ смыслѣ такъ, какъ прежде жила деревня; люди XX-го вѣка стали мыслить и умозаключать, какъ это дѣлали ихъ предки; интеллигенты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опустились до уровня захолустнаго мѣщанства.

Характерными чертами примитивнаго мышленія являются подозрительность и легковѣрность. Мужику всегда кажется, что собесѣдникъ его обманываетъ; а въ то же время онъ слѣпо вѣритъ знахарю, вѣритъ самому вздорному слуху или баснѣ. Этотъ — на первый взглядъ парадоксальный — симбіозъ подозрительности и легковѣрія сталъ теперь въ значительной мѣрѣ опредѣлять собой политическое мышленіе даже наиболѣе культурныхъ слоевъ.

Настоящей информаціи о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, у насъ не было. Были только казенныя газеты, открыто преслѣдовавшія свои агитаціонныя цѣли. И въ результатѣ наши политическія сужденія и оцѣнки стали пробавляться,

съ одной стороны, слухами, а съ другой — перетолковываніемъ тѣхъ извѣстій, которыя сообщались въ газетахъ.

Особенно широкое поприще для упражненія своей подозрительности находили въ — предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ — умолчаніяхъ совѣтскихъ газетъ. Все міросозерцаніе большинства было построено на презумціи, что есть какой-то спасительный для всѣхъ насъ секретъ, который большевики тщательно скрываютъ. Во время Кронштадтскаго возстанія въ Кіевѣ по какому-то случаю не дошелъ одинъ номеръ московскихъ «Извѣстій» — кажется, номеръ отъ 5 марта 1921 года. И вотъ, когда номеръ отъ 6-го марта былъ уже расклеенъ, одинъ профессоръ кіевскаго университета говрилъ мнѣ съ совершенно увѣреннымъ видомъ, что номеръ отъ 5-го въ Кіевѣ получился, но скрытъ, такъ какъ въ немъ есть извѣстіе о занятіи возставшими матросами Петрограда. Почтеннаго профессора совершенно не смущало, что имѣвшійся на-лицо слѣдующій номеръ газеты не содержалъ въ себѣ ничего, что бы было хоть сколько-нибудь совмѣстимо съ такимъ извѣстіемъ въ предыдущемъ . . .

Мнимые и дѣйствительные пробѣлы совѣтской информации восполнялись — слухами. И тутъ уже находила примѣненіе вторая черта нашей вульгаризированной психики — легковѣрность.

Слухи — это цѣлая эпопея. Никогда не было сочиняемо столько слуховъ, сколько въ эти годы, никогда они не находили столь воспримчивой почвы, никогда они не играли столь значительной роли въ политическомъ обиходѣ широкихъ круговъ. Отсѣкая время начатковъ и время умиранія этого царства слуховъ, можно смѣло сказать, что весь 1920 годъ Кіевъ жилъ слухами.

Было тяжело видѣть, какъ некритически и наивно эти слухи воспринимались, — видѣть, кто въ нихъ вѣрилъ и кто ихъ распространялъ. Въ легковѣрномъ ослѣпленіи не замѣчали самыхъ явныхъ несообразностей, не замѣчали очевидныхъ признаковъ выдуманности. Не замѣчали того, что одни и тѣ же слухи періодически повторяются съ незначительными вариантами. Не замѣчали того, какъ постепенно многіе изъ этихъ слуховъ превратились въ нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ «бродячихъ сюжетовъ» фольклора, повторяющихся въ народныхъ сказаніяхъ различныхъ странъ и эпохъ.

Было нѣсколько такихъ «бродячихъ сюжетовъ», которые всплывали вновь каждые пару мѣсяцевъ и каждый разъ встрѣчали откликъ. По своему содержанию — незамысловатому, сшитому бѣлыми нитками — они также напоминали народные легенды и сказки. Тѣмъ не менѣе, ихъ принимали за чистую монету и многіе буквально жили и дышали этими легендами. Припоминаю отдѣльные образцы.

Говорили, напримѣръ, о томъ, что изъ Одессы получено письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ сказано, чтобы къ такому-то празднику мы ждали «гостей». Гости — это означало иностранная войска, которыя идутъ оккупировать Украину. О такомъ письмѣ говорили и въ 1919-мъ, и въ 1920-мъ, и въ 1921-мъ году. Мѣстомъ отправки письма называли сначала Одессу, затѣмъ Варшаву.

Говорили много разъ о томъ, что въ такомъ-то домѣ, населенномъ коммунистами, прачкѣ данъ приказъ: экстренно закончить стирку къ такому-то (близкому) сроку. Отсюда дѣлалось заключеніе о предстоящей на-дняхъ эвакуаціи большевиковъ.

Говорили нѣсколько разъ о полученномъ въ Кіевѣ номерѣ румынской (затѣмъ польской) газеты. Этотъ номеръ всегда былъ перепроданъ кому-нибудь

за большую сумму (смотря по состоянію валюты — сначала за 1000 рублей, затѣмъ за 10.000 рублей). Въ газетѣ имѣлось сообщеніе о рѣчи румынскаго короля (затѣмъ ее замѣнилъ манифестъ Пилсудскаго), въ которой румынскій (затѣмъ польскій) народъ предупреждался, что черезъ страну пройдутъ нѣмецкія войска; король (или Пилсудскій) просилъ своихъ подданныхъ отнестись къ этимъ войскамъ благожелательно, такъ какъ они приходятъ не какъ враги, а съ единственной цѣлью освободить Украину (или Россію) отъ власти большевиковъ.

Говорили десятки разъ о томъ, что большевикамъ поставленъ нѣмцами (или Антантой, или Лигой Націй) ультиматумъ: въ такой-то срокъ (обыкновенно двухнедѣльный) эвакуировать Украину.

Были и другіе слухи съ повторяющимися сюжетами, которые я теперь уже не могу припомнить въ точности. Про указанные четыре сюжета могу сказать съ увѣренностью, что слышалъ ихъ по нѣсколько разъ, въ разные эпохи, иногда отъ тѣхъ же самыхъ людей, и что ихъ передавали съ вѣрой и надеждой.

Всякій обрывокъ сообщенія, приходившій съ Запада, разукрашивался и расцвѣчивался самымъ причудливымъ образомъ. Дошло, напримѣръ, до насъ извѣстіе о томъ, что въ Спа состоялась конференція. Этого было достаточно для возникновенія слуховъ о томъ, что въ Спа нѣмцамъ сдѣланы большія поблажки въ отношеніи условій мира — съ тѣмъ условіемъ, чтобы они оккупировали Украину. Подобнаго рода соглашеніе Антанты съ нѣмцами было одной изъ излюбленныхъ темъ, фигурировавшихъ уже во времена Версаля. Говорить нечего, что всякое интервью съ ген. Людендорфомъ или съ ген. Гоффманомъ истолковывалось, какъ готовое рѣшеніе всѣхъ державъ производить интервенцію.

Самое нелѣпое въ этихъ слухахъ и самое печальное въ фактѣ довѣрія къ нимъ было то, что, какъ было ясно для всякаго неослѣпленнаго наблюдателя, большевики меньше всего были склонны скрывать что-либо, касавшееся интервенціонныхъ плановъ «западныхъ капиталистовъ». Напротивъ, они всячески подогрѣвали и муссировали всякое подобное извѣстіе, приходившее съ Запада. Любимой темой приказовъ Троцкаго всегда служило разсужденіе на тему, что хотя, молъ, мы всѣхъ побѣдили, но коварный врагъ не дремлетъ и нужно быть на чеку. Уже по одному этому, всѣ передававшіяся «пантофельной почтой» извѣстія о предстоящихъ интервенціяхъ не имѣли и тѣни правдоподобія. Въ презумпціей достовѣрности слуха является невозможность получить свѣдѣнія нормальнымъ порядкомъ; въ данномъ случаѣ эта презумпція безусловно отпадала...

Апогеемъ развитія слуховъ, въ частности слуховъ объ интервенціи антанты или нѣмцевъ, была осень 1920 года, когда было оффціально объявлено о радіо лорда Керзона, говорившемъ о помощи союзниковъ Польшѣ, и когда послѣ этого началось отступленіе красной арміи, уже дошедшей до преддверья Варшавы и затѣмъ за два мѣсяца откатившейся обратно почти до самаго Кіева.

Затѣмъ все постепенно улеглось. Поляки не обнаруживали никакого желанія занять Кіевъ, уже почти эвакуированный большевиками. Въ Ригѣ начались длительные переговоры, закончившіеся миромъ*. Армія Врангеля эва-

* Какъ за послѣднюю соломинку, хватались за пунктъ Рижскаго мира, въ которомъ говорилось о независимости Украины «на основѣ самоопредѣленія народовъ».

куировала Крымъ. Красинъ подписалъ торговый договоръ съ Англїей. Объ интервенціи, видимо, рѣчи больше быть не могло. Это должны были, въ концѣ концовъ, признать самые ярые шептуны и паникеры.

Такъ какъ «невозможно жить безъ вѣры», то, разочаровавшись въ интервенціи, стали надѣяться на быструю внутреннюю эволюцію большевиковъ. Но здѣсь уже и наиболѣе восторженные оптимисты не могли назначать такихъ близкихъ и осязательныхъ сроковъ, какъ это дѣлалось въ отношеніи воображаемыхъ ультиматумовъ Антанты. Въ соответствіи съ этимъ, наступилъ упадокъ духа и все чаще стали слышны ноты отчаянія и безнадежности.

Примирился ли кто-либо съ большевизмомъ? Думаю, что искренно и честно едва ли кто съ нимъ примирился. Но многіе, не видя и не зная выхода, примирились со своей судьбой и съ своимъ положеніемъ обреченныхъ и пассивныхъ жертвъ большевизма...

Убожество и измелъчаніе нашей жизни выражалось между прочимъ въ томъ, какими важными событіями стали представляться самыя, казалось бы, обыкновенныя вещи. Случилось мнѣ, на примѣръ, лѣтомъ въ 1921 году съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Не преувеличивая можно сказать, что объ этомъ событіи зналъ и говорилъ весь нашъ кварталъ. Послѣ возвращенія, ко мнѣ подходили на улицѣ еле знакомые люди, обычно въ сопровожденіи вовсе незнакомыхъ, и начинали спрашивать о моихъ московскихъ впечатлѣніяхъ. Долженъ признаться, что я рѣшительно разочаровалъ всѣхъ любителей сенсацій. Пріѣзжавшіе изъ Москвы обыкновенно рассказывали — не иначе, какъ въ самыхъ суперлативныхъ тонахъ, — либо о налаженности и спокойствіи, либо о голодѣ и нищетѣ московской жизни. Я же, по совѣсти, не могъ сказать ничего другого, какъ то, что въ Москвѣ живетъ приблизительно такъ же, какъ въ Кіевѣ. Меньше разрушенныхъ домовъ, болѣе высокія базарныя цѣны, немного больше связи съ западомъ*, больше высокой политики и «придворныхъ» сплетенъ, немного меньше озорства со стороны низшей администраціи; но, въ общемъ и цѣломъ, то же, что и въ Кіевѣ, — тотъ же духъ и тонъ, та же комедія и та же драма.

Единственное различіе, которое я могъ установить между Москвой и Кіевомъ, находилось въ плоскости общественныхъ настроеній. Въ Москвѣ не было того десятка переворотовъ, который мы пережили послѣ перваго прихода большевиковъ въ 1918 году. И тамъ гораздо раньше воцарилась та резиньяція и пассивность, до которой, послѣ столькихъ надеждъ и разочарованій, въ концѣ концовъ дошелъ и Кіевъ. Нѣкоторые интеллигентскіе круги Москвы, насколько я могъ видѣть, больше нашего спасовали предъ большевизмомъ — приняли его, какъ неизбежное и чуть ли ни заслуженное испытаніе неумолимаго рока.

Въ этой резиньяціи я вижу одинъ изъ опаснѣйшихъ моментовъ въ духовной жизни современной Россіи.

Небезопасно еще одно послѣдствіе большевистскихъ наѣздовъ на психику русскаго интеллигента, — послѣдствіе, которое я назвалъ бы развитіемъ у

Изъ этого пункта выводили, что на Украинѣ предстоитъ чуть ли ни илебисцитъ о формѣ правленія и что дни совѣтской власти у насъ сочтены.

* Съ величайшей жадностью кіевляне набросились на привезенный мною комплектъ «Бюллетеней Нар. Комиссаріата Иностр. Дѣлъ» — довольно добросовѣстной компіляціи заграничной прессы, періодически выпускаемой московскимъ Коминдѣломъ. Событіемъ для насъ было полученіе каждаго случайнаго номера иностранной газеты.

насъ своеобразнаго политическаго снобизма. Большевистская агитація состояла, въ своей разрушительной части, главнымъ образомъ въ изобличеніи «буржуазныхъ предразсудковъ» демократической государственности — всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, неприкосновенности жилища, тайнаго голосованія, законности, института суда присяжныхъ, мѣстнаго выборнаго самоуправления и т. д., и т. д. Приходится, къ сожалѣнію, констатировать, что эта часть большевистской пропаганды падала на слишкомъ воспримчивую почву и оставила нѣкоторые слѣды. Казалось бы, вся дѣятельность большевиковъ и ея результаты должны были бы только убѣдить всѣхъ и каждого въ томъ, что отъ этихъ выработанныхъ вѣковымъ опытомъ началъ культурной государственности ни при какихъ условіяхъ отступать нельзя. На дѣлѣ получилось, однако, иное. Несамостоятельные умы оказались въ извѣстной степени воспримчивы къ большевистской критикѣ этихъ началъ и, въ значительной мѣрѣ бессознательно, восприняли ее. Способствовала этому и та карриатура народовластія, которую осуществили большевики, выполняя положительную сторону своей программы. Многие по этой карриатурѣ дѣлали заключенія о негодности самихъ извращенныхъ большевиками принциповъ. Большевистскіе выборы были дурной комедіей — стали говорить, что всякіе выборы являются комедіей; большевистская пресса была лжива и цинична — стали говорить то же о всякой прессѣ; въ большевистскихъ учрежденіяхъ царило кумовство, протекція и взятка — стали утверждать то же о всякихъ государственныхъ учрежденіяхъ и органахъ. Въ однихъ этотъ снобизмъ питалъ самыя реакціонныя и монархическія настроенія, а въ другихъ, напротивъ, готовилъ почву для примиренія съ совѣтскимъ режимомъ, такъ какъ вездѣ, молъ, такъ же плохо.

При здоровой оцѣнкѣ, опытъ совѣтской власти долженъ былъ послужить предметнымъ урокомъ политической грамоты. Но у насъ, къ сожалѣнію, не любятъ брать элементарныхъ уроковъ. Еще Тургеневъ гдѣ-то сказалъ о томъ, что если дать русскому гимназисту карту звѣзднаго неба, то онъ и не подумаетъ ее изучать, но черезъ четверть часа возвратитъ ее вамъ со своими исправленіями.

Страшнѣе всего подумать, какую умственную дисциплину и культуру вынесетъ изъ этой эпохи подростающее поколѣніе. И утѣшеніемъ можетъ служить лишь то, что если молодежь легко и быстро усваиваетъ, то она не менѣе легко и быстро забываетъ. А затѣмъ усваиваетъ новое.

Объ этомъ новомъ только и нужно позаботиться.

* * *

Мѣсяцы и годы жили мы среди этого обнищанія и оскудѣнія, подъ постояннымъ гнетомъ и въ постоянной тревогѣ.

Выселятъ . . . Ограбятъ на обыскѣ . . . Мобилизуютъ . . . Обложатъ какой-нибудь повинностью . . . Закроютъ магазины и ничего нельзя будетъ достать . . . Потащатъ на какія-нибудь работы . . . Съ завтрашняго дня не будетъ свѣта . . . Истекаетъ срокъ на обмѣнъ такихъ-то удостовѣреній . . .

Кругомъ выселяли, обыскивали, тащили на работы . . .

Матерьяльно жилось скверно и было ясно, что не можетъ не становиться все хуже и хуже. Жили изо дня въ день, — во всѣхъ смыслахъ. Съ чувствомъ облегченія ложились вечеромъ въ постель, сознавая, что по крайней мѣрѣ сегодняшнія непріятности закончились. Съ волненіемъ шли на каждый звонокъ

и были рады, если оказывалось, что звонили въ нашу дверь по ошибкѣ. Прислушивались ко всякому шороху на лѣстницѣ — не къ намъ ли...

Ходили по мертвымъ улицамъ города, смотрѣли на кошмарно-однообразныя вывѣски «КЕПО № такой-то», на изможденные и тупыя лица прохожихъ.

Читали расклеенныя по стѣнамъ газеты, сообщавшія о революціи въ Лиссабонѣ и о побѣдѣ на какомъ-нибудь вновь изобрѣтенномъ фронтѣ...

Мы задыхались. И вокругъ насъ задыхались. Всѣ — близкіе и далекіе. Европа, Западъ представлялись обѣтованной землей...

* * *

⋆

27 іюля 1921 года мы снова провели ночь на вокзалѣ; снова, какъ полтора года назадъ, въ вагонѣ желѣзнодорожника.

Утромъ вагонъ двинулся, но на этотъ разъ уже не для маневрированія. Опъ увезъ насъ изъ Кіева.

Надолго. Надѣюсь, что не навсегда.

Апрѣль 1922.